

Национальный
исследовательский
Томский
государственный
университет

ISSN 2306-2061

Текст Книга Книгоиздание

Text. Book. Publishing | № 39 2025

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ

TEXT. BOOK. PUBLISHING

Научно-практический журнал

2025

№ 39

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52489 от 21 января 2013 г.)

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 42043

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ»**

И.А. Айзикова (Томск) – главный редактор

А.В. Галькова (Томск) – отв. секретарь

С.В. Березкина (Санкт-Петербург)

Т.А. Гридина (Екатеринбург)

Н.П. Дворцова (Тюмень)

Ю.М. Ершов (Томск)

Н.В. Жиликова (Томск)

И.В. Лизунова (Новосибирск)

В.В. Мароши (Новосибирск)

И.В. Тубалова (Томск)

К.И. Шарафадина (Санкт-Петербург)

О.Г. Щитова (Томск)

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
сайт <http://journals.tsu.ru/book/>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

<i>Новикова Е.Г.</i> Областной текст в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского: постановка проблемы	5
<i>Богданова О.В., Жилене Е.С.</i> Лирическая проза Л. Рубинштейна («Целый год. Мой календарь»)	22
<i>Горбовская С.Г.</i> Достижение эффекта реляционности через реконструкцию старинной традиции в романе Ванессы Диффенбах «Язык цветов»	37

КНИГА И ЧТЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

<i>Третьяков Е.О.</i> В.А. Жуковский на страницах журнала «Сын Отечества»: 1812–1824-гг.	54
<i>Андрущенко Е.А.</i> К истории одной газетной полемики	74
<i>Мутьев В.А.</i> Книговедение и история книги: этнометодологический подход	89

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

<i>Дровалёва Н.А.</i> Монгольские тексты в издательстве «Всемирная литература»	104
<i>Назаренко И.И., Баль В.Ю.</i> Форматы представления и создания художественного текста в литературном Рунете (1990-е – начало 2020-х)	120
<i>Зылевич Д.П.</i> Книги для семейного чтения в современной издательской практике Беларуси	140

РЕЦЕНЗИИ

<i>Севастьянова С.К.</i> Рецензия на книгу архимандрита Макария (Веретенникова) «Патриарх-схимник» (Сергиев посад: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2024. 544 с.)	155
Правила оформления статей	170

CONTENTS

PROBLEMS OF TEXT: THEORY AND PRACTICE

<i>Novikova E.G.</i> Oblastnoy text in <i>A Writer's Diary</i> by Fyodor Dostoevsky: Statement of the problem	5
<i>Bogdanova O.V., Zhilene E.S.</i> Lyrical prose by Lev Rubinstein ("A Whole Year. My Calendar")	22
<i>Gorbovskaya S.G.</i> Achieving the effect of relativity through the reconstruction of an old tradition in Vanessa Dieffenbaugh's novel <i>The Language of Flowers</i>	37

BOOK AND READING IN CULTURE

<i>Tretyakov E.O.</i> Vasily Zhukovsky on the pages of the magazine <i>Syn Otechestva</i> : 1812–1824	54
<i>Andrushchenko E.A.</i> On the background of a newspaper debate	74
<i>Mutev V.A.</i> Book science and history of the book: The ethnomethodological approach	89

BOOK PUBLISHING

<i>Drovaleva N.A.</i> Mongolian texts by the Vsemirnaya Literatura publishing house	104
<i>Nazarenko I.I., Bal V.Yu.</i> Formats of presentation and creation of literary texts in literary Runet (1990s – early 2020s)	120
<i>Zylevich D.P.</i> Books for family reading in modern publishing practice in Belarus	140

REVIEWS

<i>Sevastyanova S.K.</i> Book Review: Archimandrite Macarius (Veretennikov). (2024) <i>Patriarkh-Skhimnik</i> [Patriarch-Schemamonk]. Sergiev Posad: Holy Trinity Lavra of St. Sergius, 544 p.	155
Rules for Article Submission	170

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Научная статья

УДК 821.161.1

doi: 10.17223/23062061/39/1

ОБЛАСТНОЙ ТЕКСТ В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Елена Георгиевна Новикова¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, elenpov@mail.ru*

Аннотация. В статье в рамках теоретической проблематики локального текста на основании статьи «Областное новое слово» Ф.М. Достоевского (майский номер «Дневника писателя» 1876 г.) введена и использована категория «областного текста». Реконструирована и описана динамика восприятия писателем места и значения «областного слова» от 1850-х гг. до 1881 г.

Ключевые слова: локальный текст, областной текст, полифония, М.М. Бахтин, Ф.М. Достоевский, «Дневник писателя», «Областное новое слово»

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01407, <https://rscf.ru/project/25-28-01407/>

Для цитирования: Новикова Е.Г. Областной текст в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского: постановка проблемы // Текст. Книга. Книгоиздание. 2025. № 39. С. 5–21. doi: 10.17223/23062061/39/1

PROBLEMS OF TEXT: THEORY AND PRACTICE

Original article

OBLASTNOY TEXT IN *A WRITER'S DIARY* BY FYODOR DOSTOEVSKY: STATEMENT OF THE PROBLEM

Elena G. Novikova¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
elenov@mail.ru

Abstract. The article, within the theoretical framework of the local text, introduces and employs the category of the "oblastnoy" (regional) text. While this term does not currently hold the status of a universally accepted scientific term, its introduction allows for raising a specific question about the place and significance of the "oblastnoe" (regional) word in Fyodor Dostoevsky's works. The basis for this inquiry is his article "Oblastnoe novoe slovo" ("A New Regional Word") in the May 1876 issue of *A Writer's Diary*. The entire *A Writer's Diary* by Dostoevsky is truly polyphonic; however, Dostoevsky's position regarding the "oblastnoe" word in this specific article comes into a certain contradiction with the general polyphonic orientation of *A Writer's Diary*, as he expressed doubts there about whether the "regions and peripheries" possess the right to their own independent "new" word. Certain aspects of his publishing policy in the 1860s–1870s also attest to this. Thus, the "oblastnoe novoe slovo" indicated in the article's title appears in Dostoevsky as a problem: does it exist in reality, or does it not yet exist? An important aspect of analyzing this issue is *The Siberian Notebook*, which is dated approximately to the 1850s–1860s. This is primarily a record of the voices of the prison and Siberia captured by Dostoevsky, and more broadly—the voices of various regions and provinces of Russia. *The Siberian Notebook* is intuitively organized by the writer as a polyphony of the entire Russian people. Moreover, in the first chapter of the December 1877 *Writer's Diary*, in connection with the court case of Ekaterina Kornilova, the writer himself, as a former convict and Siberian resident, considered himself entitled to include his own voice in this polyphony of regional texts. Therefore, by the early 1880s, his position regarding the regional text fundamentally changed, and in the final *Writer's Diary* for January 1881, the writer advocates for the concept of a polyphonic regional text of the Russian people, based on a "thirst for truth." Thus, in Dostoevsky's view by the early 1880s, the "oblastnoy" text becomes the foundation and support for the further fruitful development of Russia.

Keywords: local text, oblastnoy text, polyphony, M.M. Bakhtin, F.M. Dostoevsky, "A Writer's Diary", "Oblastnoye novoye slovo"

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 25-28-01407, <https://rscf.ru/project/25-28-01407/>

For citation: Novikova, E.G. (2025) Oblastnoy text in *A Writer's Diary* by Fyodor Dostoevsky: Statement of the problem. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 39. pp. 5–21. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/39/1

«Дневник писателя» Ф.М. Достоевского поистине полифоничен. В сущности, именно в нем Достоевский окончательно и полностью реализовал то основное качество своего творчества, которое у М.М. Бахтина получило название «большой диалог» [1. С. 49]. Его базовая характеристика, по М.М. Бахтину: «Этот большой диалог у Достоевского художественно организован как не закрытое целое самой стоящей на пороге жизни» [1. С. 49], – и она самым непосредственным образом может быть отнесена к «Дневнику писателя», в котором «стоящая на пороге жизнь» порождает непрестанный диалог его автора «писателя» с другими мыслителями, с разными изданиями, с любым читателем. Как пишет М.М. Бахтин, «пристрастие Достоевского к журналистике и его любовь к газете, его глубокое и тонкое понимание газетного листа как живого отражения противоречий социальной современности в разрезе одного дня, где рядом и друг против друга экстенсивно разворачивается многообразнейший и противоречивейший материал, объясняются именно основной особенностью его художественного видения» [1. С. 35]. Диалогическая установка была заявлена Достоевским как программная уже во «Вступлении» к «Дневнику писателя» (1873): «У нас говорить с другими – наука» [2. Т. 21. С. 6]; «надо уметь разговаривать и знать с кем и как говорить» [2. Т. 21. С. 7]. В финале «Вступления» он обращается к сборнику статей А.И. Герцена «С того берега» (1855) как к своеобразному методологическому образцу для своего нового издания:

Эта книга написана в форме разговора двух лиц, Герцена и его оппонента.

– И мне особенно нравится, – заметил я между прочим, – что ваш оппонент тоже очень умен. Согласитесь, что он вас во многих случаях ставит к стене.

– Да ведь в том-то вся и штука, – засмеялся Герцен [2. Т. 21. С. 8].

В соответствии с классическим определением М.М. Бахтина, полифония Достоевского – это *«множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов действительно является основной особенностью романов Достоевского»* (здесь и далее курсив авторов. – Е.Н.) [1. С. 6] – и «Дневника писателя», добавим мы. Ярким проявлением такой авторской установки писателя стала в этом же первом «Дневнике писателя» 1873 г. глава VIII под названием «Полписьма “одного лица”». Мы не будем останавливаться здесь на истории создания этого текста, в том числе – на степени его подлинности и пр.¹; нам представляется важным указать на саму издатель-

¹ См.: Примечания [2. Т. 21. С. 414–420].

скую политику Достоевского: с содержанием письма он не согласен, но «напечатать» его считает своим «долгом»: «Нечего делать, я взял и должен теперь напечатать» [2. Т. 21. С. 62].

Активная публикация читательских писем (или их отдельных фрагментов) стала одной из ведущих особенностей «Дневника писателя» в целом. Так, в первой главе майского «Дневника писателя» 1876 г. параграф I называется «Из частного письма», и здесь приведены его отдельные фрагменты. Как пишет об этом сам Достоевский, «письмо особенно характерно <...> позволю себе привести из него несколько строк, с соблюдением, конечно, полнейшего анонима» [2. Т. 23. С. 5]. Письмо было посвящено «делу Каировой» [2. Т. 23. С. 5] – судебному процессу над А.В. Каировой, которая совершила попытку убийства из ревности и судом присяжных заседателей была оправдана², и Достоевский подчеркивает право своего корреспондента высказать свое «искреннее» [2. Т. 23. С. 5] мнение об этом.

Параграф II этой же главы представляет собой небольшую статью под названием «Областное новое слово», которая и является предметом нашего исследования.

В ее начале Достоевский вновь обращается к указанному выше «частному» письму и в том числе замечает, что оно «из провинции» [2. Т. 23. С. 6]. Однако после этого вполне второстепенного замечания позиция Достоевского неожиданно меняется, и он переходит к общему вопросу о том, может ли «провинция» вообще «сказать новое слово, не столичное, а областное» [2. Т. 23. С. 6]: «Это письмо из провинции есть письмо частное, но замечу здесь к слову, что наша провинция решительно хочет зажить своеобразно и чуть ли не эмансипироваться от столиц совсем» [2. Т. 23. С. 6]. Иначе говоря, подчеркивая право отдельного человека на любое высказывание в его «Дневнике», одновременно он подвергает определенному сомнению такие же права регионов, «провинций». И далее: «Сказано новое слово будет, это несомненно, но всё же я не думаю, чтобы сказано было что-нибудь слишком уж новое и особенное нашими областями и окраинами, по крайней мере теперь, сейчас, слишком уж что-нибудь неслыханное и трудно выносимое» [2. Т. 23. С. 7].

Так обозначенное в названии статьи «областное новое слово» предстает у Достоевского как проблема, существует ли оно в действительности, это «новое слово» «наших областей и окраин», или его пока еще нет. Хотя здесь же он замечает, что прецеденты такого «областного нового слова» ему уже известны: «У меня вот уже два месяца лежит на

² См.: Примечания [2. Т. 23. С. 355].

столе даже целый литературный сборник «Первый шаг», изданный в Казани³ <...> он выступает решительно с намерением сказать новое слово, не столичное, а областное и "настоятельно необходимое"» [2. Т. 23. С. 6].

Представляется, что эта позиция Достоевского по отношению к «областному слову» вступает в определенное противоречие с общей полифонической установкой «Дневника писателя» на «большой диалог», и это требует специального исследования. При этом следует подчеркнуть, что статья «Областное новое слово» предельно редко становилось предметом изучения. Цель данной работы – описать и осмыслить «Областное новое слово» в контексте творчества Достоевского, что в науке о писателе предпринимается впервые.

Формулировка Достоевского «областное слово» очевидно заставляет обратиться к современным теоретическим представлениям о типологии локальных текстов, что определяет актуальность исследования.

Категория «петербургский текст», глубоко разработанная В.Н. Топоровым [4], обусловила формирование и развитие в российском литературоведении специального направления, посвященного изучению локального текста. В.В. Абашев, отмечая, что «изучение *локальных текстов* русской культуры превращается в быстро развивающееся направление в филологии», особо подчеркивает в этих рамках «изучение семантики и структуры отдельных исторических местностей России» [5. С. 14]; в настоящее время для описания этих явлений активно используется также термин «региональный текст», восходящий как к трудам В.Н. Топорова, так и к исследованиям тартуско-московской семиотической школы (см., например: [6]). При этом любые «исторические местности России», как «столичные» («петербургский текст», «московский текст» [7]), так и «провинциальные» («пермский текст», «сибирский текст» и др.), могут быть названы «локальными» и «региональными». В связи с этим для обозначения нестоличных топосов и явлений стал применяться термин «провинциальный текст».

В указанных рамках типологического подхода к различным вариантам локального текста и по аналогии с ними мы в данной работе используем термин «областной текст», не обладающий сейчас статусом общепотребительного научного применения. Введение его в научный обо-

³ См.: [3].

рот представляется возможным по следующим историко-литературным и теоретическим основаниям.

Понятие «областного» текста порождено и обусловлено собственным определением Достоевского «областное слово» и используется здесь специально для исследования его позиции по поводу «провинциальных» текстов. Поставив в начале «Областного нового слова» вопрос о «провинции» [2. Т. 23. С. 6], Достоевский далее активно использует понятия «область» и «окраина»: «областное» [2. Т. 23. С. 6], «наши области и окраины» [2. Т. 23. С. 6], «области свои и окраины» [2. Т. 23. С. 6], «каждый угол России» [2. Т. 23. С. 7], «нашими областями и окраинами» [2. Т. 23. С. 7]. Безусловно, категория «окраины» также важна в данном контексте (см.: [8]), но использование нами термина «областной текст» обусловлено в конечном счете тем, что именно понятие «областное» Достоевский вынес в название своей статьи, то есть именно его наделил статусом основной смысловой категории своего авторского высказывания.

Теоретическим основанием применения термина «областной текст» может служить явление «областнического романа», описанное М.М. Бахтиным. Глава IX его работы «Формы времени и хронотопа в романе» посвящена «Идиллическому хронотопу в романе», поскольку «значение идиллии для развития романа <...> было огромным» [9. С. 377]. Разъясняя это положение, М.М. Бахтин обозначает «пять основных направлений», в которых проявилось «влияние идиллии на развитие романа нового времени», и первым среди них он называет «областнический роман» [9. С. 377], к «представителям» которого относит Иеремию Готхельфа (Альберт Бициус, 1787–1854), Карла Лебрехта Иммермана (1796–1840), Готфрида Келлера (1818–1890) [9. С. 378]. «Самый основной принцип областничества в литературе, – по мысли ученого, – неразрывная вековая связь процесса жизни поколений с ограниченной локальностью» [9. С. 377], и на этой основе собственно «в областническом романе <...> выдвигается идеологическая сторона – язык, верования, мораль, нравы, – причем и она показана в неотрывной связи с ограниченной локальностью» [9. С. 377]. Итак, с точки зрения М.М. Бахтина, «областничество», «областническое» произведение (в данном случае – роман), определяется прежде всего «ограниченной локальностью», то есть своим локусом, топосом, что не только соотносится с общей проблематикой локального текста, но и задает специфику областного текста, в котором локальность приобретает «идеологический» характер и воплощается в описание своего «языка, верований, морали, нравов». Поэтому на основании этих представлений М.М. Бахтина об областническом мирозерцании «областное слово» вполне закономерно может

стремиться к тому, чтобы сказать свое «новое слово» и тем самым внести свой вклад в «общий стройный хор», «русский хор» [2. Т. 23. С. 6], как пишет об этом Достоевский.

В сущности, именно проблематика «общего стройного» «русского хора» и обусловила глубоко настороженное отношение писателя к «областному новому слову»: «Судя хоть только по письмам, которые я получаю <...> все желают высказать мнение и заявить себя, и вот только одного не могу решить, чего больше желают: обособиться ли в своем мнении каждый или спеться в один общий стройный хор <...> наша провинция решительно хочет зажить своеобразно и чуть ли не эмансипироваться от столиц совсем» [2. Т. 23. С. 6].

Тема «столиц», Петербурга и Москвы, занимает в этой статье очень важное место: «с самого Петра <...> Россию вели Петербург и Москва» [2. Т. 23. С. 6]. Проблематика областного текста у Достоевского вписана здесь в контекст петербургского и вообще столичного текста. Очевидно, что само понятие «петербургского текста» теснейшим образом связано с его творчеством, и как подчеркивает С.Г. Бочаров, «в петербургской картине В.Н. Топорова много имен, но Достоевский – центральное имя» [4. С. 7].

Казалось бы, Достоевский начинает спорить сам собой, когда утверждает далее: «И не вся ли Россия <...> притекала и толпилась в Петербурге и Москве во все полтора столетия сряду и, в сущности, сама себя и вела, непрерывно обновляясь свежим притоком новых сил из областей своих и окраин» [2. Т. 23. С. 6]. Однако эти «новые силы из областей и окраин» получали возможность «вести» Россию, только оказавшись в Петербурге и Москве, куда «притекали» и где «толпились», потому что, по мысли писателя, «задачи были совсем одни и те же, как и у всех русских в Москве или Петербурге, в Риге или на Кавказе, или даже где бы то ни было» [2. Т. 23. С. 6]. Представление о том, что «задачи были совсем одни и те же», фактически, отменяет любое локальное слово, любой областной текст, поскольку общий пафос этой статьи – «единая душа» России: «душа была единая» [2. Т. 23. С. 6].

Этот пафос был обусловлен острым геополитическим контекстом так называемого «восточного вопроса», в котором создавался «Дневник писателя» 1876 г.: участием российских добровольцев во главе с генералом М.Г. Черняевым в сербо-турецкой войне 1876–1877 гг. – в борьбе балканских славян за освобождение от турецкого ига, которая в 1877 г. переросла в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Достоевский не просто

поддерживал эти военные действия российских добровольцев, а позже и Российской империи, с его точки зрения, «восточный вопрос» стал ключевым политическим и геополитическим событием эпохи. Уже вся вторая глава октябрьской книги того же «Дневника писателя» за 1876 г. посвящена движению российских добровольцев: «I. Новый фазис Восточного вопроса. II. Черняев. III. Лучшие люди. IV. О том же» [2. Т. 23. С. 148–162], а далее восточный вопрос станет вообще основной темой «Дневника» 1877–1878 гг.

Поэтому в статье «Областное новое слово», обозначив проблематику областного, а также столичного, петербургского и московского текстов, Достоевский в конечном счете от вопроса любого локального текста переходит к утверждению единства России: «Ведь уж чего бы кажется противоположнее, как Петербург с Москвой <...>. А между тем эти *два центра* русской жизни, в сущности, ведь составили один центр <...>. Душа была единая и не только в этих двух городах, но в двух городах и во всей России вместе, *так, что везде по всей России в каждом месте была вся Россия*» [2. Т. 23. С. 6–7]. Само обращение к проблематике областного текста обусловлено было в этот момент у Достоевского ощущением опасности «духовного разъединения» страны. Это проявилось уже в самом начале статьи: «наша провинция решительно хочет зажить своеобразно и чуть ли не эмансипироваться от столиц совсем»; этим же писатель завершает свой призыв к единству: «О, мы понимаем, что каждый угол России может и должен иметь свои местные особенности и полное право их развивать; но таковы ли эти особенности, чтобы грозить духовным разъединением или даже просто каким-нибудь недоумением?» [2. Т. 23. С. 7].

В финале статьи он снова обращается к казанскому сборнику: «никакой Казани и Астрахани обижаться почти совсем не за что. А ихним сборникам мы рады, и если даже выйдет и «Второй шаг», то тем лучше, тем лучше» [2. Т. 23. С. 7]. Несмотря на то, что «Первый шаг», как пишет он сам, «вот уже два месяца» лежал на его столе, никакого иного обращения к нему, кроме беглого упоминания в «Областном новом слове», Достоевский более не предпримет, несмотря на то, что сборник активно обсуждался в текущей российской прессе⁴. При этом следует заметить, что «Первый шаг» для своего времени был незаурядным явлением, и его вполне можно считать прообразом разнообразных современ-

⁴ См.: Примечания [2. Т. 23. С. 356–358].

ных исследований локальных текстов, посвященных Перми [5], Архангельску [10], Старой Руссе [11], Астрахани [12]⁵ и др.

О подобной же издательской политике Достоевского по отношению к областному тексту свидетельствует и рассказ Г.Н. Потанина, относящийся к гораздо более раннему периоду – к началу 1860-х гг., когда братья М.М. и Ф.М. Достоевские издавали свой первый журнал «Время». На рубеже 1850–1860-х гг. в Петербурге оформилось такое самобытное «областное» явление, как «сибирское землячество», переросшее затем в социокультурное движение сибирского областничества, лидерами которого стали тот же Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, Н.С. Щукин и др. (и использование термина «областной текст» по отношению к областничеству представляется более чем уместным). Молодой группе сибирских областников необходимы были публикации, в которых они могли бы представить свои представления о Сибири как о самобытном крае, вернуть свой областной текст. Один из таких текстов был задуман Н.М. Ядринцевым как рецензия⁶ на книгу И.И. Завалишина «Описание Западной Сибири» [13]. Как вспоминает Г.Н. Потанин, «мы были в восторге от этого бойкого пера и благословили его нести рукопись в редакцию. Он снес ее в журнал «Время»; но статью не приняли, сказали, что он на муху пошел с обухом, что книжка имеет ничтожное значение и жаль на нее тратить в журнале целый десяток страниц» [14. С. 118]. Фактически Н.М. Ядринцев на страницах «Времени» пытался организовать плодотворную полемику по сибирской проблематике, но редакция журнала отказалась публиковать этот областной текст, ссылаясь даже не на качество самой рецензии, но на то, что «книжка» о Сибири «имеет ничтожное значение», несмотря на то, что И.И. Завалишиным был создан серьезный труд.

Тем не менее именно в Сибири у Достоевского началось формирование такого понимания областного текста, которое можно было бы назвать полифоническим и вписать его в идейное пространство большого диалога.

Концепция диалога уже давно и плодотворно используется для описания взаимодействия различных локальных текстов (см., например: [15]). В свою очередь, обращаясь к базовым бахтинским характери-

⁵ Интересно, что среди современных описаний областного текста есть Старая Русса – «город Достоевского» и Астрахань, упомянутая им в статье как одна из «областей и окраин».

⁶ Рецензия Н.М. Ядринцева не сохранилась.

кам полифонии Достоевского, следует обратить особое внимание на категорию «голоса» (вполне закономерную, конечно, для полифонии – «многоголосья»): «множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов»; «герой Достоевского <...> полновесное слово, *чистый голос*; мы его не видим, мы его слышим» [1. С. 62]. В своей статье Достоевский, описывая «областное новое слово», называет его также и «голосом»: «всё это лишь новые голоса в старом русском хоре» [2. Т. 23. С. 6], затем закономерно переходя от категории «голоса» к понятию «хора», принципиально важного в концепции данной статьи, посвященной проблематике единства России (как мы постарались показать это выше): «спеться в один общий стройный хор».

Представляется, что именно в контексте непростого десятилетнего сибирского опыта у Достоевского постепенно стало складываться (безусловно, сначала совершенно интуитивное) представление об областном тексте не как о некоей новой идеологии (что и вызвало его неприятие в «Областном новом слове»), но как о самобытном, оригинальном «голосе», звучащем «слове».

Предельно ярко это проявилось уже в его <Сибирской тетради>. Название не принадлежит Достоевскому, в оригинале – это «самодельная тетрадь» «без заглавия и даты» [2. Т. 4. С. 310], датируется приблизительно 1853–1860 гг. [2. Т. 4. С. 310]. Это записи, которые Достоевский начал делать в омском остроге и продолжил во время своего дальнейшего пребывания в Сибири; как отмечено в примечаниях, «это первая дошедшая до нас записная книжка писателя» [2. Т. 4. С. 310]. Ее отличие от всех последующих записных книжек писателя состоит в том, что это преимущественно не его собственные тексты, но зафиксированные (и пронумерованные) им живые и непосредственные высказывания торговщиков и жителей Сибири, это «многоголосый и разноязычный говор тюремной толпы», это «поговорки, пословицы, отрывки тюремных легенд, анекдотов и песен, обрывки разговоров, отдельные меткие выражения, как будто только что сорвавшиеся с языка» [2. Т. 4. С. 311]. Это голоса тюрьмы, Сибири, в целом же – это голоса разных областей и регионов России. Как пронизательно и точно назвал свою книгу, посвященную Сибирской тетради⁷, В.П. Владимирцев, это «Достоевский народный» [16], это Достоевский, записавший многоголосье – полифонию – русского народа, включая татар, евреев, украинцев и др.

⁷ Такое оформление данного названия, без кавычек, но и без ломаных скобок используется в Полн. собр. соч. См.: [2. Т. 4. С. 310–311].

Несмотря на название Сибирская тетрадь, собственно сибирских областных текстов в ней достаточно немного: «(40) Эх ты, подаянная голова. Голову тебе в Тюмени подали» [2. Т. 4. С. 236]; «(75) «Ах ты, язевоу лоб! – Да ты не сибиряк ли? – Да есть мало-мало! А что? – Да ничего» [2. Т. 4. С. 238]; «(85) Сибиряк солёные уши» [2. Т. 4. С. 238] и некоторые др.

В целом же это большой диалог разных областных голосов, разных областных текстов: «(89) Ишь, Пермь желторотая! Ишь, пермяк кособрюхий!» [2. Т. 4. С. 238]; «(92) Эх, жид,хватишь кнута, в Сибирь пойдешь! – А що там пан бог есть? – Да есть-то есть! – Ну нехай! был бы пан бог да гроши!» [2. Т. 4. С. 238]; «(115) «Нашим курским? – Да мы не курские. – Аль тамбовским? – Да и не тамбовские. – Да постой, брат! – Нет, брат, за постой у нас деньги платят. Отваливай» [2. Т. 4. С. 239]; «(136) Хорошо! Я-то, положим, туляк, а вы-то в Полтавской губернии галушкой подавились» [2. Т. 4. С. 239]; «(150) Здорово, ребята! – Курские, ваше благородие. – Что! которой губернии? – Женатые, ваше благородие» [2. Т. 4. С. 239] и т. д.

Поэтому в определенной ситуации Достоевский посчитал себя вправе самому заговорить от имени Сибири, от имени сибиряков.

Напомним, поводом для «Областного нового слова» в первой главе майского «Дневника писателя» 1876 г. стало «дело Каировой», и вся первая глава, кроме параграфа II с этой статьей, была посвящена ее делу и судебному процессу. Обсуждая решение суда присяжных о помиловании А.В. Каировой, Достоевский впервые упоминает еще одну недавнюю попытку убийства, также совершенную молодой женщиной: «Вон мачеха недавно выбросила из четвертого этажа свою шестилетнюю падчерицу» [2. Т. 23. С. 19].

Это самая первая реплика писателя по «делу Корниловой», и к этому делу, к личности Е.П. Корниловой и к судам над ней Достоевский будет возвращаться неоднократно: в октябрьском номере «Дневнике писателя» 1876 г., в апрельском 1877 г., наконец, ей посвящена вся первая глава декабрьского «Дневника писателя» 1877 г. Такое внимание писателя было обусловлено тем, что, познакомившись со всеми подробностями происшествия, он полностью встал на сторону Е.П. Корниловой и принял большое личное участие в ее судьбе: активно защищал ее на страницах «Дневника», несколько раз посещал в тюрьме, видел ее новорожденную дочь, познакомился с ее мужем С.К. Корниловым⁸.

⁸ См.: Примечания [2. Т. 23. С. 360–361, 405–406].

Первая глава декабрьского номера «Дневника писателя» 1877 г. сразу же начинается этим «делом»: «Заключая двухлетнее издание «Дневника» теперешним последним, декабрьским выпуском, я нахожу необходимым сказать еще раз одно слово об одном деле, о котором я уже слишком довольно говорил <...>. Это всё опять о той мачехе, Корниловой <...>. Как известно, преступница была судима, осуждена, потом приговор был кассирован, и, наконец, окончательно была оправдана на вторичном суде 22 апреля сего года <...>. В этом деле мне случилось принять некоторое участие» [2. Т. 26. С. 92]. И здесь Достоевский обращается к рассказу о своем последнем посещении Е.Н. Корниловой в тюрьме перед повторным судом: «я, ровно накануне дня суда, заехал к ней в острог. Твердых надежд на оправдание не было у нас ни у кого, ни у меня, ни у адвоката. У ней тоже <...>. У меня же в голове насчет ее ходило несколько мрачных мыслей, и я именно заехал с целью сказать ей одно словцо» [2. Т. 26. С. 105], «словцо» – о том, «как ей следует жить в Сибири, если сошлют ее» [2. Т. 26. С. 105].

Это «словцо» превратилось в уникальное в своем роде высказывание Достоевского из позиции сибиряка, пусть – бывшего: «я же знаю Сибирь» [2. Т. 26. С. 105], из позиции человека, глубоко знающего и понимающего этот край, поскольку «чуть ли не вся-то Сибирь, в три эти столетия, произошла от ссыльных, населилась ими» [2. Т. 26. С. 105] – и он сам был среди них. Достоевский не сомневался в своем праве говорить от имени края «каторги и ссылки» и в разговоре с Е.Н. Корниловой реализовал это свое право, эту свою возможность прямого «сибирского» высказывания.

«Мрачные мысли» посещали Достоевского при раздумьях о возможном будущем Екатерины Корниловой в Сибири: «едва совершеннолетняя женщина, с ребенком на руках, пустится в Сибирь <...> на чужой стороне, одной, беззащитной и еще недурной собою, такой молодой, – где ей устоять от соблазна, думалось мне? Подлинно на разврат толкает ее судьба <...>. Упасть легко, но зато сибиряки, простой народ и мешане – это самые безжалостные к падшей женщине люди» [2. Т. 26. С. 105]. И далее следует специальное описание «областного слова» Сибири о падшей как «слова укора»: «вечное ей презрение, слово укора, попреки, насмешки, и это до самой старости, до могилы. Прозвище особое дадут» [2. Т. 26. С. 105]. Но Достоевский свое «словцо» Екатерине Корниловой говорил во имя того, чтобы нарисовать и прямо противоположный сценарий ее пребывания в Сибири: «Но другое дело, если сосланная мать соблюдет себя в Сибири честно и строго: молодая женщина, соблюдающая себя честно, пользуется огромным уважением» [2.

Т. 26. С. 105]. И снова следует описание возможного «областного» мнения о ней: «Всякий-то ее защищает, всякий-то ей пожелает угодить, всякий-то перед ней шапку снимет» [2. Т. 26. С. 105].

Так его высказывания о судьбах женщин, сосланных в Сибирь, влились в ту общую полифонию областного текста Достоевского, которая получила свое первоначальное оформление в Сибирской тетради.

Причем если в «Областном новом слове» писатель подвергал сомнению то, что у «областей и окраин» есть свое «новое» слово, есть своя оригинальная позиция и идеология, то существенная часть его последнего «Дневника писателя» за январь 1881 г. посвящена именно этому: «выгляните из Петербурга, и вам предстанет море-океан земли Русской, море необъятное и глубочайшее» [1. Т. 27. С. 15].

Обращение к Петербургу принципиально; уже в черновых записях <Записной тетради 1880–1881 гг.> к «Дневнику писателя» утверждается следующее: «Уничтожение аристократизма, петербургского взгляда на народ и на Россию и смирение перед нею» [1. Т. 27. С. 80]. Эти идеи были развернуты Достоевским в первой главе январского «Дневника» 1881 г.: «Ну что, если б, например, Петербург согласился вдруг, каким-нибудь чудом, сбавить своего высокомерия во взгляде своем на Россию <...>. Ибо что же Петербург, — он ведь дошел до того, что решительно считает себя всей Россией, и это от поколения к поколению идет, нарастая <...>. И вот у нас воображают иные <...>, что в Петербурге слилась вся Россия. Но Петербург совсем не Россия» [1. Т. 27. С. 14–15]. Но представление о том, что «в Петербурге слилась вся Россия», — это в том числе его собственное представление «Областного нового слова»: там, говоря о Петербурге и Москве, он использует именно эту формулировку «вся Россия».

Однако теперь ценностное соотношение столичного и областного текстов принципиально изменилось, и в центре внимания Достоевского — сфера самостоятельного «сознания» «русского народа»: «и уже сколько сознания накопилось в народе русском <...>. Да, сознание уже растет, растет, и уже столь многое народом понято и осмыслено, что петербургские люди и не поверили бы. Это <...> сильно обнаруживается по местам, по углам, по домам и по избам. Где же обнаружится еще в целом — ведь это океан, океан!» [1. Т. 27. С. 15]. Это настоящий апофеоз областного текста Достоевского — апофеоз самостоятельных «областных новых слов», которые формируются и уже сформировались в России «по местам, по углам, по домам и по избам» — и их «океан». Та полифония областного голоса, которую писатель сначала интуитивно начал фиксировать в Сибирской тетради с 1850-х гг., теперь, в начале 1880-

х гг., оформилась в его осознанную концепцию самостоятельного слова русского народа, в основе которого – «жажда правды»: «Можно бы вот как сказать: “Жажда правды, но неутоленная”. Ищет народ правды и выхода к ней беспрерывно и всё не находит <...>. Затребовалось новое слово» [1. Т. 27. С. 16].

И далее в качестве ближайшей социальной задачи Достоевский предлагает реализовать эти особые возможности самостоятельного народно-го слова: «Позовите серые зипуны и спросите их самих об их нуждах, о том, чего им надо, и они скажут вам правду, и мы все, в первый раз, может быть, услышим настоящую правду. И не нужно никаких великих подъемов и сборов; народ можно спросить по местам, по уездам, по хижинам» [1. Т. 27. С. 21]. Областное слово «мест, уездов, хижин» – как слово народа «о нуждах своих и полная о них правда» [1. Т. 27. С. 24]. Так областной текст в начале 1880-х гг. становится у Достоевского основой и опорой дальнейшего плодотворного развития России.

Таким образом, постановка проблемы «областного текста» Достоевского, в основе которой – его собственные представления об «областном слове», а также принадлежащая М.М. Бахтину концепция «областнического» произведения (романа), позволила выявить особое внимание писателя к областному тексту и динамику авторского к нему отношения.

Его первые впечатления о нем как о «голосе» российской провинции сформировались в Сибири в 1850-х гг. и были зафиксированы в Сибирской тетради 1850–1860-х гг., которая свидетельствует о том, что уже первые исходные описания областных текстов носили у Достоевского полифонический характер.

К специальному осмыслению областного текста Достоевский обратился в «Дневнике писателя» 1876–1881 гг. В статье «Областное новое слово» майского «Дневника» 1876 г., обозначив это явление российской культуры, писатель выразил сомнения в том, что «области и окраины» обладают своим самостоятельным «новым» словом. Об этом свидетельствуют и отдельные аспекты его издательской политики 1860–1870-х гг.

В начале 1880-х гг. его позиция по отношению к областному тексту принципиально изменилась, и в последнем «Дневнике писателя» за январь 1881 г. писатель отстаивает принципы реализованной в российских областных текстах «множественности самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний» «подлинной полифонии полноценных голосов» русского народа.

Список источников

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М. : Сов. Россия, 1979. 320 с.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л. : Наука, 1972–1990.
3. Первый шаг. Провинциальный литературный сборник. [Казань :] Тип. К.А. Тилли, 1876. 593 с.
4. Топоров В.Н. Петербургский текст. М. : Наука. 2009. 820 с. (Памятники отечественной науки. XX век).
5. Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь : Изд-во Пермского университета, 2000. 404 с.
6. Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 664. Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам XVIII. Тарту : Тартуский государственный университет, 1984. 139 с.
7. Москва и «московский текст» русской культуры : сб. ст. / отв. ред. Г.С. Кнабе. М. : Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 1998. 225 с.
8. Михновец М.В. «Окраины» России в восприятии Ф.М. Достоевского: постановка проблемы // Геополитическая карта и картина мира Ф.М. Достоевского / под ред. Е.Г. Новиковой, А.И. Щербинина. Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 2021. С. 218–227.
9. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М. : Художественная литература, 1975. 504 с.
10. Давыдов А.Н. Архангельск: семантика городской среды в свете этнографии международного морского порта // Культура русского севера. Л., 1988. С. 86–99.
11. Литягин А.А., Тарабукина А.В. К вопросу о центре России (топографические представления жителей Старой Руссы) // Русская провинция: миф-текст-реальность. М. ; СПб., 2000. С. 324–334.
12. Боровская А.А. История родного города как макросюжет цикла Б. Шаховского «Стихи об Астрахани» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2023. Т. 25. № 5 (92). С. 72–77.
13. Завалишин И.И. Описание Западной Сибири : в 3 т. М. : Типография В. Грачева и комп., 1862–1865.
14. Литературное наследство Сибири. Т. 6 / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск: Запдно-Сибирское кн. изд., 1983. 336 с.
15. Айзикова И.А. Тема заселения Урала в уральском, сибирском и «столичном» текстах о переселенцах (1850–1890-е гг.): проблема диалога // Текст. Книга. Книгоиздание. 2014. № 3 (7). С. 23–44.
16. Владимирцев В.П. Достоевский народный. Ф.М. Достоевский и русская этнологическая культура : статьи, очерки, этюды, комплекс историко-литературных исследований. Иркутск, 2007. 458 с.

References

1. Bakhtin, M.M. (1979) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. 4th ed. Moscow: Sovetskaya Rossiya.

2. Dostoevskiy, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete Works: in 30 vols.]. Leningrad: Nauka.
3. Anon. (1876) *Pervyy shag. Provintsial'nyy literaturnyy sbornik* [The First Step. A Provincial Literary Collection]. [Kazan:] Tip. K.A. Tilli.
4. Toporov, V.N. (2009) *Peterburgskiy tekst* [The Petersburg Text]. Moscow: Nauka.
5. Abashev, V.V. (2000) *Perm' kak tekst. Perm' v russkoy kul'ture i literature XX veka* [Perm as Text. Perm in 20th-Century Russian Culture and Literature]. Perm: Perm University.
6. Gasparov, M.L. et al. (eds) (1984) *Semiotika goroda i gorodskoy kul'tury. Peterburg. Trudy po znakovym sistemam XVIII* [Semiotics of the City and Urban Culture. Petersburg. Works on Sign Systems XVIII]. Tartu: Tartu State University.
7. Knabe, G.S. (ed.) (1998) *Moskva i "moskovskiy tekst" russkoy kul'tury* [Moscow and the "Moscow Text" of Russian Culture]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
8. Mikhnovets, M.V. (2021) "Okrainy" Rossii v vospriyatii F.M. Dostoevskogo: postanovka problemy ["Outskirts" of Russia in the perception of F.M. Dostoevsky: Problem Statement]. In: Novikova, E.G. & Shcherbinin, A.I. (ed.) *Geopoliticheskaya karta i kartina mira F.M. Dostoevskogo* [The Geopolitical Map and Worldview of F.M. Dostoevsky]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 218–227.
9. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics. Studies from Different Years]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
10. Davydov, A.N. (1988) Arkhangel'sk: semantika gorodskoy sredy v svete etnografii mezhdunarodnogo morskogo porta [Arkhangel'sk: The Semantics of the Urban Environment in Light of the Ethnography of an International Seaport]. In: Chistov, K.V. (ed.) *Kul'tura russkogo severa* [Culture of the Russian North]. Leningrad: [s.n.]. pp. 86–99.
11. Lityagin, A.A. & Tarabukina, A.V. (2000) K voprosu o tsentre Rossii (topograficheskiye predstavleniya zhiteley Staroy Russy) [On the center of Russia (Topographical perceptions of the residents of Staraya Russa)]. In: Sazhin, V.N. (ed.) *Russkaya provintsiya: mif-tekst-real'nost'* [The Russian Province: Myth-Text-Reality]. Moscow, St. Petersburg: Tema. pp. 324–334.
12. Borovskaya, A.A. (2023) Istoriya rodnogo goroda kak makrosyuzhet tsikla B. Shakhovskogo "Stikhi ob Astrakhani" [The History of one's hometown as a macro-plot of B. Shakhovsky's cycle "Poems about Astrakhan"]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsestra Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*. 25(5(92)). pp. 72–77.
13. Zavalishen, I.I. (1862–1865) *Opisanie Zapadnoy Sibiri: v 3 t.* [Description of Western Siberia: in 3 vols]. Moscow: V. Grachev and K.
14. Yanovskiy, N.N. (ed.) (1983) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [The Literary Heritage of Siberia]. Vol. 6. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe kn. izd-vo.
15. Ayzikova, I.A. (2014) The Ural settlement topic in the Ural, Siberian and "capital" texts about settlers (1850s-1890s.): Problem of the dialogue. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 3(7). pp. 23–44. (In Russian).

16. Vladimirtsev, V.P. (2007) *Dostoevskiy narodnyy. F.M. Dostoevskiy i russkaya etnologicheskaya kul'tura: stat'i, ocherki, etyudy, kompleks istoriko-literaturnykh issledovaniy* [Dostoevsky, Man of the People. F.M. Dostoevsky and Russian Ethnological Culture: Articles, Essays, Sketches, Historical-Literary Studies]. Irkutsk: [s.n.].

Сведения об авторе:

Новикова Елена Георгиевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: elennov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Elena G. Novikova, Dr. Sci. (Philology), full professor, professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elennov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 31.08.2025;
одобрена после рецензирования 05.09.2025; принята к публикации 05.09.2025*

*The article was submitted 31.08.2025;
approved after reviewing 05.09.2025; accepted for publication 05.09.2025*

Научная статья

УДК 82.161.1

doi: 10.17223/23062061/39/2

ЛИРИЧЕСКАЯ ПРОЗА Л. РУБИНШТЕЙНА («ЦЕЛЫЙ ГОД. МОЙ КАЛЕНДАРЬ»)

Ольга Владимировна Богданова¹, Екатерина Сергеевна Жилене²

¹ *Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия*

*Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского,
Санкт-Петербург, Россия*

² *Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
Санкт-Петербург, Россия*

*Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского,
Санкт-Петербург, Россия*

¹ *olgabogdanova03@mail.ru*

² *ebibergan@yandex.ru*

Аннотация. На примере анализа прозаического текста Л. Рубинштейна «Целый год. Мой календарь» и поэмы «Мама мыла раму» показано, что автобиографическая тенденция в творчестве писателя-концептуалиста с годами нарастает. Продемонстрирован монологизм системы голосов героя-актанта и героя-рефлексирующего. Конститутивные признаки текста (образ его-героя, образ нарратора, мера документализма) квалифицированы как автобиографические, встраивающие писателя-авангардиста в традицию русской классической литературы.

Ключевые слова: Л. Рубинштейн, концептуализм, художественная автобиография, образы нарратора и героя-актанта, документализм

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-01007, <https://rscf.ru/project/23-18-01007/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

Для цитирования: Богданова О.В., Жилене Е.С. Лирическая проза Л. Рубинштейна («Целый Год. Мой Календарь») // Текст. Книга. Книгоиздание. 2025. № 39. С. 22–36. doi: 10.17223/23062061/39/2

Original article

LYRICAL PROSE BY LEV RUBINSTEIN ("A WHOLE YEAR. MY CALENDAR")

Olga V. Bogdanova¹, Ekaterina S. Zhilene²

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation
F.M. Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy,
Saint Petersburg, Russian Federation

² Saint Petersburg State Institute of Culture, Saint Petersburg, Russian Federation
F.M. Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy,
Saint Petersburg, Russian Federation

¹olgabogdanova03@mail.ru

²ebibergan@yandex.ru

Abstract. The article examines the "small prose" by Lev Rubinstein, one of the founders and a prominent representative of the so-called "Moscow conceptualism". On the example of the analysis of a prose text "A Whole Year. My Calendar" (2018) and its comparison with the poem "Mama Washed the Frame" and the commentary to it shows that the autobiographical trend in the conceptual writer's work is growing. The article questions the critics' observations about the polyphonism of Rubinstein's late prose, but demonstrates the monologism of the system of voices – the actor-hero and the reflecting hero, acting in a single dynamized form. The constitutive (according to modern theory) features of an autobiographical text (the image of the ego-hero, the image of the narrator, the measure of documentalism) are analyzed, and Rubinstein's text is qualified as an artistic autobiography, embedding the avant-garde writer in the tradition of Russian classical literature.

Keywords: L. Rubinstein, conceptualism, artistic autobiography, images of narrator and actor-hero, documentalism

Acknowledgments. The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-18-01007, <https://rscf.ru/project/23-18-01007/>; Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky.

For citation: Bogdanova, O.V. & Zhilene, E.S. (2025) Lyrical prose by Lev Rubinstein ("A Whole Year. My Calendar"). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 39. pp. 22–36. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/39/2

Одной из устойчивых черт поэтического мира писателя-концептуалиста Льва Рубинштейна критиками признается автобиографизм [1–4 и др.]. Сам Рубинштейн пишет: «Всекие автобиографические вкрапления вообще свойственны многим моим сочинениям – как поэтическим, так и

прозаическим» [5. С. 23]. Автобиографическое начало проступает в целом ряде текстов Рубинштейна – «Появление героя», «Всюду жизнь», «Вопросы литературы», «Это я» и др. Исследователи настойчиво выделяют в творчестве Рубинштейна тенденцию к самоидентификации [6–11], к лирическому разговору о себе, о своем времени, о собственном мире. В означенном русле оказывается и одно из последних произведений Рубинштейна – прозаический текст «Целый год», *его* календарь (подзаголовок «годового» текста – «Мой календарь») [12].

Если в автобиографической каталожной поэме «Мама мыла раму» (1987) [5] Рубинштейн нивелирует в тексте собственно автобиографическое начало, давая возможность реципиенту на ассоциативном уровне совместить воспоминания о детстве лирического героя с впечатлениями собственной юности, то в более позднем «Комментарии» к поэме «Мама мыла раму» (2022) автор усиливает личностный момент, каждая карточка поэмы получает дополнительные авторские разъяснения, опирающиеся исключительно на эпизоды из детской поры персонифицированного героя Левушки. Степень личностного присутствия лирического субъекта приумножается.

Между тем, если поэма «Мама мыла раму» была текстом *о детстве* – в целом о детстве послевоенного поколения, если комментарий к «Мама мыла раму» означил усиление самоидентификационного момента, когда художественно контурировался образ лирического *персонажа-ребенка*, то появление «календаря» – «Целый год. Мой календарь» (2018) – стало своеобразным *этапом* взросления «сквозного» авторского alter ego; акцент прозаического произведения смещался с темы детства на осмысление всего *жизненного пути* лирического субъекта, его взросления и становления. Написанные в разные годы тексты Рубинштейна сложились в своеобразную автобиографическую *трилогию*, где прозаическая часть «Целый год. Мой календарь» демонстрирует самую выраженную степень эпизации не только в плане родовой квалификации (поэзия → проза), но и в масштабе создания исторического фона (от удаленной исторической древности до ближайшей современности).

Несмотря на то, что прозаический текст «Целый год. Мой календарь» – произведение последних лет, о которых Рубинштейн говорит как о времени отхода от концептуализма [13], исследователи по-прежнему квалифицируют его как содержащий формальные эксперименты и акцентируют стилистику концептуалистского многоголосия. Так, применительно к «Моему календарю» исследователь О.Е. Романовская полагает, что текст сформирован режиссерской функцией автора, «вторичными нарраторами», полилогическим многоголосием, «диалогом непер-

сонифицированных голосов», пародированием «безликости прозы соцреализма» [14. С. 127] и т. п. Сходную точку зрения демонстрируют и другие исследователи, утверждающие, что у Рубинштейна «индивидуально-авторское растворяется в мифах массового сознания» [15. С. 182]. Как квазибиографическую прозу квалифицирует текст Рубинштейна М. Липовецкий: «субъект появляется <...> не как самоценно-уникальная точка зрения <...>, а как русло языков (формирующих многочисленные реальности)» [16. С. 18–19]. На идее «квазибиографичности» настаивает и М. Ямпольский [17. С. 201].

Между тем, на наш взгляд, внутренняя эволюционная динамика творчества Рубинштейна свидетельствует об ином – не о квазиавтобиографизме, но о серьезном усилении (авто)биографического начала, особенно настойчиво аккумулированного в текстах последних лет. На наш взгляд, поздний Рубинштейн все явственнее тяготеет к выраженным формам автобиографии, к отчетливой интенции разговора «о времени и о себе».

По наблюдениям специалистов, доминантными признаками автобиографического повествования считаются следующие. Во-первых, контурирование в художественном тексте образа *ego*-героя, *alter ego* автора, обращенного к воспоминаниям о прошлом, о детстве и юности. Согласно М.М. Бахтину, автобиографию отличает «специфически построенный образ человека, проходящего свой жизненный путь» [18. С. 281]. Во-вторых, признаком автобиографического повествования признается мировоззренческая дистанция между героем-актантом и героем-рефлексирующим, между персонажем юным и повзрослевшим. Ментально-возрастной разрыв дает возможность автору создать стереоскопию повествования, скорректировать особенности мировосприятия субъектов незрелого и повзрослевшего, действующего и думающего. В-третьих, в качестве признака автобиографической наррации специалисты рассматривают документализм, шире – объективность субъективного повествования, вбирающего в себя личностные впечатления *ego*-героя, оттененные документированными сведениями о реально происходившем. По утверждению Г.И. Романовой, «историографическая ценность автобиографии основывается на документальной точности описываемых событий» [19. С. 15].

Несомненно, в числе признаков автобиографического повествования могут быть названы и иные маркеры (прежде всего – доля беллетризации или, например, стилевая окраска, дискурсивность и др.), однако означенные выше признаки специалистами признаются «необходимыми и достаточными», базовыми для квалификации автобиографической

наррации. На наш взгляд, конститутивные признаки автобиографии отчетливо репрезентированы в тексте Рубинштейна, позволяя говорить о его «Целом годе» как о повествовании, намеренно приближенном к традиции автобиографической прозы.

Критик О.Е. Романовская применительно к тексту «Целый год. Мой календарь» пишет о приемах, коррелирующих с формальными практиками концептуализма [14. С. 125], однако, с нашей точки зрения, повествовательная структура текста Рубинштейна, наоборот, представляется необычайно простой и презентабельной, когда подзаголовок «Мой календарь» (как и оформление издания – М.: НЛО, 2018 [12]) позволяет в каждой странице книги увидеть листок отрывного календаря.

В одном из интервью Рубинштейн признавался: «В детстве я любил календари и до сих пор их люблю. Перед Новым годом покупался отрывной календарь на красивой картонной подложке, и его торжественно вешали 1 января на стену вместо старого. Моя обязанность была каждый день отрывать листок. Прежде, чем его прикрепляли, за день я его прочитывал полностью, а потом отрывал листочки. Там были полезные вещи, особенно для женщин, например, как сделать так, чтобы хлеб не черствел, или, к примеру, как не плакать от лука. Были там и советы, и картины, и цитаты. Это смешение жанров мне всегда нравилось, чем я всю жизнь и занимаюсь» [13].

В связи с идеей «смешения жанров» можно вспомнить о концептуалистских карточках Рубинштейна и соотнести их с оторванными листками настенного календаря – писатель фактически актуализирует прием, который отличал и его каталожную поэзию. В формате «календаря» Рубинштейн нашел оптимальный способ совмещения объемной карточки и плоскостного текста, композиционно оправданного размещения в большей или меньшей степени протяженного текста (чаще весьма короткого) на одной странице типографской книги. В известной степени «Мой календарь» – своеобразная модификация его картотечного каталога.

Согласно «жанру» календаря, композиция текста выдержана хронологически линейно – от 1 января до 31 декабря, без пропусков («пустых карточек») и даже с экспликацией 29 февраля (уникального дня, актуального раз в четыре года). Другое дело, что хронологический ритм календаря де(транс)формируется – последовательность каждодневных чисел не замкнута рамками одного года, но раздвигается за счет обращения к различным годам – от глубокой древности до современности¹.

¹ Последний листок календаря называет дату 31 декабря 1999 г., но в тексте появляются и события 2013 г.

Один календарный год у Рубинштейна вмещает событийный ряд всей жизни.

Календарное пространство «Целого года» предваряется внешне «избыточным» для традиционного настенного календаря предисловием «Времена года», в котором повествователь намерен объяснить жанровую специфику предлагаемого календаря и природу календарного исчисления. Однако интонация предисловия носит не столько публицистически комментаторский, сколько поэтический характер. Название «Времена года» (заметим, интертекстуальное) и первая же строка предисловия задают «тему времени» [12. С. 7], которая развивается в цепочке последующих риторических вопросов (3 + 1): «Какое сегодня число? Какая разница? Сегодня – сегодня, а вчера было вчера, не ясно, что ли? // А будет ли завтра? То ли да, то ли нет. Но часы будут тикать, а календарь будет висеть на стене. Может быть, времени вообще больше никогда не будет, а вот календарь будет» [12. С. 7]. Рубинштейн интерпретирует тему времени поэтически, оформляя ее в виде риторических вопросов, соотносимых с вечными вопросами мировой литературы.

Писателю необходимо подчеркнуть важность календаря для фиксации времени, памяти, «мелочей нашей жизни» [12. С. 8], потому он активно вводит поэтические алогизмы, использует оксюмороны, играет в образные метафоры-перевертыши. Календарь для него – вещь «сугубо прикладная» и одновременно «предельно эфемерная», он «предназначен <...> служить год, а при этом имеет свойство застревать в памяти на целые десятилетия» [12. С. 7].

Поэтическое введение приводит Рубинштейна (а следом и читателя) к «простым истинам» с «их бесхитростным теплом» [12. С. 8], задает лирико-сентиментальную тональность в восприятии текста-воспоминания, текста-размышления. Примечательно, что среди «простых истин» Рубинштейна оказывается родина: «...вот и они – никуда не делись: и поваленный забор, и заледевшее крыльцо, и хромая ворона на грязном снегу, и засохший воробьиный помет на черенке лопаты, и пионерский горн, погнутый оттого, что когда-то кто-то кого-то треснул им по башке, и пыльное чучело белки, и стеклянный шарик, и разбитые им очки учителя черчения и рисования, и гонимая ветром скомканная бумага. По-видимому, именно это все и есть наша родина» [12. С. 9]. Автор снимает избыточный пафос с понятия «родина» и грамматически верно пишет существительное с маленькой буквы.

«Контрапунктурным» в его тексте оказывается само слово *родина*, ибо, как известно, писатели-концептуалисты намеренно и декларативно избегали разговора о родине и патриотизме, относя их к концептам уста-

ревшей соцреалистической литературы. Рубинштейн же не только решается заговорить о родине, но и в противовес постмодернистским «запре-там» вводит «прецедентный» образ березы: «...это все и есть наша родина. *А что же еще, не березка же?* Хотя почему? Вот и она, нормальная дачная береза с давным-давно вбитым в нее гвоздем для гамака. Вот она, стоит себе как ни в чем не бывало, то покрываясь снегом в ноябре, то зеленью к середине мая, то осыпаясь, причем всякий раз навсегда, то есть до следующей, совершенно несбыточной весны» [12. С. 9]. Березка встраивается писателем в ряд универсальных категорий – *навсегда*, становясь метонимической заменой, поэтически признанным традиционной русской литературой эквивалентом понятия родина. Рубинштейн, бывший концептуалист, возвращает в современную литературу понятия родина, русская береза – без кавычек, без иронии, без семантического снижения.

В отличие от поэмы «Мама мыла раму», где события частной жизни доминируют, в «Целом годе» календарный принцип построения диктует необходимость формирования социально-темпорального фона, когда антуражем личных эпизодов из детства выступает историческая ретроспектива. Эмоциональная энергия каждого календарного листка рождается в столкновении большого и малого, своего и чужого, личного и исторического.

Согласно авторскому комментарию, первые листки *его* календаря-текста организованы событиями «неочевидными». Однако даже в «неочевидных» фактах различимо, что мотив отбора информации у Рубинштейна осуществляется. Никак не связанный с героем-нарратором факт мировой истории становится опорной точкой в его ассоциативном погружении в воспоминания о детстве. Вслед за классиком мировой литературы автор словно бы взывает: «Говори, память!»

Так, факт появления североамериканского штата Юта становится толчком к детскому воспоминанию о дворовой собаке и о подруге Тани Синодовой: «Ютой звали дворняжку, жившую в доме моей подруги Тани Синодовой. Она, то есть дворняжка, была старая и хромая. Вот запомнил почему-то» [12. С. 16].

Сообщение о введении погон в советской армии вовлекает в мемории текста образы отца и брата: «У меня есть фотография отца именно с такими погонами. Она была прислана с фронта в 1943-м году. Мой старший пятилетний брат страшно гордился этой фотографией» [12. С. 18].

Тогда как О.Е. Романовская настаивает на многоголосии «Моего календаря», то, на наш взгляд, речестилевая тенденция Рубинштейна носит явно противоположную направленность – не центробежную, но

центростремительную. «Чужие голоса» не обретают самостоятельность в тексте Рубинштейна, но вбираются в речь юного героя-рассказчика, наивного героя-актанта, утопая в ней, растворяясь. «Чужие» голоса становятся частью звуко-речевой дорожки героя-подростка, они переданы в «тембре» голоса персонажа. Как и диктует жанровый канон автобиографического произведения, в центре наррации оказывается единственный герой – alter ego автора, его-персонаж, притягивающий все повествовательные нити к себе.

Между тем полифония голосов в тексте Рубинштейна действительно возникает, однако она формируется не из «чужих» голосов, а из реплик-рассуждений самого лирического персонажа по поводу того или иного исторического факта из отрывного календаря. Персонажный голос дробится на подростковый и взрослый, суждения героя-действующего и героя-вспоминающего. Даже цитатный (фактологический) текст календаря утрачивает самостоятельность – не только потому, что он сознательно отобран автором, но еще и потому, что репрезентируется через призму взгляда героя-читающего, словно бы воспроизводящего запись на календарном листке. *Монологический* голос персонажа окрашивается различными регистрами.

Календарные листки Рубинштейна могут ограничиваться только двумя составляющими голосового *моно(поли)лога*, причем если нейтральная фактология календаря выступает константным компонентом фрагмента-листка, то голос персонажа, порождающий энергию «малого» текста, варьируется – двуголосие может быть создано то детским, то взрослым голосом. Рубинштейн словно разнообразит тональность наррации, выдвигая на первый план то воспоминание героя-актанта, то суждение героя-рефлексирующего.

Так, сообщение от 11 апреля 1857 г. – *«Император Александр II утвердил государственный герб России – двуглавого орла»* – снабжено комментарием: «Был такой период (недолгий, впрочем), когда я мечтал о брате-близнеце. Когда же я узнал от кого-то из взрослых, что бывают кроме всего прочего и сиамские близнецы, я стал мечтать о сиамском. Мне казалось, что очень здорово иметь две головы, которые могут между собой болтать целыми часами» [12. С. 123]. Доминантой нарративной тональности в процитированном фрагменте оказывается интонация детская, наивно-глуповатая, забавная. Она поддержана голосом взрослого героя (прош. вр. «был», аксиологический акцент «мне казалось...»), однако в целом листок календаря отражает детский взгляд, восстанавливает то, что «самому интересно вспомнить».

Между тем целый ряд календарных листков может быть пронизан голосом из настоящего, актуализируя точку зрения современного героя, повзрослевшего героя-нарратора. Например, под 16 февраля 1568 г. значится информация: *«Испанская инквизиция вынесла смертный приговор всем (!) жителям Нидерландов»* – комментарий повзрослевшего героя скуп и серьезен: «Случаи, когда смертный приговор выносился целому народу, бывали и позже» [12. С. 62]. Взрослые серьезные наблюдения окрашены интонацией сожаления, пронизаны долей грустной иронии и сарказма.

Едва ли не каждый листок рубинштейновского календаря начинается с анафорического оборота «Я помню...»: «Я помню...» [12. С. 153, 154, 180, 182, 269, 273, 285 и др.], «Я точно помню...» [12. С. 72, 113], «Я очень хорошо помню...» [12. С. 103, 136], «О, да! Помню хорошо...» [12. С. 96]. Или, как вариант – «Я, кстати, не очень помню...» [12. С. 89] или «Вот совершенно не помню...» [12. С. 50]. В любом случае автор аккумулирует мотив памяти, весь *его* календарь организуя как уже свершившуюся историю, фиксируемую памятью. Обилие личных и притяжательных местоимений (*я, мой, меня...*) поддерживают субъективность и личностность пробуждаемых воспоминаний, формируя самостоятельный образ героя-нарратора (= alter ego автора, alter ego повзрослевшего героя-подростка).

Таким образом, в тексте «Целого года» формируются две проекции традиционного автобиографического героя – (1) герой-действующий, герой-актант и (2) герой-мыслящий, герой-рефлексирующий, вспоминающий и оценивающий. Говорить о редуцировании «форм воплощения авторского сознания» (О. Романовская) вряд ли справедливо. Система голосов различима и акцентирована. И повторим еще раз – монологична.

Как было отмечено выше, важную слагаемую автобиографического повествования составляет документализм, который обыкновенно связан с опорой на записки, дневники, эпистолярий и прочее. Если в комментарии к «Мама мыла раму» своеобразным неброским фоновым документом Рубинштейну служили фотографии из семейного альбома, которыми обильно проиллюстрирован текст поэмы (изд. «Новым издательством» [5]), то в «Моем календаре» документально-иллюстративный материал не привлекается. Документализм в «Целом годе» носит особый характер.

Прежде всего документальный фон «Моего календаря» создает сам тип календарного повествования – введение в художественный текст прямых цитат из воображаемого отрывного календаря (хотя помним, Рубинштейн признавался, что он отбирал факты посредством современно-

го носителя – интернета), когда любой факт исторического календаря может быть проверен.

Однако еще более примечателен документализм другого рода – художественный, поэтический, творческий. С нашей точки зрения, особым источником документальности «Моего календаря» становится интертекст, прежде всего *автоинтертекст*, то есть связь «Целого года» с другими произведениями Рубинштейна, в частности с ранее уже сближенными нами текстами «Мама мыла раму» и комментарием к ней. *Другие* тексты Рубинштейна словно бы призваны подтвердить те сведения, которые писатель приводит в *его* календаре.

В тексте «Моего календаря» Рубинштейн вспоминает те же истории и ситуации, которые ранее уже были описаны им – прежде всего в поэме «Мама мыла раму», созданной, как помним, в 1987 г. Воспроизведение того же самого эпизода, который уже знаком читателю, усиливает фактологичность события, поддерживает его правдивость повторением одних и тех же деталей, психологически *документирует* его. Реципиент сталкивается с фактами, с которыми он уже знаком (например, по одному из перформансов).

Таков и запоминающийся эпизод, приведенный в комментарии к поэме «Мама мыла раму» и сопоставимый с ним в «Целом годе», – спор героя-актанта, счастливица, в семье которого был телевизор, с соседом и другом Сашкой Смирновым по поводу телевизионных передач.

26 марта 1937 г.: «Установлен первый в мире памятник мультипликационному герою – моряку Папайю» [12. С. 104]. Апелляция к мультипликационному герою порождает воспоминание: «Телевизор у нас появился рано. Может быть даже, у самых первых в доме. А может быть, у вторых. Во всяком случае, все соседи по квартире приходили по вечерам смотреть наш телевизор с линзой. Некоторые по такому случаю даже принаряжались. Ну вроде как в театр. А во дворе мы с другом Смирновым, в семье которого тоже был телевизор, вели ожесточенные споры о том, что чей телевизор показывает. Я, допустим, говорю с некоторой хвастливостью: «А у нас сегодня будет мультфильм „Золотая антилопа“!» – «Ха! – азартно кричал он. – Не ври! Это у нас сегодня будет „Золотая антилопа“!» – «Нет, у нас!» – кричал я. Дело иногда доходило до драки. О том, что в двух телевизорах может быть одновременно одно и то же, и речи быть не могло» [12. С. 105].

В комментарии к «Мама мыла раму» эпизод весьма сходным образом повторяется. С той лишь разницей, что вместо м/ф «Золотая антилопа» названа «Белоснежка» [5. С. 30]. «Документализм» не только не ослаб-

ляется, но и усиливается, так как захватывает в свое поле уже не один мультфильм, а два (= несколько).

События, зафиксированные на листке календаря от 31 мая 1868 г.: *«В парке парижского пригорода Сен-Клу прошла первая велогонка – это событие принято считать датой рождения велоспорта»* [12. С. 183]. Исторический факт пробуждает воспоминание о собственном велосипеде героя:

Я очень мечтал о велосипеде. И однажды папа его все-таки купил. «Орленок». Шикарная вещь.

Я им пользовался целых два дня.

А на третий день я отправился на нем в булочную. Подъехал к булочной, слез с велосипеда и сказал вертевшемуся рядом пацану: «Я сейчас. Я быстро. Посмотришь?» – «Посмотрю, – говорит пацан. – Давай. Иди. Только недолго».

Я и пошел. И это было действительно недолго. Но ему хватило [12. С. 183].

Расхождений в текстах «Целого года» и комментария к «Мама мыла раму» нет ни в чем, тексты совпадают до последней точки. Мера «документальности» автобиографического текста возрастает.

Художественная документальность (точнее псевдодокументальность) Рубинштейна опирается на игру, усиливая впечатление от «разительных совпадений», особым образом поэтизируя текст. Факты действительности у Рубинштейна от текста к тексту варьируются, но что еще более важно – повторяются. Они обрастают новыми деталями, но преподносятся автором и героем-нарратором как имевшие место, как подлинные и неоспоримые. Малоаметные детали подвергаются корректировке во имя высшей – художественной – правды. Автобиография героя словно бы вбирает в себя множество черт других биографий, актуализируя элемент типичности и общности, узнаваемости и совпадения.

Той же задаче, на наш взгляд, служат и многократные повторы одних и тех же характеристик героев. Например, в описании соседки юного героя некой героини «со странным именем Ганя» [12. С. 153 и др.]. Или уже упомянутой Тани Синодовой или друга Сашки Смирнова. Сравнение с поэмой «Мама мыла раму» свидетельствует, что в «Моем календаре» Сашка вовлечен в те проказы, участником которых он скорее всего не был (во всяком случае в «Мама мыла раму»). Рубинштейн словно бы типизирует героев, помещая их если в не реальные, то в возможно-допустимые обстоятельства. В любом случае достоверность события не нарушается, вера к герою-повествователю не ослабевает. Автобиографическое начало поэтически поддерживается.

Таким образом, можно подвести итог и заключить, что произведения Рубинштейна последних лет все более тяготеют к художественному автобиографизму, допускающему вымысел и домысел, но выдерживающему меру подлинности изображаемых/вспоминаемых событий. «Малая проза» Рубинштейна особенно автоцентрична – она формирует монологизм письма, единство голоса «сдвоенного» героя, персонажей актанта и нарратора, героя(-ев) действующего и осмысляющего. Несовпадение образов, диктуемое нормами жанровых форм автобиографии, условно-относительно: образы совпадают и не совпадают одновременно, порождая представление о динамике взросления авторского персонажа, его духовно-интеллектуальной эволюции.

Художественная автобиография Льва Рубинштейна – именно так мы квалифицируем «Целый год. Мой календарь» в жанровом плане – становится фактом преодоления писателем не соцреализма (как принято судить об авангардной литературе), а самого концептуализма, уводившего художников в сферу иррационального, аномального, алогичного, репрезентирующего разрыв и деформацию традиционных норм и связей. Поэзия и проза Рубинштейна свидетельствуют о том, что он довольно рано «перерос» концептуалистские эксперименты формального плана и был устремлен к поиску жизненной гармонии, способной преодолеть «энтропию» (определение Рубинштейна). Автобиографическая тенденция в поэзии и прозе Льва Рубинштейна стала выражением его глубинной связи с классической русской литературой, с нравственными доминантами и иерархическими представлениями реалистической классики.

Список источников

1. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы : в 2 т. Т. 2: 1968–1990. М. : Академия, 2003. 688 с.
2. Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм (Очерки исторической поэтики). Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 1997. 317 с.
3. Альберт Ю.Ф. Московский концептуализм. Начало. Нижний Новгород: Приволжский филиал Гос. центра современного искусства, 2014. 271 с.
4. Богданова О.В. Русская классика XIX – начала XX века. Традиция и современная интерпретация. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. 732 с.
5. Рубинштейн Л. Мама мыла раму. М. : Новое издательство, 2022. 146 с.
6. Аронсон О. Слова и репродукции (комментарии к поэзии Льва Рубинштейна). URL: https://ruthenia.ru/logos/number/1999_06/1999_6_14.htm (дата обращения: 11.09.2023).
7. Берг М. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М. : НЛЮ, 2000. 342 с.

8. Липовецкий М. Паралогии. Трансформации (пост)модернистского дискурса в культуре 1920–2000-х годов. М. : НЛЮ, 2008. 840 с.
9. Айзенберг М. Взгляд на свободного художника : сб. М. : Гендальф, 1997. 269 с.
10. Богданова О.В., Жилене Е.С., Рябчикова А.В. Ранние «программные» тексты Льва Рубинштейна // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 7. С. 2006–2012.
11. Zhilene E., Bogdanova O., Ryabchikova A., Vlasova E. The inter-genre phenomenon of the cycle “Program of Work” by Lev Rubinshtein // Ad Alta. 2023. Vol. 13, iss. 01, June. P. 35–38.
12. Рубинштейн Л.С. Целый год. Мой календарь. М. : НЛЮ, 2018. 440 с.
13. Рубинштейн Л. «Целый год – долгая череда приобретений и потерь». О неуловимости времени, тонкостях минимализма и мерцании автора в текст / Беседу вела Т. Золочевская. Ревизор.ру. 2018. 19 декабря. URL: <https://rewizor.ru/literature/interviews/lev-rubinshteyn-tselyy-god-dolgaya-chereda-priobreteniy-i-poter/> (дата обращения: 11.09.2023).
14. Романовская О.Е. Автобиографическая проза Льва Рубинштейна // Гуманитарные исследования. 2019. № 2 (70). С. 124–128.
15. Егорова О.Г., Романовская О.Е., Боровская А.А. Автобиографическая проза Л. Рубинштейна и Д. Пригова: нарратологический аспект // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 4 (833). С. 174–184.
16. Липовецкий М.Н. Дело в шляпе, или Реальность Рубинштейна // Рубинштейн Л. Погоня за шляпой и другие тексты. М. : НЛЮ, 2013. С. 7–26.
17. Ямпольский М. Высокий пародизм // Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов (1940–2007) : сб. статей и материалов / под ред. Е. Добренко, М. Липовецкого, И. Кукулина, М. Майофис. М. : НЛЮ, 2010. С. 181–251.
18. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М. : Художественная литература, 1975. 502 с.
19. Романова Г.И. Автобиография // Литературная энциклопедия терминов и понятий / ред. кол. М.Л. Гаспаров, С.И. Кормилов и др. М. : Интелвак, 2001. С. 14–15.

References

1. Leiderman, N.L. & Lipovetsky, M.N. (2003) *Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gody: v 2 t.* [Modern Russian literature: 1950–1990: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Akademiya.
2. Lipovetsky, M.N. (1997) *Russkiy postmodernizm (Ocherki istoricheskoy poetiki)* [Russian Postmodernism (Essays on Historical Poetics)]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
3. Albert, Yu.F. (2014) *Moskovskiy kontseptualizm. Nachalo* [Moscow Conceptualism. Beginning]. Nizhny Novgorod: Privolzhsky Branch of the State Center for Contemporary Art.
4. Bogdanova, O.V. (2019) *Russkaya klassika XIX – nachala XX veka. Traditsiya i sovremennaya interpretatsiya* [Russian Classics of the 19th – Early 20th Centuries. Tradition and Contemporary Interpretation]. St. Petersburg: A.I. Herzen State Pedagogical University.

5. Rubinstein, L. (2022) *Mama myla ramu* [Mom Washed the Frame]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
6. Aronson, O. (1999) *Slova i reproduksii (kommentarii k poezii L'va Rubinshteyna)* [Words and Reproductions (Comments on the Poetry of Lev Rubinshtein)]. [Online] Available from: https://ruthenia.ru/logos/number/1999_06/1999_6_14.htm (Accessed: 11th September 2023).
7. Berg, M. (2000) *Literaturokratiya. Problema prisvoeniya i pereraspredeleniya vlasti v literature* [Literaturocracy. The Problem of Appropriation and Redistribution of Power in Literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
8. Lipovetsky, M. (2008) *Paralogii. Transformatsii (post)modernistskogo diskursa v kul'ture 1920–2000-kh godov* [Paralogies. Transformations of (Post)Modernist Discourse in the Culture of the 1920s–2000s]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
9. Eisenberg, M. (1997) *Vzglyad na svobodnogo khudozhnika* [A View of a Free Artist]. Moscow: Gendal'f.
10. Bogdanova, O.V., Zhilene, E.S. & Ryabchikova, A.V. (2023) Rannie "programmnye" teksty L'va Rubinshteyna [Early "Programmatic" Texts by Lev Rubinshtein]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 16(7). pp. 2006–2012.
11. Zhilene, E., Bogdanova, O., Ryabchikova, A. & Vlasova, E. (2023) The inter-genre phenomenon of the cycle "Program of Work" by Lev Rubinstein. *Ad Alta*. 13(01). pp. 35–38.
12. Rubinstein, L.S. (2018) *Tselyy god. Moy kalendar'* [The Whole Year. My Calendar]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
13. Rubinstein, L. (2018) *"Tselyy god – dolgaya chered' priobreteniy i poter'". O neulovimosti vremeni, tonkostyakh minimalizma i mertsanii avtora v tekst* [The Whole Year is a Long Series of Gains and Losses. On the Elusiveness of Time, the Nuances of Minimalism, and the Flickering of the Author in the Text]. Interview by T. Zolochevskaya. [Online] Available from: <https://rewizor.ru/literature/interviews/lev-rubinshteyn-tselyy-god-dolgaya-chereda-priobreteniy-i-poter/> (Accessed: 11th September 2023).
14. Romanovskaya, O.E. (2019) Avtobiograficheskaya proza L'va Rubinshteyna [The Autobiographical Prose of Lev Rubinshtein]. *Gumanitarnye issledovaniya*. 2(70). pp. 124–128.
15. Egorova, O.G., Romanovskaya, O.E. & Borovskaya, A.A. (2020) Avtobiograficheskaya proza L. Rubinshteyna i D. Prigova: narratologicheskii aspekt [The Autobiographical Prose of L. Rubinshtein and D. Prigov: A Narratological Aspect]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*. 4(833). pp. 174–184.
16. Lipovetskiy, M.N. (2013) Delo v shlyape, ili Real'nost' Rubinshteyna [The Matter is in the Hat, or The Reality of Rubinshtein]. In: Rubinshteyn, L. *Pogonya za shlyapoy i drugie teksty* [The Hat Chase and Other Texts]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 7–26.
17. Yampolsky, M. (2010) Vysokiy parodizm [High Parodism]. In: Dobrenko, Ye., Lipovetskiy, M., Kukulin, I. & Mayofis, M. (eds) *Nekanonicheskiy klassik: Dmitriy Aleksandrovich Prigov (1940–2007)* [A Non-Canonical Classic: Dmitry Aleksandrovič Prigov (1940–2007)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 181–251.

18. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of literature and aesthetics. Studies of different years]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
19. Romanova, G.I. (2001) Avtobiografiya [Autobiography]. In: Gasparov, M.L., Kormilov, S.I. et al. (eds) *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. Moscow: Intelvak. pp. 14–15.

Сведения об авторах:

Богданова Ольга Владимировна – доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: olgabogdanova03@mail.ru

Жилене Екатерина Сергеевна – доктор филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: ebibergan@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Olga V. Bogdanova, Dr. Sci. (Philology), professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, F.M. Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: olgabogdanova03@mail.ru

Ekaterina S. Zhilene, Dr. Sci. (Philology), associate professor, Saint Petersburg State Institute of Culture, F.M. Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: ebibergan@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.09.2023;
одобрена после рецензирования 06.04.2024; принята к публикации 01.10.2025*

*The article was submitted 11.09.2023;
approved after reviewing 06.04.2024; accepted for publication 01.10.2025*

Научная статья
УДК 821(4), 821.161.1
doi: 10.17223/23062061/39/3

ДОСТИЖЕНИЕ ЭФФЕКТА РЕЛЯЦИОННОСТИ ЧЕРЕЗ РЕКОНСТРУКЦИЮ СТАРИННОЙ ТРАДИЦИИ В РОМАНЕ ВАНЕССЫ ДИФФЕНБАХ «ЯЗЫК ЦВЕТОВ»

Светлана Глебовна Горбовская¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия, vard_05@mail.ru

Аннотация. В статье с применением сравнительно-исторического метода анализируется роман американской писательницы Ванессы Диффенбах «Язык цветов» (2011). Предметом исследования стал «язык цветов» – в традициях XIX в. и современной литературы. Делается вывод, что роман представляет собой уникальный синтез самых острых тем, поднимаемых в литературе «новой искренности» (1990–2020 гг.): достижение контакта с другим, возвращение аффекта и эмпатии. Контакт и проявление эмоций в данном произведении достигаются благодаря «языку цветов», который В. Диффенбах почерпнула из старинного сборника цветочной почты Генриетты Дюмон «Язык цветов» (1851).

Ключевые слова: Ванесса Диффенбах, язык цветов, Генриетта Дюмон, цветочная почта, флирт цветов, неоромантизм, метамодернизм

Для цитирования: Горбовская С.Г. Достижение эффекта реляционности через реконструкцию старинной традиции в романе Ванессы Диффенбах «Язык цветов» // Текст. Книга. Книгоиздание. 2025. № 39. С. 37–53. doi: 10.17223/23062061/39/3

Original article

ACHIEVING THE EFFECT OF RELATIVITY THROUGH THE RECONSTRUCTION OF AN OLD TRADITION IN VANESSA DIEFFENBAUGH'S NOVEL *THE LANGUAGE OF FLOWERS*

Svetlana G. Gorbovskaya¹

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation,
vard_05@mail.ru

Abstract. The article, using historical-comparative and semiotic methods of text research, analyzes the novel by the American writer Vanessa Dieffenbaugh *The Language of Flowers* (2011), translated into Russian in 2019 by Yu. Zmeeva. The novel is written in line with the most modern literary trends: metamodernism, neo-romanticism, and "new sincerity". It is concluded that the novel is a unique synthesis of the most acute topics raised in the literature of the "new sincerity": the achievement of contact with another, the return of affect and empathy. It also fits into the framework of the so-called "scientific postmodernism" (John Wood's term), although in this article it is referred to as "scientific metamodernism" because the writer resorts to studying the issue raised in the novel, referring to a variety of fields of science: botany, gardening, floriculture, orticultura, as well as phyto-cooking and much more. The most important perspective of the novel is the combination of the plant theme and the achievement of relativity by modern man. As an example of an extremely non-contact person, the writer chooses Victoria, a graduate of a boarding school for orphans, who becomes homeless and experiences difficulties in communicating with people. The contact and expression of emotions in this work is achieved thanks to the "language of flowers", which Dieffenbaugh gleaned from Henrietta Dumont's old collection of floral mail *The Language of Flowers. The Floral Offering: A Token of Affection and Esteem* (1851). The writer turned to specialists in the field of "flower mail", "flirting of flowers", as well as flower sonnets and madrigals (collections *What Flowers Say*), which were used in secret love correspondence during the Victorian era. In addition, Dieffenbaugh studied the poetry of the era of romanticism, in which plant images play the most important semantic role. The book also contains many references to floral themes in the works of William Shakespeare and Gertrude Stein. Thus, the language of the past, which was very fashionable in the 19th century, in the novel of the American writer, as it were, unites with our modernity and helps the person of our time to overcome the problem of non-contact.

Keywords: Vanessa Dieffenbaugh, language of flowers, Henrietta Dumont, flower mail, flirtation of flowers, neo-romanticism, metamodernism

For citation: Gorbovskaya, S.G. (2025) Achieving the effect of relativity through the reconstruction of an old tradition in Vanessa Dieffenbaugh's novel *The Language of Flowers*. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 39. pp. 37–53. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/39/3

В 2011 г. американская писательница Ванесса Диффенбах издала книгу «Язык цветов» («The Language of Flowers», 2011) [1, 2]. Книга вскоре стала бестселлером и была переведена на 42 языка мира. В России первый перевод Юлии Змеевой появился в 2019 г.

Ванесса Диффенбах – практически неизвестный автор в России. В данном случае речь идет о романе, который привлек внимание читателей своим названием, своей темой, а не об авторе, который у всех на слуху. Тем не менее кое-что о жизни В. Диффенбах известно. Родилась она 20 января 1978 г. в Калифорнии, живет в Сан-Франциско, детство прошло в г. Чико. После окончания Стэнфордского университета она работала с «трудными» детьми, в том числе бездомными и воспитанниками детских домов, также преподавала искусство и литературу. В данный момент она живет в Кембридже, вместе с мужем воспитывает троих детей. Старший сын – приемный, учится в Нью-Йоркском университете. Помимо «Языка цветов» Диффенбах издала в 2015 г. роман «We Never Asked for Wings» (на русский язык не переведен).

Творчество В. Диффенбах очень гармонично вписалось в общий поток литературы «новой искренности», именуемой также литературой метамодернизма (литература возникает в 1990-е гг.). Впервые термин «новая искренность» был применен к творчеству Д.Ф. Уоллеса Адамом Келли («Дэвид Фостер Уоллес и новая искренность в американской литературе», 2010). Британо-американский литературовед Дж. Вуд (J. Wood) обозначил его экспрессивную манеру письма термином «исторический реализм» [3, 4]. Подобная литература допускает крайне эмоциональное описание чувств героев, некоторые монологи передаются методом «потока сознания», допускается крайний натурализм. Но, самое главное, все передается с особой искренностью. Большую роль играют открытые положительные и отрицательные эмоции: сопереживание, эмпатия, любовь, и любовь нередко приходит на смену открытой ненависти. Главный посыл подобной литературы – преодоление страха коммуникации.

Все описанное выше применимо к роману В. Диффенбах. К ее книге в равной степени можно привязать термин «научный метамодернизм». Она активно применяет научную терминологию, чтобы приглушить излишний идеализм и романтизм повествования. Тот же метод применял и Д.Ф. Уоллес, превращая рассказ о любви в сборнике новелл «Короткие интервью с подонками» («Brief Interviews with Hideous Men», 1999) в имитацию научного текста со ссылками, комментариями и т. д. Дж. Вуд именуется подобный метод письма у Д.Ф. Уоллеса «научным постмодернизмом» [3], у Диффенбах можно констатировать, на наш взгляд, имен-

но методологию «научного метамодернизма», потому что данный роман бесспорно представляет собой соединение самых разных признаков данного течения: стремления к искренности, романтическим традициям, идеализации любовных и семейных отношений, реконструкции старых традиций, возрождения контакта между людьми и многих других признаков, о которых пишут в последние десятилетия исследователи метамодернизма [5].

Кроме того, роман В. Диффенбах относится к произведениям, где используются так называемые литературные «машины времени». Для создания произведения она изучает старинную книгу. Тот же метод применяет, например, Э. Гилберт в романах «Происхождение всех вещей» («The Signature of All Things», 2013) и (в соавторстве с Поттер Маргарет Ярдли) «Путешествие во времени. Кулинарная книга моей прабабушки» («At Home on the Range», 2012). В них изучаются исследования 1980–2010-х гг. доктора ботаники и экологии, исследователя мхов Робин Уолл-Киммерер (1953 г.р.) и кулинарная книга, изданная прабабушкой Э. Гилберт в 1947 г.

В. Диффенбах заимствовала идею романа «Язык цветов» из конкретной книги, которую нашла на чердаке своего дома. Это небольшая книжечка Генриетты Дюмон «Язык цветов: знак преданности и уважения» («The Language of Flowers. The Floral Offering: A Token of Affection and Esteem», 1851) [6]. Подобных сочинений в XIX в. издавалось очень много. Это классический «салам», или «язык цветов», вспомогательное пособие по цветочной переписке или шифровке. С помощью таких книг люди в XIX в. вели тайную переписку. Традицию эту давно забыли. Помнят о подобном «языке цветов» только узкие специалисты из университетских кругов. В. Диффенбах перечисляет тех, кто ей помог в этом вопросе: Стивена Зедорса из салона «Брэтл сквер флорист» и Лачезара Николова из Гарвардского университета [1. С. 310]. Через мотив давно забытого общения на языке скрытых чувств В. Диффенбах репрезентирует одну из главных проблем нашего времени – сложность коммуникации между людьми.

Важно отметить, что в книге В. Диффенбах речь идет о разных видах или подгруппах «языка цветов»:

- о языке цветов главной героини Виктории (который она сама для себя придумала, «Словарь Виктории» представлен в конце романа);

- о языке, на котором без слов общаются Виктория, Грант, Элизабет и Рената. Это язык чувств, эмоций, язык для контакта между героями, посвященными в знание ботаники и в широко известные значения цветов;

– о книгах, издававшихся под названием «Язык цветов» в XIX в. Эти книги Виктория заказывает в библиотеке Сан-Франциско, и они же встречаются в домашней коллекции Гранта;

– о картотеке фотографий цветов, по которым Виктория составляет эмоциональные букеты для своих клиентов. Это уже букеты волшебства, которые делают других людей счастливее.

Первый, из выделенных вариантов «языка цветов», – тайный язык Виктории. Словарь с расшифровкой В. Диффенбах прилагает в конце романа. Данный язык Виктория придумывает для самой себя: «...высматривая цветочный магазин на Маркет-стрит, я листала воображаемый справочник... букетик бархатцев – печаль; ведро чертополоха – мизантропия; щепотка сушеного базилика – ненависть» [1. С. 12].

Виктория – крайне закрытый человек, выпускница спецучреждения для трудных подростков, круглая сирота. Общение с миром ей дается с трудом, она агрессивна и подозрительна. Единственное, что озаряет ее жизнь, это цветы. В возрасте девяти лет она попала на ферму к Элизабет (одной из ее приемных матерей), которая научила ее премудростям садоводства и ботаники, а также посвятила в подробности старинного «языка цветов» на примере произведений У. Шекспира. С Элизабет Виктории пришлось расстаться. Она вернулась в приют и покинула его, лишь достигнув совершеннолетия. Знания же, полученные от Элизабет, остались с Викторией навсегда и послужили основой для ее «словаря значений цветов».

«Язык цветов» Виктории можно сопоставить с внутренним языком или шифром, на котором ребенок с аутизмом говорит с самим собой внутри выдуманного, скрытого от посторонних глаз, мира. Она общается с растениями, мир воспринимает через «язык цветов», а с людьми общего языка не находит, относится к ним с предубеждением и опаской.

Из-за неспособности идти на контакт с окружающими Виктория оказывается на улице и живет в зарослях вереска и цветов, которые она сама посадила на клумбе. Собственно, только с цветами, деревьями, кустарниками она и общается после выхода из приюта. В. Диффенбах очень тонко показывает через мотив общения с цветами и неспособность Виктории контактировать с людьми проблему современного мира – проблему сложности людей понимать друг друга, контактировать друг с другом.

Виктория преодолевает коммуникационный барьер. Перед ней стоит нелегкий выбор: либо умереть от голода, либо попробовать жить с людьми. Она находит общий язык с женщиной-флористкой по имени Рената, владелицей цветочной лавки под названием «Бутон». Виктория общается с Ренатой, а потом и с ее клиентами через язык цветов, соби-

рая «говорящие букеты» для клиентов магазина. При этом девушка использует тот самый, свой внутренний язык цветов. То есть постепенно вытесняет его изнутри и дарит окружающим. Эти букеты начинают оказывать волшебное воздействие. Они улучшают отношения между людьми. Рената, видя, что клиенты все чаще приходят в «Бутон» именно из-за Виктории, оставляет ее у себя помощницей. Так Виктория смогла устроиться в жизни.

Вскоре на цветочном оптовом рынке она встречает молодого человека, который в нее влюбляется. Это Грант – сын сестры Элизабет. С ним Виктория тоже находит общий язык через цветы. И уже он посвящает ее в литературный, старинный язык цветов, тот самый язык цветов викторианской эпохи. В его доме очень много книг романтической поэзии и энциклопедий языка цветов. Цветы помогают Виктории постепенно привыкнуть к Гранту и полюбить его.

Растительно-цветочный «салам», на котором общаются между собой Виктория, Грант, Рената и Элизабет, относится ко второй из выделенных выше категорий «языка цветов». Этот язык – смесь из физических и химических свойств растений (цвет, запах, лекарственные свойства, вкус и т. д.), их традиционных символических значений, а также их семантик в общеизвестных литературных произведениях (в основном речь идет об У. Шекспире и Г. Стайн). То есть это своего рода «язык для посвященных», язык знающих ботанику и цветоводство, а также писателей, которые придавали особое значение цветам. А также это «мертвый язык» (как древнегреческий или латынь). Виктория отмечает: «Элизабет говорила, что язык цветов когда-то знали все, и меня поражало, что в наши дни это знание практически утрачено» [1. С. 80].

Вот пример «цветочного» разговора между Викторией и Элизабет: «Кактус, сказала она, означает страстную любовь... Я бешено замотала головой, но Элизабет напомнила мне о том, что объяснила в саду, – у каждого цветка только одно значение. Тогда я схватила рюкзак и бросилась к двери, но Элизабет подошла сзади и ткнула меня букетом. Не хочешь узнать, каков мой ответ? – спросила она. Развернувшись, я уткнулась в крошечные пурпурные лепестки. Гелиотроп. Непокколебимость чувств. Даже не переведа дыхание, я выпалила яростным шёпотом: Кактус обозначает, что я тебя ненавижу! И хлопнула дверью ей в лицо» [1. С. 82].

Молчаливое общение через цветы происходит между Викторией и Грантом. Он пишет ей в записке: «тополь белый». Она долго думает над значением этого растения, затем отправляется в библиотеку, ищет в справочниках символов, но долго ничего не находит. «Я боялась узнать,

что означает ответ незнакомца, что он хотел сказать. Через двадцать минут поисков я наконец обнаружила то, что искала... Тополь белый. Время. Я вздохнула, чувствуя облегчение...» [1. С. 81].

Крайнюю психологическую травмированность Виктории демонстрирует еще один ее «цветочный диалог» с Грантом: «Рододендрон, – требовательным голосом спросила я, как когда-то Элизабет. – Предупреждение. – Омела? – Преодоление всех препятствий. – Львиный зев? – Вероятность. – Тополь белый? – Время. – Чертополох обыкновенный? – Мизантропия» [1. С. 90].

Роман В. Диффенбах написан с явной отсылкой к роману Джерома Сэлинджера «Над пропастью во ржи» (1951) – со всеми его особенностями, передающими внутренний монолог психологически травмированного подростка. У В. Диффенбах Виктория тоже постоянно убегает от всех, хочет скрыться, повествование тоже заканчивается ее выбором вернуться к семье, которую она обретает благодаря рождению дочери.

Люди, которые еще недавно были Виктории почти чужими, становятся родными по крови благодаря рождению дочери. В. Диффенбах и этот факт соединяет с флоросимволикой, ибо момент зачатия ребенка сопровождается сосредоточением на розовом кусте и подсчитыванием розовых бутонов. Подсчитывание бутонов напоминает подсчитывание бусин на четках при чтении молитвы. Думается, данный образ может быть связан с фигурой Девы Марии и рождением Христа, ибо Дева Мария в средневековых литургиях, иконологиях сопоставлялась с розой и розовым кустом. То есть куст как бы благословляет Викторию.

Христианский вопрос, вопрос веры играет важную роль в романе В. Диффенбах. Значимым в этом отношении эпизодом становится сцена, когда скрывающаяся от Гранта беременная Виктория видит его в окне, молящегося перед расцветшим кустом вербены, который, безусловно, является символическим двойником куста роз. Сам того не зная, Грант словно передает Виктории послание через ведомый лишь им двоим язык цветов: вербена – это розы. Тут можно вспомнить слова Джульетты из драмы У. Шекспира: «Что значит имя? Роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет» [7. С. 698]. Виктория понимает, что молится Грант за нее и за их ребенка.

Виктория на протяжении всего повествования сопоставляет себя с розой. Она все время обращается к цитате из стихотворения Гертруды Стайн «Священная Эмилия»: «Роза есть роза есть роза есть роза». Эта фраза тоже в какой-то степени является репликой из пьесы У. Шекспира. Другими словами роза – это архетип, вечность, а не роза сама по себе. И если Дева Мария – роза, то и Виктория – одна из тех, кто повторя-

ет вечный библейский сюжет, то есть становится на какой-то период Девой с младенцем, – тоже является розой.

Общение через цветы происходит у Виктории и с Ренатой. Флористка понимает, что Виктория – необычная девушка, с ней сложно контактировать. Чтобы они могли привыкнуть друг к другу и понимать друг друга, женщина говорит с Викторией при помощи растений. Это тоже молчаливая коммуникация – либо через демонстрацию растений, либо через называние цветов. «Я протянула ей букет. Что это? – спросила она. Опыт, – ответила я, вручая ей цветы» [1. С. 38].

Ярче всего флориография Виктории и Ренаты проявляется в сценах на цветочном рынке. Рената подбирает цветы для свадебных букетов. Виктория сопоставляет ее дотошный осмотр с пролистыванием книги: «Рената выбирала подсолнухи, словно листала книжные страницы» [1. С. 40]. Каждый цветок в букете подбирается согласно определенной семантике, Рената находит семантику в специальной книге. Виктория же не желает смотреть в эту книгу. Она подбирает цветы для новобрачных согласно своему собственному словарю значений цветов, внутреннему словарю (в этом проявляется ее закрытость и характерная для современных молодых людей сингулярность).

Третьей, выделенной выше, категорией «языка цветов» являются специальные книги со значениями растений. В. Диффенбах отмечает, что литературная традиция «языка цветов» в XIX в. невероятно разнообразна. Действительно в XIX в. издавалось множество книг под названием «Язык цветов». Подобные книги можно разделить на три большие категории:

1) язык цветов как шифр, как обмен эмоциями между людьми, а также цветочная почта, обычно это глоссарии – цветок и его значение; нередко подобный справочник снабжен рисунками цветов; чтобы использовать в общении такой шифр, нужно было, чтобы адресат знал, из какой именно книги или словаря взят посланный цветок или букет (или же название цветка в письме), именно там нужно было искать значение;

2) сонеты, мадригалы, сказки под названием «Язык цветов» или «Что говорят цветы»; цветочные стихи из этих сборников тоже использовали в тайной переписке;

3) сборники мифов и легенд о цветах.

Это огромный пласт литературы, который был до последнего времени практически забыт. В. Диффенбах явно связывает этот язык (как язык чувств, эмпатии, любви) и его утрату с вопросом реляционности, контактов и взаимопонимания между людьми, с общим ухудшением общения между людьми. И если в XIX в. этот язык цветов был необходим для тайного, скрытого общения, чтобы сдерживать избыток чувств, то в на-

ше время в нем есть явная необходимость для поиска утраченных чувств. Это язык для тех, кто хочет общаться с другим.

Самое главное – это традиция, уходящая вглубь веков. Это само Время. Сборники сонетов, мадригалов и словарей цветов стали популярными в XVIII–XIX вв. после публикации в 1727 г. двухтомника «Путешествие... по Европе, Азии и Африке» [8] Обри де ля Моттре, который описал свое пребывание при дворе шведского короля Карла XII в Турции, а также книги леди Мэри Уортли Монтегю, жены английского посла в Стамбуле, «Письма Леди Мери Уортли Монтегю, написанные во время путешествия по Европе, Азии и Африке» («*Letters of Lady Mary Wortley Montagu, written during her travels in Europe, Asia and Africa*» [9]), где описан тайный язык любовной переписки «селама», в том числе в гаремах (этот вопрос подробно изучают К.И. Шарафадина, М.Р. Ненарокова [10, 11], подробно о цветочной почте и языке цветочных мадригалов можно прочитать в нашей монографии «Флорообраз во французской литературе XIX века» [12. С. 22–35]). В дальнейшем традиция «языка цветов» проникла в жанр сказки, например у Жорж Санд [13. С. 140–141], а также сборники легенд и преданий (например, у Н.Ф. Золотницкого) [14].

Во Франции в XIX в. самыми популярными подобными книгами были: Шарль-Жозеф Шамбе «Эмблемы цветов, или Клумба Флоры» («*Emblème des fleurs, ou Parterre de flore*», 1816); Аноним «Новый язык цветов, или Клумба Флоры» («*Nouveau langage des fleurs, ou Parterre de flore*», 1832); Шарлотта де ла Тур «Язык цветов» («*Le Langage des fleurs*», 1858); Эмма Фокон «Язык цветов» («*Le langage des fleurs*», 1860).

В Англии это книги Шарлотты Элизабет «Главы о цветах» («*Chapters on flowers*», 1841), Эдмунда Эванса «Цветочная книга ко дню рождения: цветы и их эмблемы, с соответствующими отрывками из поэзии» («*The floral birthday book: Flowers and their emblems, with appropriate selections from the poets*», 1871), Артура Фрилинга «Цветы: их польза и красота в языке и чувствах» («*Flowers: Their use and beauty in language and sentiment*», 1851) и т. д. Подобные книги выходили в XIX в. в Лондоне, Париже, Вене, Санкт-Петербурге, Барселоне, Бостоне, Нью-Йорке, Филадельфии, Балтиморе.

Традиция таких сборников повлияла на творчество целой плеяды писателей XIX в.: С.-Ф. Жанлис (1746–1830) известна такими книгами, как «Цветы, или Художники» («*Les Fleurs, ou Les Artistes*», 1810), «Историческая и литературная ботаника» («*La botanique historique et littéraire...*», Paris, 1810), «Нравственный гербарий» («*Herbier moral...*», Paris, 1799). Большой фрагмент последней части своего незавершенного романа «Генрих фон Офтердинген» Новалис посвятил «языку цветов», а также героини

романа А. Бернарден де Сен-Пьера в романе «Индийская хижина» общаются с помощью цветочной почты. «Язык цветов» используется в произведениях У. Вордсворта, Р. Де Шатобриана, А. де Ламартина, О. де Бальзака, Ж. Санд, Г. Флобера.

Яркие примеры тайной коммуникации можно обнаружить в романе «Лилия долины» Бальзака (общение между Феликсом и госпожой де Морсоф), а также в его же романе «Утраченные иллюзии» есть великолепный образец цветочных сонетов под названием «Маргаритки». Сонеты были заказаны Бальзаком Шарлю Лассайи, Дельфине де Жирарден и Теофилю Готье. В «Госпоже Бовари» Г. Флобера таким тайным языком является даже не цвет или вид растений, а их аромат, психологическое воздействие запахов цветов, фруктов на поведение, на подсознание героев. Но есть примеры у Флобера и тайного общения героев с помощью букетов цветов (большую роль играют свадебные букеты флердоранжа первой жены Шарля Бовари и Эммы, а также букеты на балу у маркиза д'Андервилье, с помощью которых общаются влюбленные из высшего общества, за которыми с интересом наблюдает Эмма).

«Язык цветов» был распространен в европейской литературе и раньше: в Средние века (например, во франко-византийском романе «Флор и Бланшефлор» («Floire et Blancheflor», ок. 1170), в эпоху Ренессанса. Примером его использования является знаменитое описание У. Шекспиром «букета Офелии» в «Гамлете». Важно отметить, что Элизабет учит Викторию языку цветов именно по букету Офелии. Например, она говорит: «А вот розмарин – память. Я цитирую Шекспира... Водосбор – уныние, падуб – предвидение, лаванда – недоверие...» [1. С. 70]. Проявляясь периодически в средневековой литературе, традиция селамы все же в поэзии прижилась полноценно только в XVIII и XIX вв. В средних веках из восточной традиции в европейской поэзии (трубадуров, труверов, миннезингеров, вагантов, бардов) были восприняты лишь цветочные мотивы: соловей и роза, роза и вино, вино и виноград.

Традиция селамы влияла в XIX в. не только на литературу, но прежде всего на общение людей, на коммуникацию. Букеты, посылаемые тайным возлюбленным, представляли собой средство тайной почты, шифровки. Ее использовали не только для любовной переписки, но с любыми тайными целями. Кроме того, большой популярностью пользовалась игра, которой увлекались в обществе, – это «флирт цветов». На светских раутах, на званных вечерах, балах и т. д. с целью развлечься доставали коробочки с карточками, на одной стороне которых был изображен цветок с названием, на другой писалось значение, а иногда значения перечислялись на специальных больших картах, которые прилагались к игре.

Порой молодые люди использовали эту игру в целях объяснения в любви или, наоборот, чтобы отвергнуть кого-нибудь. Подобная традиция существовала вплоть до середины XX в. Об этом подробно рассказывает и доказывает на примерах из литературы XX в. доктор культурологии Сергей Борисов [15]. Вот небольшой отрывок из романа 1969 г. Г. Остапенко «Я выбираю путь»: «Сыграем во “флирт цветов”, господа? – предлагает Лялька, кокетливо взглядывая на Сережу, и раздает всем карточки. Сейчас же чья-то рука протягивает мне карту. Я поднимаю глаза. Рука принадлежит одному из юношей... Гелиотроп! – произносит он значительно и смотрит на меня... Ищу на карточке “гелиотроп” и читаю: “Вы мне нравитесь”. ... Я чувствую, что краснею и беспомощно ерзаю на диване. – Пошли ему вот это: “сирень”, – сквозь зубы говорит Сережа и подсовывает мне свою карточку. Где это “сирень”? Ах, вот: “А вы мне совсем не нравитесь”...» [16. С. 254–256].

В. Диффенбах как раз намекает на такую игру, когда Виктория и Грант обмениваются живыми цветами, понимая их тайный смысл, а Рената, в присутствии которой это происходит, не может понять, о чем они друг другу говорят. Омела в их языке обозначает романтическое чувство. Лилия – объяснение в симпатии. Тополь белый означает Время. Это очень важно для них. Их связывает время. Он человек из ее прошлого, которое она совсем забыла.

Кроме того, существовала и другая цветочная игра в XIX в. Это игра на лепестках ромашки. Она называлась «любит – не любит», если использовалась как гадание. Но ее применяли и по-другому. Имитировали лепестки из бумаги, на них писали разные фразы или предсказания. Участвующие в игре тянули свои лепестки и читали предсказание.

Виктория как раз создает целый каталог подобных карточек. На каждой из них изображён цветок, сфотографированный Викторией. А на обратной стороне – его значение (из «Словаря Виктории»). Этот каталог значений цветов выделен нами выше как четвертая категория «языка цветов» в романе В. Диффенбах. Клиенты выбирают по этим карточкам цветы для букетов чувств. Вроде бы каталог цветов-чувств напоминает карточки флирта цветов, но они все же отличаются от игры коренным образом. Если во флирте цветов речь шла о тайном языке чувств, то здесь подразумевается составление из этих эмоциональных семантик букетов, способных сотворить чудо, – наладить эмоциональный контакт между людьми, помочь людям общаться друг с другом, любить друг друга. Это похоже именно на предсказание счастья. Своими «волшебными букетами» Виктория способствует улучшению взаимоотношений

между людьми. Это такой чудесный обмен: от личного (ее – Виктории) – к общему (к каждому клиенту).

Кроме того, картотека с фотографиями цветов, которые изготавливает Виктория, создана для того, чтобы перевоплощаться в живые цветы, в живые букеты. Это своего рода переход от цифрового, искусственного – к живому, реальному, попытка противопоставить живую природу искусственной. Это своего рода антитеза противопоставления искусственного естественному в творчестве писателей XIX в. – А. де Виньи, Ж.-К. Гюисмансу, О. Уайльду. Ж.-К. Гюисманс писал в романе «Наоборот»: «природа исчерпала свое, цветы заменит тафта и цветная бумага» [17. С. 28]. Современные писатели, такие как В. Диффенбах, чье творчество, как отмечалось выше, относится к литературе «новой искренности», говорят «нет». Изображение на фотографии, цифровые цветы заменят настоящие, живые, выращенные на полях, в саду, в теплице. Это идея, которую исследователи метамодернизма или литературы «новой искренности» называют «смертью смерти» или «концом конца» (Бога, автора, человека, истории и т. д.) [18. С. 18]. В данном случае мы имеем дело со смертью смерти Природы. Только живые цветы способны воссоединить людей, подарить им чувства. Снова объединить их. Ведь это невероятно сложно, учитывая, что практически все люди нашего времени психологически травмированы, зачастую неконтактны, недоверчивы. Им сложно преодолевать «внутренние клетки солипсизма» (термин Николин Тиммер из очерка «Радикальная незащитность... Солипсизм» [5. С. 261–271]), но, возможно, действительно такие удивительные феномены красоты природы, как цветы с их бесконечным разнообразием тех или иных свойств, способны сделать людей хоть немного счастливее. Это подтверждается в романе В. Диффенбах следующими словами Ренаты (речь идет о человеке, которому помог букет Виктории): «Эрл – старый чудак. На вид сердитый, но если присмотреться – добряк добряком. А вчера вот заявил, что за его век можно было в Боге разувериться, но потом образумиться и понять, что Он все-таки есть. – И что это значит? (спрашивает Виктория). – Кажется, он думает, что ты советовалась со Всевышним, прежде чем выбрать для него цветы» [1. С. 53].

Важно отметить, что большую роль в романе играет ботаника. Ее основная функция, как уже отмечалось выше, – немного приглушить излишнюю эмоциональность текста. Виктория из приюта выходит с двумя книгами (словно Библией и Евангелием): «Цветочной энциклопедией» и «Справочником Петерсона по дикорастущим цветам тихоокеанских штатов». Судя по всему, В. Диффенбах активно обращалась к различным ботаническим справочникам, а также руководствам по цветовод-

ству и садоводству. Об этом говорит избыток научного стиля, когда она описывает сцены ухода за растениями в саду Элизабет, в винограднике, на подоконнике Виктории во временном жилье (между периодом интерната и проживанием на улице).

Думается, что В. Диффенбах, описывая ботанические подробности, хотела сказать и о связи ботаники с XIX в., ибо это была эпоха особой любви к садам, различным садовым лабиринтам, живым изгородям, оранжереям, парникам и т. д. Ботаника в моде и сегодня, она имела место и до XIX в., но именно в викторианскую эпоху это увлечение достигло невероятной популярности. К той же теме обращается уже упомянутая выше Э. Гилберт в романе «Происхождение всех вещей» с его многочисленными подробностями изучения главной героиней мхов, а также историей конкуренции на рынке специй в XVIII–XIX вв.

Произведение Диффенбах уникально тем, что в нем соединяются множество традиций как прошлых веков, так и нашей современности. Образ растения представлен здесь двумя парадигматическими моделями. Есть образы с устойчивой, четкой семантикой, и она очень важна и представлена очень актуально, по-новому. Есть и множество образов с неустойчивой семантикой, авторских, субъективных интерпретаций растений (наподобие «голубого цветка» Новалиса или «цветов зла» Ш. Бодлера – то есть иррациональных риторических фигур, с множеством возможных семантик).

Следственно, роман представляет собой пример полипарадигматики образов растений, что свойственно вообще культуре нашего времени. В последние тридцать лет не только в литературе, но и в изобразительном искусстве, в театре, в кино, в моде принято все смешивать, все соединять. Данную тенденцию в литературе «новой искренности» или метамодернизма, к которой, несомненно, относится роман Диффенбах, называют супергибридностью (Й. Хейзер «Супергибридность: одновременность, сотворение мифов и многополярный конфликт») [5. С. 151–181]. И В. Диффенбах ее активно использует. Отмечу, что супергибридность – это не синкретизм, не эклектика, это соединения разных методов, материалов, принципов действия. Чаще всего этот термин относят к современной скульптуре или созданию арт-объектов из самых несочетаемых материалов. В данном случае Диффенбах соединяет знания о растениях из всех возможных областей: ботаники, цветоводства, ортикультуры, селекции, языка цветов, флоропозтики, кулинарии и много другого. Но также, что важнее всего для литературоведческого исследования, она соединяет, как уже было отмечено, два основных вида парадигм образа растений – с устойчивым значением и неустойчивым.

Образы с устойчивым значением представлены у Диффенбах в следующих категориях:

1) язык цветов, на котором Виктория общается с Грантом, Ренатой, Элизабет;

2) точные значения цветов, которые представлены в перечисляемых книгах и энциклопедиях по языку цветов XIX в., хотя Виктория отмечает, что в каждой книге значения одних и тех же цветов – разные;

3) значения цветов из «Словаря Виктории».

Образы с неустойчивым значением в романе представлены разными уникальными примерами, которым ни сама В. Диффенбах, ни Виктория, ни другие персонажи не дают точного объяснения, их нужно расшифровывать самостоятельно.

Это прежде всего название цветочной лавки – «Бутон». Оно рождает множественные ассоциации: и материнского лона, и лабиринта, и часового циферблата, и любви, спасения, укрытия и много другого. У каждого читателя могут возникнуть свои интерпретации. Самым интересным, пожалуй, в «Бутоне» является то, что в его сердце, в глубине располагается холодильник, современный механизм, в котором хранится множество цветов, завезенных с оптового рынка. Цветы в нем словно символизируют замороженные чувства, которые Рената и Виктория извлекают, чтобы разморозить и передать людям. То есть «Бутон» – это, на наш взгляд, классический гиперсимвол (исчерпывающее пояснение гиперсимволу дает А.И. Николаев [19]) – символическое обобщение, внутри которого заключены множество других малых символов, которые тоже можно расшифровывать.

Еще одним важным флорообразом с неустойчивым значением становится жонкилия, или жонкиль – желтый нарцисс, этот цветок нужен Виктории для букета, который заказывает Аннемари, желающая наладить отношения с мужем. Виктория выбирает цветы для букета. Но жонкилия, необходимая для особого эффекта (это цветок любви, цветок Уильяма Вордсворта, то есть символ или, даже, эмблема романтизма), появляется только весной, а на дворе – ноябрь. Грант говорит, что может его вырастить в теплице раньше, примерно через месяц, к январю. Аннемари готова ждать. Вскоре Виктория ссорится с Грантом, они расстаются, как она думает, навсегда, но он неожиданно появляется через месяц с этим цветком, который вырос и распустился за это время. Этот цветок напоминает о созревании чувства. За этот месяц Виктория соскучилась по Гранту и начала понимать, что любит его. Устойчивость жонкилии (как цветка романтизма или любви) таким образом утрачивается из-за его субъективной авторской интерпретации.

Оптовый рынок цветов – еще один гиперсимвол, который включает в себя множество цветов и растений, обладающих самыми разными семантиками и ассоциативными рядами. Это огромный мир, тоже своего рода лабиринт, в котором Виктория, сама не зная изначально, встречается со своим прошлым. Там она знакомится с Грантом, забыв, что он – это именно он, мальчик из прошлого. Через название «тополь белый» Грант напоминает Виктории о потерянном Времени. Именно из этого лабиринта лежит путь в ее потерянный Эдем — то есть на виноградники Элизабет. Она возвращается к Элизабет.

Итак, роман Ванессы Диффенбах заставляет вспомнить о целом комплексе традиций XIX в., связанных с «языком цветов» и «флиртом цветов». Реконструируя эти традиции в своем произведении, она позволяет читателю окунуться в бескрайнюю глубину самых разных смыслов и значений как произведения в целом, так и его отдельных образов. Она соединяет две основные парадигмы образов растений (с устойчивым значением и неустойчивым), превращая текст в настоящее излучение различных поэтологических методов – как старинных, так и самых современных. Прошлое соединяется с настоящим, чтобы наделить текст новейшей полипарадигматической методологией, в которой высвечиваются типичные черты современного писателя, то есть автора начала XXI в. – человека разносторонне образованного, использующего высокие технологии для получения информации, стремящегося преодолеть солипсизм, свойственный человеку конца XX в., а также стремящегося к контакту с людьми, в том числе для того, чтобы создать свое же произведение.

Список источников

1. Диффенбах В. Язык цветов / пер. с англ. Ю. Змеевой. М. : РИПОЛ классик, 2019. 319 с.
2. Diffenbaugh V. The language of flowers. New York : Ballantine Books, 2011. 334 p.
3. Wood J. Hysterical realism // Prospect Magazine. 20 November 2000. URL: <https://www.prospectmagazine.co.uk/magazine/hystericalrealism> – (Дата обращения 09.01.2022).
4. Wood J. Human, all too inhuman: On the formation of a new genre: Hysterical realism // The New Republic. 24 July 2000. URL: <https://newrepublic.com/article/61361/human-inhuman>
5. Аккер ван ден Р., Вермулен Т., Гиббонс Э. Метамодернизм. Историчность, эффект и глубина после постмодернизма / пер. В.М. Липки. М. : Рипол-Классик, 2019. 494 с.
6. Dumont H. The language of flowers. The floral offering: A token of affection and esteem; comprising the language and poetry of flowers. Philadelphia : H.C. Peck & T. Bliss, 1851. 300 p.
7. Шекспир В. Трагедии. Сонеты. М. : Художественная литература, 1968. 792 с.

8. Mottraye A. de la. Voyages en Europe, Asie et Afrique & Afrique: avec figures : in 3 vols. La Haye : Johnson, 1727.
9. Montagu M.W. Lady Letters of the Right Honourable Lady M--y W---y M---e: Written during her Travels in Europe, Asia and Africa, to Persons of Distinction, Men of Letters, etc., in different parts of Europe. London : Printed for M. Cooper, 1763. 296 p.
10. Шарафадина К.И. Селам, откройся! Флоропоэтика в образном языке русской и зарубежной литературы. СПб. : Нестор-История, 2018. 544 с.
11. Ненарокова М.Р. «Селам» Д.П. Ознобишина: культурный диалог Европы и Востока // Культурологический журнал. 2013. № 4.
12. Горбовская С.Г. Флорообраз во французской литературе XIX века. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2017. 273 с.
13. Горбовская С.Г. Многоликая бездна. Формирование новой парадигмы образа растения во французской литературе XIX века. СПб. : Нестор-История, 2021. 344 с.
14. Золотницкий Н.Ф. Цветы в легендах и преданиях. М. : Дрофа-Плюс, 2005. 320 с.
15. Борисов С. Давайте флиртовать, товарищи! // Российская газета, Родина, 1 мая 2019. № 5 (519).
16. Остапенко Г.Г. Я выбираю путь : повесть о труд. юности. М. : Дет. лит., 1969. 206 с.
17. Гюисманс Ж.-К., Рильке Р.М., Джойс Дж. Наоборот [Текст] // Три символистских романа. М. : Республика, 1995. С. 5–142.
18. Хрущева Н. Метамодем в музыке и вокруг нее. М. : РИПОЛ классик, 2019. 303 с.
19. Николаев А.И. Виды художественного образа // Основы литературоведения. Иваново : ЛИСТОС, 2011. URL: <https://www.listos.biz/>

References

1. Diffenbaugh, V. (2019) *Yazyk tsvetov* [The Language of Flowers]. Translated by Yu. Zmeeva. Moscow: RIPOL klassik.
2. Diffenbaugh, V. (2011) *The Language of Flowers*. New York: Ballantine Books.
3. Wood, J. (2000) Hysterical realism. *Prospect Magazine*. 20th November. [Online] Available from: <https://www.prospectmagazine.co.uk/magazine/hystericalrealism> (Accessed: 9th January 2022).
4. Wood, J. (2000) Human, all too inhuman: On the formation of a new genre: Hysterical realism. *The New Republic*. 24th July. [Online] Available from: <https://newrepublic.com/article/61361/human-inhuman> (Accessed: 17th June 2024)
5. Akker, van den R., Vermeulen, T. & Gibbons, E. (2019) *Metamodernism. Istorichnost', affekt i glubina posle postmodernizma* [Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism]. Translated by V.M. Lipki. Moscow: Ripol-Klassik.
6. Dumont, H. (1851) *The Language of Flowers. The Floral Offering: A Token of Affection and Esteem; Comprising the Language and Poetry of Flowers*. Philadelphia: H.C Peck & T. Bliss.
7. Shakespeare, W. (1968) *Tragedii. Sonety* [Tragedies. Sonnets]. Translated from English. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
8. Mottraye, A. de la. (1727) *Voyages en Europe, Asie et Afrique & Afrique: avec figures: in 3 vols*. La Haye: Johnson.
9. Montagu, M.W. (1763) *Lady Letters of the Right Honourable Lady M--y W---y M---e: Written during her Travels in Europe, Asia and Africa, to Persons of Distinction, Men of Letters, etc., in different parts of Europe*. London: Printed for M. Cooper.

10. Sharafadina, K.I. (2018) *Selam, otkroysya! Floropoetika v obraznom yazyke russkoy i zarubezhnoy literatury* [Salam, Open Up! Floropoetics in the Figurative Language of Russian and Foreign Literature]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
11. Nenarokova, M.R. (2013) "Selam" D.P. Oznobishina: kul'turnyy dialog Evropy i Vostoka ["Salam" by D.P. Oznobishin: A Cultural Dialogue Between Europe and the East]. *Kul'turologicheskiy zhurnal*. 4.
12. Gorbovskaya, S.G. (2017) *Floroobraz vo frantsuzskoy literature XIX veka* [The Floral Image in 19th-Century French Literature]. St. Petersburg: SPbSU.
13. Gorbovskaya, S.G. (2021) *Mnogolikaya bezdna. Formirovanie novoy paradigmy obraza rasteniya vo frantsuzskoy literature XIX veka* [The Many-Faced Abyss. The Formation of a New Paradigm of the Plant Image in 19th-Century French Literature]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
14. Zolotnitskiy, N.F. (2005) *Tsvety v legendakh i predaniyakh* [Flowers in Legends and Traditions]. Moscow: Drofa-Plyus.
15. Borisov, S. (2019) Davayte flirtovat', tovarishchi! [Let's Flirt, Comrades!]. *Rossiyskaya gazeta, Rodina*. 1st May.
16. Ostapenko, G.G. (1969) *Ya vybirayu put': povest' o trud. yunosti* [I Choose the Path: A Tale of Laboring Youth]. Moscow: Detskaya literatura.
17. Huysmans, J-K., Rilke, R.M. & Joyce, J. (1995) *Naoborot. Tri simvolistskikh romana* [Against Nature. Three Symbolist Novels]. Moscow: Respublika. pp. 5–142.
18. Khrushcheva, N. (2019) *Metamodern v muzyke i vokrug nee* [Metamodern in Music and Around It]. Moscow: RIPOl klassik.
19. Nikolaev, A.I. (2011) *Vidy khudozhestvennogo obraza* [Types of Artistic Image]. In: *Osnovy literaturovedeniya* [Fundamentals of Literary Studies]. Ivanovo: LISTOS.

Сведения об авторе:

Горбовская Светлана Глебовна – доктор филологических наук, профессор, кафедре французского языка, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: vard_05@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Svetlana G. Gorbovskaya, Dr. Sci. (Philology), professor, Department of French, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation).
E-mail: vard_05@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.02.2023;
одобрена после рецензирования 19.09.2024; принята к публикации 01.10.2025*

*The article was submitted 03.02.2023;
approved after reviewing 19.09.2024; accepted for publication 01.10.2025*

КНИГА И ЧТЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Научная статья
УДК 82-95 : 82.09
doi: 10.17223/23062061/39/4

В.А. ЖУКОВСКИЙ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «СЫН ОТЕЧЕСТВА»: 1812–1824 гг.

Евгений Олегович Третьяков¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, shvarcengorff@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена выявлению своеобразия литературной репутации В.А. Жуковского, формируемой публикациями в «Сыне Отечества» под редакцией Н.И. Греча в 1812–1824 гг. В научный оборот вводится комплекс текстов, составляющих пространство присутствия Жуковского на страницах журнала в указанный период. Панорамный взгляд, брошенный на них, выявляет целеустремленные усилия, обусловленные литературной и общественной позицией издания и его местом в журналистике, по «канонизации» Жуковского в качестве как выдающегося мастера русской словесности, так и истинного «сына Отечества».

Ключевые слова: литературная репутация, русская литература, В.А. Жуковский, литературная критика, журналистика, «Сын Отечества»

Благодарности. Исследование проведено в Томском государственном университете в рамках проекта Российского научного фонда № 24-18-00386 «История русской литературной критики первой половины XIX века: В.А. Жуковский в прижизненной критической рецепции».

Для цитирования: Третьяков Е.О. В.А. Жуковский на страницах журнала «Сын Отечества»: 1812–1824 гг. // Текст. Книга. Книгоиздание. 2025. № 39. С. 54–73. doi: 10.17223/23062061/39/4

BOOK AND READING IN CULTURE

Original article

VASILY ZHUKOVSKY ON THE PAGES OF THE MAGAZINE *SYN OTECHESTVA*: 1812–1824

Evgeniy O. Tretyakov¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
shvarcengopf@mail.ru

Abstract. The first half of the 19th century can rightly be called the era of "journalocracy." One of the most authoritative magazines until the mid-1820s was *Syn Otechestva* (Son of the Fatherland), which exerted significant influence on the development of public thought and the movement of literary life in Russia. Its editor until 1839 was N.I. Grech, whose co-publisher from 1825 became F.V. Bulgarin. Furthermore, starting from the second half of the 1820s, the magazine's significance waned due to the disappearance of authors—primarily the convicted Decembrists—and changes in the socio-political climate. This article is dedicated exclusively to Grech's *Syn Otechestva*, or more precisely, to the presence of Vasily Zhukovsky on the pages of the magazine from its founding in 1812 until 1825. Zhukovsky gained fame as a living classic in 1812 with his poem "The Singer in the Camp of the Russian Warriors." It is primarily as the author of "The Singer..." that Zhukovsky appears on the pages of *Syn Otechestva*; it is "The Singer..." that underpins the unwavering authority the poet consistently enjoys in the magazine—a natural circumstance considering the latter's strategy of positioning itself as historical and political. It became a kind of paradigm, against which all poems in *Syn Otechestva* would be evaluated for comparison and conformity for a long time. This poetic cantata runs through the entire magazine of Grech, not merely accompanying the critical reception of Zhukovsky, but also, as a heroic hymn to service to the Fatherland, embedding this lofty ideal into Russian public consciousness and Russian literary culture. It became the point of intersection between the moral philosophy of the "true Russian patriot" and the publication's guiding principles. One cannot overlook the aspect of Zhukovsky as a translator. Needless to say, *Syn Otechestva* championed the outstanding merits of the "genius of translation's" adaptations, including in cases where his mastery was questioned. This position was formed not least because "the purity of motives of the majority of heroes" in the works translated by Zhukovsky "was subordinated to patriotic service" (A.S. Yanushkevich). A panoramic view of the reception of Zhukovsky's works by the editorial board of the magazine *Syn Otechestva*, published by Grech (1812–1824)—from "The Singer in the Camp of the Russian Warriors," which became not only a defining phenomenon in poetry but also a genuine fact of public consciousness, to the third edition of the poet's poems in 1824; from his editorial activity at *Vestnik Evropy* (Herald of Europe) to his support for agents of the institutional power environment—allows for the conclusion that Zhukovsky's status on the pages of the

publication during the period in question was extraordinarily high. This is dictated not only by the aesthetic merits of his works but also by the fact that Zhukovsky, in the unity of his biographical and creative aspects, is perceived as a kind of anthropological universal, fully embodying the substantial concept that lay at the foundation of the magazine's social and cultural position and gave it its name: he is a true "son of the Fatherland."

Keywords: literary reputation, Russian literature, V.A. Zhukovsky, literary criticism, journalism, "Syn Otechestva"

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. No. 24-18-00386.

For citation: Tretyakov, E.O. (2025) Vasily Zhukovsky on the pages of the magazine *Syn Otechestva*: 1812–1824. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 39. pp. 54–73. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/39/4

Авторство почитаю службою отечеству.

В.А. Жуковский [1. С. 108]

Период первой половины XIX столетия по праву может именоваться эпохой «журналакратии». «Русская журналистика пыталась соответствовать времени, его неукротимому бегу, старалась запечатлеть те процессы, которые становились все более осязаемыми, выявить идеи и формы времени. Критическая мысль бурлила на страницах лучших журналов, и ее квинтэссенцией стали годовые обзоры текущей литературы (к слову, истоком бытования такового жанра в русской журналистике и литературной критике выступила статья Н.И. Греча «Обозрение русской литературы 1814 г.», открывшая первой своей частью инициальный номер журнала «Сын Отечества» 1815 г. [2. Ч. 19. № I. С. 3–17; Ч. 19. № II. С. 60–68; Ч. 19. № III. С. 89–103; Ч. 19. № IV. С. 129–139]. – *Е.Т.*) и взгляды на нее. Сам факт появления этих жанров журналистской критики и его последующая активизация свидетельствовали о росте литературного самосознания и о зримости новых тенденций в словесности. Литература воспринималась не как некое собрание авторов и произведений, а как живой историко-литературный процесс. Текущая литературная продукция не просто оценивалась с позиций вкуса, но подвергалась анализу, включалась в европейский процесс, соотносилась с предшествующей литературой, и при самом строгом взгляде выявлялось ее соответствие потребностям времени и национальным запросам» [3. С. 46]. Поистине невозможно представить себе формирование национального своеобразия русской словесной культуры без журнального контекста эпохи, в котором, как в зеркале, отражались ее ключевые тенденции.

«Всплеск русской журналистики (а он был очевиден по сравнению с XVIII в.) был обусловлен консолидацией литературных сил, поиском собственной литературной трибуны» [3. С. 45], и потому, с одной стороны, «журнальные тексты обладают определенной системностью: они выявляют дух времени, обозначают его формы и демонстрируют свою русскость, несмотря на рекламируемую тенденцию к бесстрастному энциклопедизму», с другой же – «русские журналы и газеты первой четверти XIX в. глубоко авторские. Несмотря на достаточно широкий круг корреспондентов и участников, они детище своих творцов», и «за каждым из издателей скрывается своя позиция и концепция литературного развития» [3. С. 43]. И одним из авторитетнейших, пожалуй, даже наиболее влиятельным журналом до середины 1820-х гг. являлся «Сын Отечества», выходивший в Санкт-Петербурге с 1812 по 1852 г. (с перерывами) и оказавший значительное влияние на развитие общественной мысли и движение литературной жизни в России. Редактором его вплоть до 1839 г. был Н.И. Греч; известно, что он поддерживал деловые, литературные и дружеские связи со многими из будущих декабристов (так, в «Сыне Отечества» весьма часто находилось место художественным и публицистическим текстам К.Ф. Рылеева, А.А. Бестужева, В.К. Кюхельбекера, Ф.Н. Глинки, публиковались в нем и благожелательные отзывы на альманах Бестужева и Рылеева «Полярная Звезда», в котором Греч принимал участие как сотрудник), не прервавшиеся до конца даже после восстания на Сенатской площади, пусть к началу рокового 1825 г. редактор-издатель «Сына Отечества» и сменил общественно-политическую позицию на вполне благонамеренную; этому удавалось сочетаться с тем, что отношение Греча к изящной словесности может быть выражено в том, что, извлекая из нее примеры для составленной им «Учебной книги российской словесности, или Избранных мест из русских сочинений и переводов в стихах и прозе с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики и истории российской словесности», он руководствовался «величайшею разборчивостию в отношении к языку и вкусу, и особенно к нравственности их содержания» [2. Ч. 45. № XIV. С. 80]. С 1825 г. соиздателем «Сына Отечества» стал небезызвестный Ф.В. Булгарин, тогда как Греч сотрудничал в булгаринском «Северном архиве». Разумеется, столь одиозная личность [4] – «талантливый прозаик, автор нашумевшего романа “Иван Выжигин”, успешный журналист, на протяжении многих лет издававший первую русскую газету для массового читателя – “Северную пчелу” (“Пчелку”), которую почти все ругали и все читали, он прошел сложную эволюцию – от приятеля, почти друга декабристов до агента III Отделения полиции, автора политических доносов на своих

коллег. <...> Феномен Булгарина был неразрывно связан с проблемами и нравственными, и коммерческими. Именно в его деятельности проявилось лицо торгового направления, “железного века” в литературе, где прибыль и успех были чужды нравственности. Пушкин не случайно сравнивал Булгарина с парижским сыщиком Видоком, подчеркивая тем самым беспринципность его позиции» [3. С. 47], которая сыграла колоссальную роль в тех преобразованиях, что претерпел «Сын Отечества»; помимо этого, начиная со второй половины 1820-х гг. значение журнала неуклонно снижалось ввиду исчезновения авторов – прежде всего осужденных декабристов – и изменений в общественно-политической обстановке. В связи с этим настоящая статья посвящена исключительно «Сыну Отечества» Греча, точнее, некоторым особенностям бытования журнала с момента его основания в 1812 г. до альтерации в 1825 г.

В качестве такового аспекта выступает в статье присутствие В.А. Жуковского на страницах «Сына Отечества» указанного временного отрезка. «Литературный Коломб Руси, открывший ей Америку романтизма в поэзии», творения которого определили «целый период нравственного развития нашего общества», согласно апологии В.Г. Белинского, – не только «единственный кандидат в святые от литературы» [5. С. 338]; личность и творчество его, как отмечает В.С. Киселев, «подверглись канонизации очень рано, уже к рубежу 1820–1830-х гг., и до периода 1930–1950-х гг. место поэта в национальном пантеоне не подвергалось сомнению. Столь же быстро он в него и вернулся уже к 1960–1970-м гг. Роль прижизненной литературной критики в установлении подобного консенсуса была чрезвычайно велика, однако до сих пор не отрефлексирована, что придает особую актуальность изучению этих аспектов» [6. С. 213]. Но стоит помнить, что «вместе с тем между поистине классической литературой и литературой, санкционируемой некими авторитетами (государство, художественная элита) существует серьезное различие. Репутация писателя-классика (если он действительно классик) не столько создается чьими-то решениями (и соответствующей литературной политикой), сколько возникает стихийно, формируется интересами и мнениями читающей публики на протяжении длительного времени, ее свободным художественным самоопределением» [7. С. 150]. В случае Жуковского имели место обе интенции, что обусловило непреходяще высокое реноме поэта.

Таким образом, задача предпринятого исследования – «сделать выводы об общих механизмах литературной легитимации и канонизации в русской словесности первой половины XIX в.» [6. С. 216] на материале публикаций журнала «Сын Отечества» 1812–1824 гг., в которых так или

иначе упоминаются личность и, прежде всего, творчество В.А. Жуковского.

В первую очередь отметим, что каждая эпоха, как писал М.М. Бахтин, «по-своему переакцентирует произведения ближайшего прошлого. Историческая жизнь классических произведений есть, в сущности, непрерывный процесс их социально идеологической переакцентуации», ибо бытование в большом историческом времени сопряжено с тем, что их смысловой состав способен «расти, досоздаваться далее»: на «новом фоне» классические творения раскрывают «все новые и новые смысловые моменты» [8. С. 231–232]. Жуковский приобрел славу живого классика в судьбоносном 1812 г., когда в ноябрьской книжке «Вестника Европы» было помещено высшее воплощение «лиризма песенного типа» [9. С. 86], свойственного творчеству поэта, – стихотворение или, как обозначает его жанровую принадлежность А.С. Янушкевич, поэтическая кантата [10. С. 111] «Певец во стане русских воинов», в 1813 г. выпущенное отдельным изданием, но успевшее к тому моменту широко разойтись по армии в списках и даже снискать славу «лучше[го] произведени[я] на российском языке» [11. С. 131] (здесь мы вторим В.Г. Белинскому, отметившему, что «“Певцу во стане русских воинов” Жуковский обязан своею славою: только через эту пьесу узнала вся Россия своего великого поэта...» [12. Т. VII. С. 186]). Преимущественно именно автором «Певца во стане русских воинов» представлен Жуковский на страницах «Сына Отечества» (который проигнорировал собственно выход стихотворения в свет, впоследствии опираясь на его статус *de facto*, что в высшей степени соответствует основополагающему свойству классического произведения, ибо «классика призвана к тому, чтобы, находясь вне современности читателей, помогать им понять самих себя в широкой перспективе культурной жизни – как живущих в большом историческом времени. Составляя повод и стимул для диалога между разными, хотя в чем-то существенном и сродными культурами, она обращена прежде всего к людям духовно оседлым (выражение Д.С. Лихачева), которые живо интересуются историческим прошлым и причастны ему» [7. С. 149–150]), именно «Певец...» обуславливает непоколебимый авторитет, которым неизменно пользуется поэт в журнале, что закономерно, учитывая стратегию позиционирования последнего как исторического и политического. В.А. Жуковский, сумевший «расширить сферу гражданской и патриотической поэзии, стать “певцом двенадцатого года и Александра царствования”», «поэтическая трилогия» которого «Певец во стане русских воинов», «Императору Александру» и «Вождю победителей» «открывала новые пути в воссоздании гражданских эмоций как

отзвуков духовных настроений всей нации и одновременно как личного, глубоко интимного лирического чувства» [3. С. 83], соответствовал этой установке как нельзя более полно; в «Певце...», «сближая одическую и элегическую традиции, Жуковский создал оригинальный синтез стилей и малых поэтических форм. По общему масштабу звучания, многоплановости изображения “Певец во стане русских воинов” – героическая кантата. В этом смысле произведение Жуковского заняло особое место в лирике Отечественной войны 1812 г., выразив чувства и настроения ее участников» [10. С. 117], что и делает его своего рода парадигмой, в сравнении и на соответствие которой будут в течение долгого времени оцениваться в «Сыне Отечества» все стихотворения.

Чтобы убедиться в этом, достаточно сказать, что из 138 материалов, в которых содержатся упоминания В.А. Жуковского, обнаруженных в выпусках «Сына Отечества» за 1812–1824 гг., включая 27 стихотворений поэта, опубликованных без всяческих комментариев в соответствующем разделе (по относящемуся к 1820 г. уверению Н.И. Греча, «в числе постоянных сотрудников наших имеем мы Василия Андреевича Жуковского, который, сообщив нам, для помещения в “Сыне Отечества”, *все* (здесь и далее курсив автора. – *Е.Т.*) напечатанные донные сочинения и переводы свои в стихах и прозе, дал слово также трудиться для сего журнала и ни в каком другом издании не помещать своих произведений» [2. Ч. 63. № XXXIII. С. 329]), без малого 15 так или иначе затрагивают «Певца во стане русских воинов» (для сравнения: еще одно программное творение Жуковского, баллада «Светлана», называется более чем вдвое реже) – от цитирования надлежащих строф в статьях, посвященных кончине князя П.И. Багратиона и службе генерала П.П. Коновницына и генерал-майора Я.П. Кульнева как героев Отечественной войны 1812 г., до суждения прозаика, публициста и историка Г. Меркеля, издававшего в 1807–1831 гг. в Риге газету “Der Zuschauer”, который в своем обзоре на антологию К.Ф. фон дер Борга “Poetische Erzeugnisse der Russen”, вышедшую в Берлине в 1820 г., утверждает, что «Певец во стане русских воинов» «есть бессмертное стихотворение», что «и в переводе дышит жизнью» [2. Ч. 65. № XLIV. С. 191], и «желательно, чтобы г. Борг продолжал свои опыты *con amore*: с одной стороны, он будет вестником славы российских поэтов, с другой – обогатит немецкую словесность такими стихотворениями, каких в течение двух столетий мало произвели ее отечественные писатели. Великие происшествия 1813 года не породили ничего великого! Все произведения нашей словесности погребены уже во мраке забвения, между тем как “Певец во стане русских воинов” будет жить столь же долго, как воспоминания о священной бра-

ни народов, и оживит их, если бы оные когда-нибудь могли погибнуть!» [2. Ч. 65. № XLIV. С. 192], знаменуя путь от патриотического энтузиазма до диалога культур. Впоследствии, бросая ретроспективный взгляд на эпохальные события, приведшие к рождению национального самосознания, Н.И. Греч замечает, что «публика наша равно восхищалась и «Певцом в стане русских воинов», и такими виршами, каковы, например, следующие: «Удино, хоть это правда, / Помешал бить Макдональда; / Но нам все это равно – / Мы разбили Удино» [2. Ч. 91. № II. С. 68–69]; ироническая интонация, относящаяся, конечно, не к «Певцу...», а к эстетической неразборчивости захваченной ощущением духовной силы русского человека и всей нации читательской аудитории, отнюдь не ставит под сомнение, но, напротив, актуализирует художественное совершенство первой составляющей приведенной антиномии. И совершенно закономерно, что, говоря о современной отечественной литературе, берущей начало в потрясениях и открытиях 1812 г., Греч не мог хотя бы не назвать кантату Жуковского.

Естественным образом не избежал сравнения с «Певцом во стане русских воинов» и «Певец среди русских воинов, возвратившихся в Отечество в 1816 году» М.А. Бестужева-Рюмина, тем более, что он был предварен «Рассуждением о “Певце в стане русских воинов”» – и если последнее подверглось в «Сыне Отечества» уничижительной критике [2. Ч. 87. № XXVIII. С. 88–90], ибо «это не критика, не рассмотрение, а просто выписка некоторых мест в стихах, с прибавлением того же в прозе; но стихи правильны, приятны, сильны, а проза испещрена ошибками, тяжела, напыщена и растянута» [2. Ч. 87. № XXVIII. С. 88], то само произведение удостоилось осторожной рецензии, которую с равным основанием можно понять и как сдержанно-благоприятную, и как иронично-отрицательную [2. Ч. 87. № XXIX. С. 136–140], и образом чуть менее естественным, но все же вполне очевидным, поэма А.П. Степанова «Суворов», которую автор посвященного ей письма характеризует в числе прочего следующим образом: «Сие произведение г. Степанова снова подружило меня с нашим Парнасом: откровенно скажу вам, что после “Певца во стане русских воинов” ни одно лирическое стихотворение не пленяло меня, не доходило, так сказать, до сердца, – и даже некоторые стихотворения совсем было отвратили меня от нашей поэзии. Теперь, слава Богу!.. Вам обязан я обращением моим к любимейшему мною искусству» [2. Ч. 78. № XXVI. С. 262]. Более того, и самому Жуковскому уже в 1814 г. пеняли на то, что он разменивает свое недюжинное дарование на создание недостойных произведений, апеллируя к известнейшему его творению и высказывая пожелание, «чтоб автор “Певца во стане

русских воинов”, “Двенадцати спящих дев” и пр. – поэт, который умеет соединять пламенное, часто своенравное воображение с необыкновенным искусством писать, посвятил жизнь свою на произведения такого рода для славы Отечества (которое умеет чувствовать его заслуги) и не истощил бы своего бесценного таланта на блестящие безделки» [2. Ч. 16. № XXXV. С. 103]; впрочем, высказанные опасения оказались беспочвенными.

Таким образом, «Певец во стане русских воинов» проходит через весь «Сын Отечества», редактируемый Н.И. Гречем, не просто непременно сопровождая критическую рецепцию В.А. Жуковского, но как героический гимн служению Отечеству внедряя в русское общественное сознание и русскую словесную культуру этот высокий помысел, утверждая его как некий определяющий духовный постулат последующей отечественной литературе; и это стало точкой пересечения нравственной философии «истинного русского патриота» и установок журнала, само название которого репрезентирует, что ключевой литературной фигурой в нем должен являться «историк и идеолог Николаевского царствования» [13], а образцовым произведением, претворившим как задушевное чаяние внесословного равенства людей, сопряженную с идеей государственной целостности, так и поэтический гений — «идеи времени и формы времени»¹ соответственно, – несомненно «Певец во стане русских воинов».

Высоко оцениваются рецензентами «Сына Отечества» и иные произведения Жуковского – от «Императору Александру» [2. Ч. 20. № VII. С. 26–28], что очевидно («Стихотворение сие, писанное в форме послания и посвященное Ее Величеству Государыне Императрице Марии Федоровне, бесспорно должно занять первое место в числе произведений русской поэзии нынешнего времени, и стоит того, чтоб сведущие и искусные литераторы разобрали оное в подробности» [2. Ч. 20. № VII. С. 26]), до трехтомного собрания стихотворений 1824 г., подведшего итог поэтической деятельности В.А. Жуковского более чем за 20 лет [2. Ч. 93. № XVI. С. 85–88], заметкой о выходе которого знаково завершаются упоминания поэта в «Сыне Отечества» рассматриваемого периода: «Поздравляем всех любителей поэзии отечественной с сим неоцененным подарком. Если пылкость и парение, разнообразие вымыслов и картин, богатство воображения суть отличительные качества и других поэтов, то голос чувства, исходящий из души и в душу проникающий, есть неотъемлемое, исключительное достояние Жуковского, а язык чистый,

¹ «...Ибо если есть идеи времени, то есть и формы времени» [13. Т. II. С. 203].

благородный, правильный, гармонический – всегдашнее его выражение. Его поэзия есть вестница лучшего мира, напоминающая о бессмертии души и врачующая земные раны чаянием небесной награды: никогда не унижается она до изображения предметов, недостойных человека, одаренного душою; никогда не играет воображением насчет нравственности и в кипящие чаши жизненных удовольствий вливает капли нектара нездешней жизни!» [2. Ч. 93. № XVI. С. 85–86]; от «Певца на Кремле», естественным образом осененного ореолом величия предшествовавшего, воистину легендарного «Певца...» [2. Ч. 35. № II. С. 69–75] («*Певец в стане русских воинов*» есть первое из всех стихотворений на великие подвиги 1812 года. Поэт писал превосходную сию картину с натуры мастерскою кистию. И самая необыкновенная форма сего стихотворения сообразна с необычайными происшествиями и обстоятельствами того времени и чувствами, которые от того рождались в душе каждого россиянина! Песнь прервалась громом орудий и предвестником бури, истребившей врага и вознесшей славу Отечества. Русское воинство, совершив бессмертный поход к столице врагов и отомстив ей, по велению великого Государя своего, за зло добром, за опустошение сохранением, за смерть и ужас дарованием новой жизни и спокойствия, возвратилось на родину и почило от трудов своих. Певец восходит на священные стены *Кремля* и возглашает песнь благодарения Всевышнему Промыслу за освобождение и возвеличение любезного Отечества. В *стане русских воинов* представлял он взору соотчичей многочисленные прелестные картины:

И славу прежних лет, и славу лет грядущих!

И трон царский, и грозных вождей, и почивших на поле брани, и Дружбу, и Любовь, – все воззвал он звуками вдохновенной лиры из области очарований в мир существенный. Живость, разнообразие, прелесть сих картин приличны были великим, священным чувствам и мыслям того времени. В нынешней песни его господствует, напротив того, восторг умиления и признательности к Промыслу, восторг тихий, спокойный, благоговейный. В ней все мысли и изображения имеют *одну* цель: представить чувства благодарности счастливых спокойствием и славою россиян к великому Государю, предводившему народами в сии незабвенные годы, и изъявить пред престолом Высшего Судии то – чего никакой язык человеческий достойно выразить не может!» [2. Ч. 35. № II. С. 70]), до «Двенадцати спящих дев» [2. Ч. 39. № XXXII. С. 230–232] («Главнейшее достоинство баллад, или повестей, г. Жуковского, так как и всех почти его стихотворений, состоит в легкой, свободной версификации и в *описательной, или картинной, Поэзии*. Он удивительно вла-

деет языком, столь упорным против большей части наших стихотворцев, и чрезвычайно живо изображает описываемые им в стихах предметы, особенно величественные и ужасные» [2. Ч. 39. № XXXII. С. 231]); от прозаических переводов, первая часть которых вышла в 1816 г. («Сия книга принадлежит к тем, которые говорят сами за себя лучше всех рецензий. Кто не услаждался чтением прекрасных переводов г. Жуковского в *Вестнике Европы* 1808, 1809 и 1810 годов? Кто не признавался, если не пред всеми, то по крайней мере про себя, что после *Карамзина* один *Жуковский* постиг тайну переводить на русский язык легкую прозу?») [2. Ч. 31. № XXIX. С. 109], до оригинальных авторских текстов, составивших увидевшие свет в 1818 г. «Опыты в прозе Василия Жуковского» («Имеет ли надобность в похвале нашей том хорошей прозы? Отнюдь нет! Мы считаем только обязанностью известить о выходе его в свет любителей чтения. В оном заключаются статьи, которые напечатаны были в “*Вестнике Европы*” 1808 и 1809 годов: *Марьяна роца*, *О критике*, *О басне и баснях Крылова*, *О сатире и сатирах Кантемира*, *Три сестры*, *Кто истинно добрый и счастливый человек*, *Писатель в обществе*. Статьи сии, сверх занимательности или важности содержания, имеют еще отличное достоинство в отношении к языку и слогу: г. Жуковский постиг тайну, известную немногим авторам нашим, – *писать русскою прозою*; его опыты (как называет их скромность), вместе с сочинениями г. *Батюшкова*, могут служить, после творений *Карамзина*, лучшею школою для желающих писать благородным средним русским слогом: в них видим, как превосходный талант открывает новые красоты в языке, избегает затруднений, побеждает упрямство обычая и пролагает дорогу будущим писателям. – Отличительным свойством сочинений г. Жуковского должны еще назваться строгая нравственность и благопристойность, не позволяющая вкрасться в них ни малейшей двусмысленности. Он изображает и любовь, но любовь добродетельную, небесную, известную только душам чистым и непорочным, которая возвышает сердца и облагораживает все его движения!») [2. Ч. 47. № XXVII. С. 35–36]. Исключение составляет, пожалуй, лишь отношение к принадлежащим перу Жуковского басням: в единственном случае их упоминания мимоходом отмечается, что «*Жуковского* “Вечер”, “Песнь над гробом славян-победителей” и некоторые песни уже показывали в нем будущего соперника Грея и Шиллера; но опыты его в баснях, если исключим “Сон могольца” и “Похороны львицы”, были весьма неудачны» [2. Ч. 67. № I. С. 11]; не отличаются восторженным характером и замечания на оригинальную балладу автора «Узник» [2. Ч. 62. № XX. С. 22–26]. Но эти отдельные критические комментарии не препятствуют

возможности констатировать, что все жанровые поиски Жуковского были крайне востребованы и постоянно высоко оценивались в «Сыне Отечества» в течение первой декады существования журнала.

Таким образом, в отзывах на поэзию и прозу Жуковского зримо вырисовываются те пути, на которых он неустанно искал новые способы обогащения русской словесной культуры. Но в его случае словно предвосхищается пушкинское «стихи и проза не столь различны меж собой...»; действительно, очевидна типологическая общность тех произведений, что нашли отклик на страницах «Сына Отечества», все они позволяют согласиться с рецензентом журнала, резюмировавшим уже в 1816 г., что «Жуковский принадлежит к малому числу истинных стихотворцев нашего времени. Талант его должен быть тем любезнее его соотчикам, что он всегда посвящал его прославлению благочестия, любви к Отечеству, всех добродетелей человека и гражданина, любви и дружбы, которые известны одним душам благородным» [2. Ч. 27. № III. С. 112].

Нельзя обойти вниманием и ипостась В.А. Жуковского как переводчика, и в целом «особого разговора заслуживает проблема перевода на страницах русских журналов 1800–1830-х гг. <...> Переводили много, что актуализировало проблему “своего” и “чужого”, диалога культур, способствовало выработке “метафизического языка”, ускоряло вхождение новых идей в национальное сознание. <...> И журналистика была катализатором этих важных процессов выработки нового мышления. На страницах периодических журналов переводы чувствовали себя, нередко скрываясь за различными вариантами псевдонимов, более комфортно, чем в авторских собраниях сочинений. И самое главное – обретали больший публичный статус (так, широкий резонанс имела дискуссия о национальной самобытности русской литературы в целом и творчестве В.А. Жуковского в частности, имевшая место в 1816 г. между Н.И. Гнедичем (выступившим под псевдонимом * * *) [2. Ч. 31. № XXVII. С. 3–22] и А.С. Грибоедовым [2. Ч. 31. № XXX. С. 150–160] и вызванная публикацией баллады П.А. Катенина “Ольга” (первоисточником ее, подобно “Людмиле” Жуковского, послужила баллада немецкого поэта Г.А. Бюргера “Ленора”). – *Е.Т.*» [3. С. 43–45]. Излишне говорить, что «Сын Отечества» был неприступной цитаделью, подлинной твердыней отстаивания выдающихся достоинств переложений «гения перевода», в том числе в тех случаях, когда его мастерство подвергалось сомнению: так, в 1821 г. одним из заметнейших явлений русской критики стала полемика вокруг перевода Жуковским баллады И.В. фон Гете «Рыбак», развернувшаяся между О.М. Сомовым (Жителем Галерной гавани), с одной сторо-

ны, и Ф.В. Булгариным и А.А. Бестужевым (А. Марлинским) – с другой; трибуной первого стали журналы «Невский зритель» [14. Ч. 5. № 1. Январь. С. 56–65; Ч. 5. № 3. Март. С. 275–290] и «Вестник Европы» [15. Ч. CXVII. № 5. Март. С. 17–31], контрдоводы его оппонентов печатались в «Сыне Отечества» [2. Ч. 68. № 9. С. 61–73; Ч. 68. № 13. С. 263–265]. В ходе этих жарких прений Булгарин, говоря о балладе «Рыбак», «переведенной, как нельзя лучше, нашим знаменитым поэтом Жуковским, которого талант и знание немецкого языка известны всем образованным людям», с присущим ему духом литературного бойца резко заявляет помимо прочего, что «ежели невежество или посредственность, ободренные скромностью гения, дерзают преступать свои пределы, если мучимые завистью они порываются засушить лавры, осеняющие скромное чело его, и диким воплем заглушить справедливо приобретенные похвалы, тогда-то справедливость вступает в свои права и удерживает своевольных в дерзостном их стремлении, говоря им: *non plus ultra*», и далее: «В сем прекрасном сочинении встречаются новые и смелые выражения, но они в стихах первоклассных поэтов, руководимых тонким вкусом, у всех просвещенных народов принимаются с благодарностью, а не с насмешками. Клопшток, Шиллер, Гёте, Байрон, Державин, Жуковский изобилуют сими смелыми порывами творческого воображения. Новые ощущения и мысли рождают новые выражения» [2. Ч. 68. № IX. С. 63, 71–72], в чем пронизательно выявляется стремление переводчика, исключительно чуткого к ритмам современного ему времени (неслучайно пристальный интерес привлекали его эксперименты с размерами, скажем, выработка русского извода гекзаметра для переложений античной классики или использование в «Шильонском узнике», речь о котором пойдет чуть ниже, четырехстопного ямба со сплошными мужскими окончаниями), внести небывалое ранее в формы стихотворного повествования, обогатить поэтический язык. Что же касается Сомова, в следующем году он, уже под своим именем, высоко оценил переложение Жуковским «Шильонского узника» Дж.Г. Байрона, начав хвалебную рецензию, размещенную на сей раз в «Сыне Отечества» [2. Ч. 79. № XXIX. С. 97–118], следующими словами: «Вот другое, прекрасное произведение новейшей английской поэзии, которому г. Жуковский, с свойственным ему талантом, дал право гражданства на российском Парнасе!» [2. Ч. 79. № XXIX. С. 97]. Определенность позиции журнала и в данной ситуации совершенно очевидна.

Думается, сформировалась таковая позиция не в последнюю очередь благодаря тому, что для героев «Цейкса и Гальционы» Овидия, «Разрушения Трои» Вергилия, «Пери и Ангела» Т. Мура, наконец, Иоанны, ге-

роини трагедии И.К.Ф. фон Шиллера «Орлеанская дева» (все перечисленные сочинения были напечатаны либо обозревались в «Сыне Отечества») – произведений, переведенных В.А. Жуковским, который, как известно, всегда тщательно отбирал тексты для переложения и как любой большой художник неизбежно подвергал их собственной интерпретации, – «остро стоит проблема выбора, поведения в минуту, когда решается судьба отчизны, жизни и смерти. <...> Герои разных эпох и народов приближены к русскому читателю как носители высокой нравственной идеи. Эта идея приобретала и важный гражданский смысл, ибо чистота помыслов большинства героев была подчинена патриотическому служению» [10. С. 182]. Осознанно или нет, издатели «Сына Отечества» (напомним, что в 1821 г. и отчасти в 1822 г. соредактором журнала был А.Ф. Воейков) явно уловили это.

Стоит ли говорить, что плоды поэтического труда В.А. Жуковского непременно включались в различные антологии и собрания лучших отечественных стихотворений, коих в рассматриваемый период выпускалось великое множество – от посвященных общей теме, обычно имевшей общенациональное значение (например, еще свежей в памяти священной Отечественной войны) [2. Ч. 16. № XXXVIII. С. 243] до ничем, кроме личных предпочтений и вкусов издателей, не объединенных [2. Ч. 85. № XVI. С. 87–88]; в лингвистических диспутах языковеды прибегали к ним, иллюстрируя целесообразными отрывками из произведений поэта как образцового знатока словесности, филигранно владеющего ее ресурсами и остро реагирующего на тончайшие изменения в ней, процессы, происходившие в русском языке и приводившие к его трансформации (ограничимся здесь одним примером, взятым из «Сына Отечества» 1825 г. единственно по причине его репрезентативности: «Также, по мнению г. критика, все имена, имеющие русское окончание, имеют и род, соответственный окончанию. Но в сочинениях Жуковского мы находим:

И в молчании грустном глядит
На поля, небеса, на Мертонски леса,
На прозрачно бегущую Твид.
Замок Смальгольм.

Вот чужезычное слово, но еще не обрусевшее; причастие *бегущий* согласовано с существительным *река*, родовым названием одного» [2. Ч. 101. № IX. С. 63]). Согласно расхожему представлению, основоположником современного русского литературного языка почитается

А.С. Пушкин [16], и это справедливо; но воистину «без Жуковского мы не имели бы Пушкина» [12. Т. VII. С. 221]! Для Н.И. Греча как педагога и филолога (напомним, он преподавал русскую и латинскую словесность в различных учебных учреждениях, в том числе – в Царскосельском лицее, свой путь на литературном поприще начал статьей «Синонимы. Счастье, благополучие, блаженство», опубликованной в 1805 г. в «Журнале российской словесности», а вторую половину 1820-х гг. посвятил составлению признанных достаточно авторитетными пособий по грамматике русского языка), последнее также не могло не представлять профессиональный интерес и в какой-то мере не подтверждать верность утверждения Жуковского на роль ключевой фигуры отечественной словесной культуры, что всемерно постулировалось в «Сыне Отечества» Греча.

Предсказуемо заслуженными дифирамбами оборачивается и характеристика усилий В.А. Жуковского на посту редактора «Вестника Европы» (отношения «Сына Отечества» с которым временами были отнюдь не безоблачными²), который он занимал в 1808–1810 гг. и «почти заставил читателей (разумеется, прихотливых) жалеть, что он от Карамзина не достал[ся] прямо в руки сего превосходного писателя, который, не имея столько познаний в древностях, как Каченовский, имеет больше вкуса и дарований. Слог Жуковского пленяет разнообразием: в превосходных статьях его, в “Вестнике Европы” напечатанных, Бюффон не говорит одинаким языком с Боннетом, Лихтенбергом, Шиллером. Как великий актер, представляя Тита, Ахиллеса, Танкреда, Оросмана, понимает тонкие, незаметные оттенки каждого из сих характеров в особенности, так Жуковский умел заставить каждого иностранного писателя говорить по-русски тем языком, каким говорил бы он, если б родился в России, и тем слогом, какой приличен его характеру, народности, веку. В сем отношении, если не ошибаемся, Жуковский похитил у Карамзина пальму первенства... <...>. В “Вестнике Европы” 1808, 1809 и 1810 годов находим очень много статей, в которых видны ум, талант, вкус, приличие, с самою тонкою разборчивостью употребленные и без малейшего вида натяжки или усилия»; эти годы именуются «блистательн[ой] эпох[ой] “Вестника Европы”» [2. Ч. 67. № I. С. 12–15], что может быть и бесспорно, однако полностью вписывается в магистральную линию

² См.: [15. Ч. CXVII. № 7 и 8. Апрель. С. 226–246] и ответную статью: [2. Ч. 70. № XXI. С. 3–26].

представления автора статьи-манифеста «О нравственной пользе поэзии» «Сыном Отечества».

Неразрывная связь литературы с историческим контекстом, с событиями общественно-политическими воплощается и в небольшой заметке, которой редакция «Сына Отечества» отреагировала на то, что «любимый и уважаемый всею просвещенною публикою нашею писатель *Василий Андреевич Жуковский* удостоился на сих днях получить знаки особенной монаршей милости. Государь Император, обращая внимание на отличные сочинения, которыми он украсил русскую словесность и из коих многие посвящены славе воинства российского, в изъявление Высочайшего своего благоволения и для обеспечения впредь состояния его всемилостивейше соизволил назначить ему четыре тысячи рублей ежегодного пенсиону и в то же время пожаловал ему драгоценный бриллиантовый перстень с своим вензелем. Мы уверены, что все любители сочинений *Жуковского* (и кто не любит их?) разделят с нами удовольствие, которое мы ощутили, узнав, каким отличным образом великий и правосудный монарх наградил таланты и труды, посвященные славе Отечества и распространению между соотечичами любви к истине и добродетели, которою дышат все творения сего любезного стихотворца!» [2. Ч. 35. № I. С. 40]. Репутация В.А. Жуковского в «Сыне Отечества» стала несокрушимой, будучи как обусловленной признанием читателей, так и укрепленной благосклонностью власть предержащих, признавших государственное значение его поэзии.

Фрагмент одной из статей, вышедших в «Сыне Отечества», которым мы хотим завершить этот обзорный взгляд, брошенный на комплекс текстов, образующих пространство пребывания В.А. Жуковского на страницах журнала, может показаться анекдотичным, однако пример этого курьезного пассажа показателен в том ключе, что демонстрирует, насколько всеобъемлющим было присутствие поэта не только в общественной и культурной жизни, но даже в бытовом и научном сознании, а именно: в 1819 г. имели место дебаты по поводу изданной в 1818 г. первой части труда историка, статистика и географа, в будущем действительного члена Российской академии и академика Петербургской Академии наук К.И. Арсеньева «Начертание статистики Российского государства», и вслед за «Русским инвалидом», откликнувшимся на выход книги доброжелательно, критическая рецензия была опубликована в «Духе журналов», пространную антикритику же в трех номерах разместил «Сын Отечества»; казалось бы, предмет сего ученого спора никакого касательства к Жуковскому не имеет, однако поборник Арсеньева, цити-

руя высказывание своего оппонента («г. рецензент говорит: “по нашему мнению, два главных предмета служат основанием статистики: *земля и жители*. К сим присоединяются: *конституция, правительственная часть и народное богатство*”. Пусть г. рецензент имеет это мнение, но пусть, по крайней мере, не говорит *наше мнение*: ибо это мнение не может быть мнением ни одного, кто имеет понятие о сущности статистики»), затем остроумно возражает ему: «Не то ли же это значит, как если бы кто, прочитав “Вадима” Жуковского, со всею важностию сказал: “По нашему мнению, два главных предмета в сем стихотворении: *буквы и слова*. К сим присоединяются: *мысли, вымысл, вкус в выборе картин, чувство в выражении*”» [2. Ч. 52. № X. С. 164, 166]. Безусловно, забавно, но также и наглядно.

Таким образом, панорамный взгляд на рецепцию творчества В.А. Жуковского редакцией журнала «Сын Отечества», издаваемого Н.И. Гречем (1812–1824 гг.), – от ставшего не только определяющим явлением поэзии, но и подлинным фактом общественного сознания «Певца во стане русских воинов», который «занял первое место в оценке современников, значит, он отвечал какой-то самой насущной потребности патристически настроенных читателей, давал что-то совершенно новое, казавшееся особенно ценным» [17. С. 75], до третьего издания стихотворений поэта 1824 г., выступившего своего рода подведением «предварительных итогов» прохождения им жизненного и творческого пути, от трехлетней редакторской деятельности в «Вестнике Европы» до поддержки агентов из иной институциональной среды (в частности, властных) и упоминаний в контексте, как будто вовсе не подразумевающим таковых, позволяет сделать некоторые выводы относительно как особенностей позиционирования непосредственно Жуковского, так и стратегий самопрезентации издания в целом, начиная с того, что зачастую весьма различные индивидуальные рецепции подвергаются селекции по сценариям, вытекающим из своеобразия журнала, и аккумулируются в принятое в нем коллективное мнение, задающее статус литератора в данном дискурсе. В случае Жуковского этот статус в рассматриваемый период был необычайно высок, что диктуется не только эстетическими достоинствами его произведений, но и тем фактом, что Жуковский в единстве его биографической и творческой ипостасей воспринимается как своего рода антропологическая универсалия, во всей полноте воплощающая субстанциальный концепт, лежавший в основе общественной и культурной позиции гречевского журнала и давший ему имя; он – примерный «сын Отечества», почти жречески преданный идеалу и с трепетом мистика на-

делявший русское слово сакральным смыслом³. При этом, как абсолютно верно замечает О.Б. Лебедева, «проблема национальной идентификации в случае с В.А. Жуковским достаточно неоднозначна: по всем параметрам он скорее космополит, чем самоидентифицированный русский. Этнически наполовину турок, эстетически – больше переводчик, чем оригинальный поэт, знаток и ценитель европейских литератур, проводник их влияния на русскую словесность, идеологически – либерал, убежденный западник и одновременно столь же убежденный монархист и государственный, идеолог империи» [18. С. 149–150]; решение этого парадокса исследователь правомерно видит в том, что семиосфера понятия «русский» как минимум в лирике Жуковского «неразрывно сопрягает семиосферы двух основных жанровых тенденций его лирического наследия и в самом общем своем виде может быть описана в сочетании двух основных сем: язык (словесное творчество) – гражданская позиция», и исследование таковой «неоспоримо свидетельствует о том, что высшую позицию в ее иерархии ценностей занимает именно язык – главный критерий национальной идентификации и самоидентификации» [18. С. 162–163], что и обусловило мировоззренческую и творческую максиму поэта, провозгласившего: «Авторство мне надобно почитать и должностью гражданского, которую совесть велит исполнять со всевозможным совершенством» [1. С. 118], которая целиком и полностью совпадает с ориентацией «Сына Отечества», игнорировавшего указанную противоречивость во имя формирования образа выдающегося мастера русской словесности и высоко нравственной личности – истинного «сына Отечества».

Список источников

1. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 15. М. : Языки славянской культуры, 2018. 1088 с.
2. Сын Отечества: исторический, политический и литературный журнал. 1812–1825.
3. Янушкевич А.С. История русской литературы первой трети XIX века : учеб. пособие. М. : Флинта, 2013. 748 с.

³ См. в связи с этим: «Чем больше пишу, тем более восхищаюсь нашим языком – этому очарователю все возможно. Французская ясность, немецкая живопись и разнообразие, и смелость и английская твердость – все в нем есть. И сколько еще можно дать ему национального, собственного, чего нет ни в каком языке» [1. С. 293].

4. Селезнев М.Б. Литературная репутация Ф.В. Булгарина в литературно-эстетических дискуссиях 1820–1840-х годов : дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2008. 183 с.
5. Зайцев Б.К. Сочинения. Т. 3. М. : Terra, 1993. 573 с.
6. Киселев В.С. Творчество В.А. Жуковского в рецепции литературной критики первой половины XIX века: к постановке проблемы // Имагология и компаративистика. 2024. № 21. С. 207–219.
7. Аминева В.Р. Теория литературы : конспект лекций. Казань, 2014. 355 с.
8. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М. : Худож. лит., 1975. 506 с.
9. Семенко И.М. Жизнь и поэзия Жуковского. М. : Худож. лит., 1975. 256 с.
10. Янушкевич А.С. В мире Жуковского. М. : Наука, 2006. 524 с.
11. Афанасьев В.В. Жуковский. М. : Молодая гвардия, 1986. 398 с.
12. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1953–1959.
13. Гузаиров Т. Жуковский – историк и идеолог Николаевского царствования. Тарту, 2007. 156 с. (Dissertationes philologiae Slavicae Universitatis Tartuens, Bd. 19.)
14. Невский зритель. 1821.
15. Вестник Европы. 1821.
16. Виноградов В.В. А.С. Пушкин – основоположник русского литературного языка // Известия Академии наук СССР. Т. VIII. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. С. 187–215.
17. Розанов И.Н. Патриотическая лирика поэтов трех поколений в Отечественную войну 1812–1815 гг. // Ученые зап. МГУ. 1946. Вып. 118. С. 72–82.
18. Лебедева О.Б. Семиосфера понятия «русский» в лирике В.А. Жуковского // Имагология и компаративистика. 2023. № 19. С. 148–164.

References

1. Zhukovskiy, V.A. (2018) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Collection of Works and Letters]. Vol. 15. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
2. *Syn Otechestva: istoricheskiy, politicheskiy i literaturnyy zhurnal* [Son of the Fatherland: Historical, Political and Literary Journal] (1812–1825).
3. Yanushkevich, A.S. (2013) *Istoriya russkoy literatury pervoy trety XIX veka* [History of Russian Literature of the First Third of the 19th Century]. Moscow: Flinta.
4. Seleznev, M.B. (2008) *Literaturnaya reputatsiya F.V. Bulgarina v literaturno-esteticheskikh diskussiyakh 1820–1840-kh godov* [The Literary Reputation of F.V. Bulgarin in Literary and Aesthetic Discussions of the 1820s–1840s]. philology Cand. Diss. Magnitogorsk.
5. Zaytsev, B.K. (1993) *Sochineniya* [Works]. Vol. 3. Moscow: Terra.
6. Kiselev, V.S. (2024) Vasily Zhukovsky's works in the reception of literary criticism of the first half of the 19th century: To the problem statement. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 21. pp. 207–219. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/21/10
7. Aminova, V.R. (2014) *Teoriya literatury: konspekt lektsiy* [Theory of Literature: Lecture Notes]. Kazan: [s.n.].

8. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniya raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics: Studies from Different Years]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
9. Semenko, I.M. (1975) *Zhizn' i poeziya Zhukovskogo* [The Life and Poetry of Zhukovsky]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
10. Yanushkevich, A.S. (2006) *V mire Zhukovskogo* [In the World of Zhukovsky]. Moscow: Nauka.
11. Afanasiev, V.V. (1986) *Zhukovskiy* [Zhukovsky]. Moscow: Molodaya gvardiya.
12. Belinskiy, V.G. (1953–1959) *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete Collected Works: in 13 vols]. Moscow: USSR AS.
13. Guzaïrov, T. (2007) *Zhukovskiy – istorik i ideolog Nikolaevskogo tsarstvovaniya* [Zhukovsky as Historian and Ideologist of the Nicholas Reign]. Tartu: [s.n.].
14. *Nevskiy zritel'*. (1821)
15. *Vestnik Evropy*. (1821)
16. Vinogradov, V.V. (1949) A.S. Pushkin – osnovopolozhnik russkogo literaturnogo yazyka [A.S. Pushkin – the Founder of the Russian Literary Language]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR*. VIII. pp. 187–215.
17. Rozanov, I.N. (1946) Patrioticheskaya lirika poetov trekh pokoleniy v Otechestvennuyu voynu 1812–1815 gg. [Patriotic Lyric Poetry of Poets from Three Generations in the Patriotic War of 1812–1815]. *Uchenye zapiski MGU*. 118. pp. 72–82.
18. Lebedeva, O.B. (2023) The semiosphere of the concept "Russian" in Vasily Zhukovsky's lyric poetry. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 19. pp. 148–164. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/19/8

Сведения об авторе:

Третьяков Евгений Олегович – кандидат филологических наук, доцент, кафедра русской и зарубежной литературы филологического факультета Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: shvarcengopf@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Evgeniy O. Tretyakov, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shvarcengopf@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.08.2024;
одобрена после рецензирования 19.11.2024; принята к публикации 01.10.2025*

*The article was submitted 05.08.2024;
approved after reviewing 19.11.2024; accepted for publication 01.10.2025*

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/23062061/39/5

К ИСТОРИИ ОДНОЙ ГАЗЕТНОЙ ПОЛЕМИКИ

Елена Анатольевна Андрущенко¹

¹ *Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия,
Andrushenko2013@gmail.com*

Аннотация. Изучается полемика о русской государственности, развернувшаяся после статьи П.Б. Струве «Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества» (1908). Рассматривается статья Д.С. Мережковского «Красная Шапочка», в которой сформулирована позиция носителя «нового религиозного сознания», утверждавшего идею разрушения самодержавия и старой церкви. К анализу привлекаются статьи кн. Е.Н. Трубецкого и С.А. Котляревского, в полемике которых с Мережковским отразились ключевые позиции противников русской революции. В научный оборот впервые вводится неизвестная редакция статьи Мережковского «Красная Шапочка» – «Свобода больше родины» (1908).

Ключевые слова: Д.С. Мережковский, П.Б. Струве, Е.Н. Трубецкой, С.А. Котляревский, публицистика, авторская стратегия

Для цитирования: Андрущенко Е.А. К истории одной газетной полемики // Текст. Книга. Книгоиздание. 2025. № 39. С. 74–88. doi: 10.17223/23062061/39/5

Original article

ON THE BACKGROUND OF A NEWSPAPER DEBATE

Elena A. Andrushchenko¹

¹ *A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, Andrushenko2013@gmail.com*

Abstract. Periodical publications play a significant, though not essential role in D.S. Merezhkovsky's legacy. Not all of the writer's articles scattered across periodicals of the early 20th century have been identified and republished. Yet studying their origins, mapping their versions and variants, examining the sources reveals little-known circumstances of the disputes around key issues of Russian thought of that age. One such article is "Red Riding Hood" (1908). It is examined in the con-

text of the debate over Russian statehood. The article was written in response to P.B. Struve's famous publication "Great Russia. From Reflections on the Problem of Russian Might" (1908). By publishing it at the beginning of his cooperation with the *Rech'* newspaper, Merezhkovsky utilized an opportunity to make a clear return to newspaper debate, from which he had been effectively ruled out due to his emigration. His strategy as an author was to simultaneously print "Red Riding Hood" in *Rech'* and its abridged version, "Freedom Above Motherland", in the daily news outlet *Poslednie Novosti*. Merezhkovsky objected to Struve's ideas about the necessity of strengthening statehood, a fair resolution of the "Polish" and "Jewish" issues and the intelligentsia's turn away from "banal radicalism". He questioned the validity of the monarchy's existence in light of an unfinished revolution and asserted a widespread opposition to the state among the intelligentsia. The responses to Merezhkovsky, penned by Struve, prince E.N. Trubetskoy and S.A. Kotlyarevsky, exhibit an attempt to point out the difference between motherland and monarchy, state and power, church and faith, as well as disappointment with the radicalism of an intellectual ready to destroy his country for an abstract idea. Merezhkovsky's replies to Struve and Trubetskoy reveal an essential trait of his journalistic style. Using inaccurate quotations and interpreting them freely, Merezhkovsky avoided direct answers, instead driving the reader towards his own concept of the "new religious consciousness", which contradicted his opponents' viewpoints. Struve put an end to the debate, conceding that he struggled to keep it on point with Merezhkovsky, even though they were united by a common attitude to culture. Merezhkovsky's article "Christianity and State" struck a chord with Trubetskoy. His forgotten article "Rally Religion and Rally Methods (A Response to D.S. Merezhkovsky)" likewise dealt not so much with his opponent's arguments as with his polemical techniques, which obscured the viewpoint. Reconstruction of the debate over statehood and the inclusion of little-known publications in the analysis serve to illuminate the alignment of Russian thought prior to the appearance of the *Vekhi* collection (1909).

Keywords: D.S. Merezhkovsky, P.B. Struve, E.N. Trubetskoy, S.A. Kotlyarevsky, periodical publications, author's strategy

For citation: Andrushchenko, E.A. (2025) On the background of a newspaper debate. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 39. pp. 74–88. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/39/5

Публицистика Д.С. Мережковского – большая, важная и по сей день недостаточно изученная часть наследия писателя. Она издается довольно часто в популярных сериях или в изданиях, где избранные статьи печатаются в произвольном составе, без надлежащего комментария. В процессе подготовки к публикации обнаруживаются статьи, не включенные автором в сборники, выявляются неизвестные редакции статьи, устанавливаются источники и контекст, затемненные для современного читателя, а история создания некоторых статей открывает малоизвестные обстоятельства полемики о ключевых проблемах русской мысли той поры.

Одна из них – «Красная Шапочка», впервые опубликованная в газете «Речь» 24 февраля (8 марта) 1908 г.

Статья написана в первые месяцы сотрудничества Мережковского с этой газетой, начавшегося во многом благодаря К.И. Чуковскому. «Стоит только посмотреть на частотность фельетонов Мережковского в “Речи”, где в это время у Чуковского очень сильные позиции (с 10 декабря он “взял в свои руки” весь литературный отдел газеты). В течение 1908 г. здесь выходит 14 статей Мережковского (“Христианские анархисты” (№ 10, 12 янв.), “Цветы мещанства” (№ 35, 10 февр.), “Красная шапочка” (№ 47, 24 февр.), “Асфодели и ромашка” (№ 71, 23 марта) и др.), в 1909 г. – 16. Роль Чуковского в такой фельетонной активности Мережковского не оставляет сомнений» [1. С. 38, 46–47]. «Красная Шапочка» – третья статья, предложенная в «Речь». Она отражает движение Мережковского к сложному газетному жанру – фельетону, который, по мнению З.Н. Гиппиус, он «вовсе не умел писать» [1. С. 60]. Данью газетной специфике является и заглавие, связанное с содержанием лишь финальным высказыванием: «Ежели сейчас в России есть фантастичнейшая сказка, отвлеченнейшая утопия, так это мечта о государственной мощи России, как “путеводной звезде” для заблудившейся русской интеллигенции. Кажется, лучше пойдет она к черту в лапы, чем в такую Россию, – не примет, подобно Красной Шапочке, волка за бабушку» [2. С. 2].

Причины, по которым Мережковские стремились к сотрудничеству с каким-нибудь периодическим изданием, отчасти лежат в материальной сфере. Когда Мережковскому пришлось извиняться за задержку статей, он обсуждал с соредактором «Речи» И.В. Гессеном именно этот вопрос: «Потом опять, надеюсь, правильная присылка наладится. Но очень просим, чтобы и Вы не задерживали правильной присылки гонорара» [3. Л. 1 об]. В письме Брюсову от 28 декабря 1908 г. Мережковский даже признавался: «Статейки эти в газетах я пишу для заработка. И главное для меня – “Александр I” и “Декабристы”, а также некоторые другие драмы из мистической жизни начала XIX в., которые мне хотелось бы написать» [4. С. 36]. Но все же проекты, запланированные и реализованные в 1906–1908 гг., – они описаны в известной статье А.Л. Соболева «Мережковские в Париже» [5. С. 319–371], – имели фундаментальный религиозно-философский характер, а возможность писать о них для широкого круга русских читателей была крайне ограниченной.

Сотрудничество с «Речью» начинается в конце эмиграции Мережковских, зимой 1908 г. К Гессену он обращался с просьбой регулярно присылать им газету и новые книги: «Если бы каких-либо *новых книг*

прислали, – мы очень Вам были благодарны и статьи я бы скорей написал» [3. Л. 2 об]. Материалом для статей Мережковского становились книжные новинки или газетные публикации, дающие возможность высказаться на актуальные темы: «Сошествие в ад» (по «Рассказу о семи повешенных» (1908) Л.Н. Андреева), «Асфodelи и ромашка» (по «Письмам из Сибири» (1907) А.П. Чехова), «Христианские анархисты» (по сборнику «Духоборцы» (1908), составленному П. Бирюковым), «Реформация и революция?» (по Запискам СПб. религиозно-философского общества (1908) и первому выпуску журнала «Живая жизнь», 1908), «Бес или Бог?» (по изданию «Памяти Фрумкиной и Бердягина», 1908), «Немой пророк» (по «Воспоминаниям о брате Владимире Соловьеве» М.С. Безобразовой, 1908) и др. На обзоре статей Л. Галича, К. Чуковского и Д. Философова построена статья «Мистические хулиганы» (1908).

Поводом для создания «Красной Шапочки» стал очерк П.Б. Струве «Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества», хотя Мережковский упоминает серию очерков «На разные темы», «На разные темы. К спору о “Великой России”», печатавшуюся в начале года в «Русской мысли». Эти знаменитые выступления, посвященные проблеме русской государственности, вызвали волну откликов – они уже были предметом пристального рассмотрения [6; 7] – в том числе и несколько статей Мережковского. О его сложных взаимоотношениях со Струве речь идет в публикации А.В. Лаврова «“Не продается вдохновение...”»: Письма Д.С. Мережковского к П.Б. Струве» (2019) [8. С. 109–123]. Между тем спор о «великой России» шел не только между ними. К публичной дискуссии присоединились и другие мыслители, позиция которых, в свою очередь, инспирировала печатную реакцию Мережковского. О начале этого спора писала Т.И. Рябова [9. С. 121–126].

Осмысление других публикаций той поры позволяет восстановить круг источников статей Мережковского «Красная Шапочка», «Еще о “Великой России”» (1908), «Христианство и государство» (1908), ввести в научный оборот неизвестную редакцию статьи Мережковского «Красная Шапочка» – «Свобода больше родины» (1908) и подключить к спору о «великой России» еще несколько важных имен. Это тем более имеет значение, что позволяет уточнить представления о состоянии русской мысли накануне выхода в свет знаменитой книги «Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, М.О. Гершензон, А.С. Изгоев, Б.А. Кистяковский, П.Б. Струве, С.Л. Франк)» (1909).

Статья «Красная Шапочка» касалась принципиально важной для Мережковского темы: русской государственности. Для его концепции,

предполагающей религиозную революцию, «прерыв», государственническая точка зрения Струве являлась неприемлемой. Начиная статью с выражения П. Столыпина («Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия») [10. С. 143], Струве утверждал необходимость прочной государственности, ответственного поведения интеллигенции и отказа от радикализма, честного и скорого решения «еврейского» и «польского» вопросов, привлечения народной инициативы для укрепления государства. Мережковский, возражая Струве, поставил под сомнение правомерность существования самодержавной государственности на фоне незавершившейся революции, выразил уверенность в разрушении слабой России под ударами более сильных государств и утверждал широкую оппозицию государству в среде интеллигенции. Свою аргументацию Мережковский перенес в сферу эстетики: цитировал стихи Лермонтова («Люблю отчизну я, но странною любовью!...») и рассматривал творчество Герцена и Толстого как пример критического отношения интеллигенции к государству.

В один день с выходом в свет статьи «Красная Шапочка» на той же полосе газеты «Речь» был опубликован «Ответ Мережковскому» Струве, а в газете «Последние новости» печаталась краткая редакция статьи «Красная Шапочка» – «Свобода больше родины» [11. С. 3]. В этой редакции нет возражений Струве, с которых начинается «Красная Шапочка», а содержится только утверждение позиции Мережковского, высказанной в обеих редакциях в выразительной и, можно сказать, вызывающей форме. «Я в политике мало сведущ; еще внутреннюю иногда чувствую на собственной шкуре, а внешняя – для меня темный лес. Предвижу также обвинение в “банальном радикализме” и заранее от всяких оправданий отказываюсь. Не знаю, право, чему, но едва ли не декадентскому опыту юности обязан я тем, что чем дольше я живу, тем больше теряю стыд и страх банальности. Ныне стыжусь и страшусь я не столько банального, сколько великого, которое может оказаться банальным. Да и не все ли великие чувства банальны для тех, кто их не испытывает? Я люблю свободу больше, чем родину: ведь у рабов нет родины; и если быть русским значит быть рабом, то я не хочу быть русским; и если в такой любви к свободе вплоть до возможного отречения от родины состоит “банальный радикализм”, я хочу быть банальным» [11. С. 3]. Обратим внимание, что никакого «декадентского опыта юности» у Мережковского, в сущности, не было, а вот народнический – был. Он сотрудничал с Н.К. Михайловским, Г.И. Успенским, ездил по деревням Оренбургской и Уфимской губерний. Именно этот опыт, как нам представля-

ется, и питал общественный темперамент Мережковского, окрашенный хилиастической идеей Царства Третьего Завета или Духа Святого.

Второй фрагмент в публикации «Последних новостей», совпадающий с текстом статьи «Красная Шапочка», – процитируем его в сокращении – примечателен тем, что известное утверждение Достоевского о всечеловечности русского духа Мережковский неправомерно применяет к интеллигенции: «Некогда определял Достоевский главное свойство русской интеллигенции как всечеловечность. Это остается и, кажется, останется верным, пока жива русская интеллигенция. В чем другом, а в грехе национальной исключительности она неповинна, и если чем-нибудь пленяет ее социализм, то именно этой идеей – пусть незавершенной, даже извращенной в самом социализме, но все же реально в нем присутствующей: идеей всечеловечности, инстинктивным отвращением к национализму» [11. С. 3]. Это выражение, как известно, Достоевский относил вовсе не к интеллигенции, и только сложной метафорой Мережковского, связывающей петровские реформы и русскую интеллигенцию (напр., в статье «Интеллигенция и народ», 1908), можно объяснить такое своеобразное истолкование.

Итак, для публикации в «Последних новостях» Мережковский выбрал из текста статьи «Красная Шапочка» только наиболее яркие и даже вызывающие высказывания, а свои возражения Струве высказал в статье, опубликованной в «Речи». Редакция газеты намеренно публиковала полемику между Мережковским и Струве на одной полосе. Эта тактика должна была привлечь внимание читателей, получивших возможность следить за спором двух известных оппонентов, продолжавшейся в нескольких номерах. Мережковский признавался Чуковскому, что привлекательным для него является именно публичный обмен мнениями: «...хотелось бы мне да и вообще нам (З.Н. Гиппиус, Дм.Вл. Filosoфoву) поговорить с Вами в печати. И не для полемики, а для взаимного согласия, выяснения возможных точек схождения» [1. С. 52]. Возможность «поговорить» со Струве публично Мережковский использовал в полной мере, но не для поиска «возможных точек схождения», а для обозначения противоречий между ними, причем предъявленных в двух разных изданиях: в самом культурно ориентированном, имеющем определенный круг подписчиков, и ежедневном, новостном, адресованном самому широкому кругу читателей.

Струве в «Ответе Мережковскому», прежде всего, обратил внимание на то, как ведется спор: «Есть два вида полемики. Один – полемика ради уничтожения противника. Другой – полемика ради раскрытия всех схождений и расхождений мысли, полемика “по существу”». В своем на-

падении на меня Д.С. Мережковский отдал дань и первому, и второму типу полемики. Лучше, чтобы первого не было...» [12. С. 2]. Струве полагал, что приведенные Мережковским примеры нельзя считать убедительными, ведь писатели, о которых шла речь в его статье, не являются интеллигентами, а русской интеллигенции в целом присуще «противогосударственное отщепенство». Стремясь привить ей религию при отсутствии религиозной идеи, Мережковский, по мнению Струве, рассуждает о недостижимой мечте. Когда же он говорит о разрушении государственности, он уже этим служит разрушению культуры, поскольку «государство есть важнейшее орудие создания культуры в общественной форме» [12. С. 2]. Разногласия с Мережковским автор статьи намечает и по линии славянофильства – западничества. Струве писал, что как сторонник прочной государственности принадлежит к западникам, а идеи Мережковского – «последняя яркая вспышка славянофильства и в то же время последний идейный якорь русского революционизма. Далеко заброшен этот якорь: в христианский апокалипсис. Есть что-то трогательно детское в этом сочетании апокалипсиса и революционного социализма. <...> Нас с Мережковским и людьми подобного типа сближает один только заговор – заговор в защиту культуры. Эта тяга к культуре заставила Мережковского найти на Западе “праведное, мудрое, доброе, святое мещанство”, и возвысить голос в его защиту против старого русского “варварства” и “нового русского хулиганства”. Так уважение к культуре сбивает Мережковского с его славянофильской позиции. И, если бы он к “социально-славянофильской браге” Герцена не примешал еще более опьяняющей апокалиптической эссенции, он сам был бы просто “добрым европейцем” из сословия “святых мещан” и хорошим русским... западником» [12. С. 3]. Статья Струве, логичная и последовательная в изложении позиции, вызвала у Мережковского возражения. Через несколько дней в той же «Речи» он опубликовал статью «Еще о “Великой России”».

В ней подробно рассматриваются тезисы Струве, но создается впечатление, что спорить по существу Мережковскому довольно сложно. Говоря о том, что «Струве не хочет революции, по крайней мере, той, которая освобождение России ставит условием ее величия, а не наоборот, величие России – условием ее освобождения» [13. С. 2], он, собственно, обозначает главный водораздел между ними, а все остальные рассуждения представляются лишь риторическими периодами. И мысль о новой культуре в новой России после революции, и идея будущей религиозности интеллигенции, нарождающейся будто бы в революционной стихии, и сомнения в государственническом духе русского народа, и

боевой задор в финале статьи звучат неубедительно, поскольку вместо конкретного ответа предлагаются устремленные в будущее умозрительные рассуждения. В следующем же выпуске «Речи» Струве напечатал статью «Кто из нас “максималист”? (Некоторые итоги спора)», в которой признал: «Мы не можем убедить друг друга. <...> К сожалению, ответ Мережковского снова запутывает и затемняет истинное соотношение наших идейных позиций» [14. С. 2]. Анализируя аргументацию оппонента, Струве определил главную особенность его мышления, не позволяющую вести споры о политике: «Мережковский, при всем своем замечательном историческом образовании, при всей своей художественной интуиции отдельных исторических эпох, как настоящий религиозно-общественный максималист, верующий в апокалипсис, не способен ощущать историю и мыслить исторически. Он верит в изменения катастрофами, скачками, разрывами. В этих разрывах: революция – реакция, Бог – Зверь противопоставляются друг другу с остротой отвлеченных понятий, между которыми не может быть никакого иного отношения, кроме противоборства» [14. С. 2]. Отстаивая свое право видеть в прочной государственности основу для развития культуры и религии, Струве писал: «Но если спор идет не о начальстве текущего дня, не о министре внутренних дел, а о русском государстве и, в конечном счете, о государстве вообще, то кто же из нас “максималист”? Тот ли, кто, как Мережковский, в государстве видит “Зверя”, или тот, для кого, как для меня, государство есть великая культурная сила, в борьбе за которую, средствами которой нация упорным, дисциплинированным трудом подымается с одной ступени исторического бытия на другую?» [14. С. 2]. На эти возражения Мережковский не ответил, но отголоски его полемики со Струве прозвучали в статье «Христианство и государство» (1908).

В первой публикации в июле 1908 г. она имела подзаголовок: «Ответ кн. Е. Трубецкому» [15. С. 107–113]. При включении ее в сборник «В тихом омуте» (1908) и в его составе в оба свои полные собрания сочинений (1911, 1914) Мережковский этот подзаголовок снял. Статья посвящена публикации Е.Н. Трубецкого «Великая Россия (По поводу спора П.Б. Струве и Д.С. Мережковского)», вышедшей еще в марте 1908 г. в «Московском еженедельнике» [16. С. 3–13]. Примечательно, что в этом же выпуске была опубликована еще одна статья, посвященная полемике Струве и Мережковского, – «Два мирозозерцания (По поводу статей Д.С. Мережковского и П.Б. Струве)» С.А. Котляревского, которая публичной реакции Мережковского не вызвала. Откликаясь на спор Мережковского со Струве, Котляревский приветствовал его как обмен мнениями, касающийся «самых интересных и важных для русского общест-

венного самосознания тем» [17. С. 42]. Статья Котляревского содержала анализ психологических основ размышлений Мережковского и той части интеллигенции, которую он представляет. «Тезис, который отстаивает Д.С. Мережковский, сам по себе не нов, – заметил Котляревский, – он исповедовался и исповедуется значительною частью русского образованного общества. Нова та яркая, можно сказать, художественная, во всяком случае достойная стиля Мережковского, форма, в которую тезис облечен, и которая для критики представляет особое преимущество; здесь особенно ясно видна его психологическая подкладка. Она может быть сведена к двум мотивам: слабость положительного государственного инстинкта и сила настроений антигосударственных» [17. С. 42]. В связи с поставленной целью автор посвятил свой материал разбору деталей, частных, привязав возражения к текущей злобе дня. Он напомнил об отсутствии Мережковского в России во время революционных месяцев и о его хорошей осведомленности о французском синдикализме и о европейском социализме. Даже в этих движениях, полагал автор публикации, мысль о разрушении государства и основ национальной жизни вызывает сомнения. «Принять тезис Д.С. Мережковского, – писал Котляревский, – значит отдать его всецело политической, социальной и культурной реакции» [17. С. 46]. Видимо, отсутствие у Котляревского ясно сформулированной программы делало публичную полемику с ним для Мережковского непривлекательной. Статья Евг. Трубецкого в этом смысле представлялась ему гораздо более интересной.

О своем замысле статьи в ответ Евг. Трубецкому он писал Гессену. Правый край первого листа его письма поврежден, так что восстановить первоначальное заглавие статьи невозможно. «Я вышлю Вам <...> статью под заглавием “Любовь к <?>” (или м<ожет> б<ыть> другое заглавие <?>), ответ Евг. Трубецкому на его патриотическое заявл<ение> в “Моск<овском> Еженедельн<ике>”, где он <обви>няет меня в “труп<ной> психологии” и советует <принять> “рабий вид” (и кажется, не только “вид”) во имя христианства. Статья эта возбуждает любопытный вопрос о “христианской (то есть в сущности православной) государственности”. Постараюсь быть вполне цензурным, несмотря на остроту темы» [3. Л. 1–1 об].

Евг. Трубецкой прочел статью Струве как выступление против разрушительного начала, заключенного в русской революции и русской реакции, обусловивших провалы во внутренней и внешней политике России. Он полагал, что в статье Струве есть слабое положение: «...остается без ответа самый главный вопрос: для чего нам нужно внешнее могущество России и во имя чего оно должно быть нам дорого» [16. С. 6]. Несмотря

на это, статью Струве он воспринял как проявление патриотизма и понимания причин подлинной слабости России. Ответ Мережковского он назвал высказыванием представителя «русского радикализма», сделанного без любви и уважения к предмету. «Если в данную эпоху “быть русским” – в самом деле значит “быть рабом”, то, казалось бы, именно это обстоятельство должно привязать нас к России крепчайшею связью долга, сострадания и жалости. <...> Пусть подумает об этом Д.С. Мережковский, и он будет вынужден признать, что в приведенных словах его выразилось не христианство, а просто-напросто *трупная психология* – полное омертвление духовной связи с Россией, – с той самой родною землею, которую “в рабском виде Царь Небесный исходил, благословляя”. Тут есть нечто большее, чем отречение от России: тут есть утрата того самого идеала, которому служит Д.С. Мережковский» [16. С. 8].

В статье «Христианство и государство» Мережковский цитирует Евг. Трубецкого, как правило, неточно и сосредотачивается на истолковании понятия «всечеловечность» у Достоевского. «И напрасно, возражая мне, кн. Е. Трубецкой ссылается на Достоевского, как будто я его не знаю: знаю и отрицаю именно здесь, в отношении к церкви. То превращение государства в церковь, в котором Достоевский видит спасительное будто бы отличие “богоносной” России от “безбожной” Европы, – еще больший соблазн, чем превращение церкви в государство, папы – в кесаря, которое, по мнению Достоевского, происходит в католическом Риме. <...> Можно спорить с Достоевским, но нетрудно понять, чего он хочет. Чего же, собственно, хочет кн. Е. Трубецкой, понять нельзя. Ссылаясь на идею всечеловечества у Достоевского, не принимает он главной сущности этой идеи. <...> отделение церкви от государства – отрицает, потому что неизбежно отрицает этот путь тот, кто, подобно кн. Е. Трубецкому, сливает идеал государственности с идеалом всечеловечества – религиозным, “вселенски-церковным”, в высшем смысле этого слова» [15. С. 111–112]. Poleмический прием, который использовал Мережковский, состоял в том, чтобы не отвечать Евг. Трубецкому по существу, а говорить о том, как он понимает взгляды Достоевского на государство и церковь.

Евг. Трубецкой во «всечеловечности» у Достоевского видел «живое единство в разнообразии национальностей»: «Всечеловечность для него была не отрицанием патриотизма, а как раз наоборот, его завершением и осуществлением» [16. С. 9]. Мережковский в комментариях к статье Евг. Трубецкого повторил концепцию своей статьи «Пророк русской революции (К юбилею Достоевского)» (1906). Объявив писателя бессознательным пророком религиозной революции, для которого был скрыт по-

длинный смысл его собственных пророчеств, Мережковский подверг критике его публицистические выступления. По мысли Мережковского, Достоевский не довел до логического конца свои рассуждения и не ощутил спасительного смысла революции, способной подорвать основы самодержавной государственности, не увидел в революции религиозного смысла [см.: 18. С. 222–239]. Так что и возражение Евг. Трубецкому, поддерживавшему мысль Струве об упрочении государственности и ответственности интеллигенции за идейный радикализм, строится как опровержение неверного, по мысли Мережковского, понимания смысла революции как переворота, ведущего к новой церкви. «Кн. Е. Трубецкой, подобно учителям своим, В. Соловьеву и Достоевскому, – писал он, – не вышел из старой церкви и потому не видит новой, не видит религиозной правды русской революционной общественности, ибо, как я уже раз говорил и теперь повторяю – об этом нужно твердить без конца – в настоящее время в России революция и религия – не два, а одно: революция и есть религия, религия и есть революция» [15. С. 112].

Евг. Трубецкой не сразу прочел статью Мережковского: она публиковалась не в «Речи», а в «Образовании», так что он прошел мимо этой публикации. В статье «Митинговая религия и митинговые приемы (Ответ Д.С. Мережковскому)», опубликованной только в ноябре 1908 г., он писал: «Направленная против меня полемическая статья Д.С. Мережковского “Христианство и государство” (“Образование”, № 7), к сожалению, попала мне на глаза только теперь, через три месяца после напечатания. К счастью для меня тема, затронутая автором, – из нестареющих, а потому и мой ответ не может считаться запоздавшим» [19. С. 33]. Евг. Трубецкой, как и Струве, был задет стилем полемики Мережковского: «Статья Д.С. Мережковского поражает, прежде всего, своими полемическими приемами. <...> Вообще в статье Д.С. Мережковского нет ни одной верной цитаты и ни одной верной передачи моих мыслей. При этом, что хуже всего, эти фальсификации в большинстве своем преследуют одну общую цель: представить меня большим черносотенцем, а самого Д.С. Мережковского – большим радикалом. <...> Я в данном случае не могу смешивать русского общества с Д.С. Мережковским, и вот почему. В наш дореволюционный период он, как известно, был сторонником самодержавия, а в эпоху освободительной борьбы находился за границей <...>. Теперь г. Мережковский вернулся на родину и спешит наверстать потерянное время. <...> Спор по существу он заменяет чтением в мыслях противника, доказательства истинности своего тезиса – демонстрированием его левизны. <...> Предоставляю читателю судить, кто из нас двух, я или Д.С. Мережковский, исповедует под именем рели-

гии “князя мира сего”. Единственным оправданием моему противнику служит то, что его “князь” – левый, а не правый; а слева хорошо все то, что справа дурно» [19. С. 35–37]. Евг. Трубецкой, с тревогой наблюдавший за радикализацией мысли Мережковского, еще в первой статье писал, что тот сознательно исключил из русской интеллигенции Достоевского и Вл. Соловьева, отождествил государственность с Аракчеевым, с Плеве и сравнил «ее с волком из Красной шапочки» [16. С. 12]. Но эти замечания Мережковский оставил без внимания.

В завязавшейся полемике о русской государственности той поры проявилась глубокая противоположность взглядов, лишь углубившаяся после выхода в свет сборника «Вехи». Единственной темой, отношение к которой у Струве и Мережковского было общим, оказалась культура. Служение ей и сохранение ее представлялось им обоим важнейшим делом. Откликнувшиеся на эту полемику Евг. Трубецкой и Котляревский разделяли точку зрения Струве, развивая, углубляя его мысль и упрекая Мережковского в идейном радикализме и в глухоте к доводам оппонентов. Но обсуждение проблемы по существу оказалось для Мережковского сложным. Политика и общественная жизнь не были его темой: за аргументами он постоянно обращался к литературе, утверждая «новое религиозное сознание». Анализируя политические процессы или общественные движения, он исходил из кабинетной идеи, которая обнаруживала свою слабость в применении к актуальным событиям. Мережковскому представлялась возможной реализация хилястической идеи тысячелетнего царства в самое ближайшее время, когда будут подорваны основы русского самодержавия, а церковь обретет свободу. Потому трагические и кровавые события первой русской революции он оценивал оптимистически, опознавая в социальных катаклизмах зарницы будущей революции религиозной.

В этой полемике проявилась и специфическая авторская стратегия Мережковского. «Красная Шапочка», написанная в ответ известному оппоненту, и ее краткая редакция в «Последних новостях» позволила ему вновь напомнить о себе в периодической печати, а публикация ответов дала возможность удерживать внимание читателей. Он осваивал новый, непривычный для него жанр газетного фельетона, включался в обсуждение тем, подсказанных ему злобой дня, но размышления, сформулированные в свете его концепции, нередко обнаруживали умозрительность и абстрактность представлений, поверхностный характер наблюдений и беспомощность выводов. Свидетельством этого является неровность и проходной характер некоторых статей, опубликованных в «Ре-

чи», который Мережковский и сам ощущал, не включая их в сборники и в полные собрания сочинений.

Список источников

1. Федотова С.В. «Любопытный малый»: письма З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского к К.И. Чуковскому (1907–1920) // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 46–47.
2. Мережковский Д. Красная шапочка // Речь. 1908. № 47. 24 февраля (8 марта). С. 2.
3. Письма Д.С. Мережковского в редакцию газеты «Речь» // РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Ед. хр. 561. 12 л.
4. Мережковский Д.С. Записные книжки и письма Д.С. Мережковского. Письма / Публ. Е. Андрущенко, Л. Фризмана // Русская речь. 1993. № 5. С. 25–40.
5. Соболев А.Л. Мережковские в Париже (1906–1908) // Лица. Биографический альманах. 1. СПб. ; М. : Феникс : Atheneum, 1992. С. 319–371.
6. Колеров М.А. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «проблем идеализма» до «вех». 1902–1909. СПб. : Алетей, 1996. 375 с.
7. Кантор В.К. Петр Струве: Великая Россия, или Утопия, так и не ставшая реальностью // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11, № 4. С. 161–178.
8. Лавров А.В. «Не продается вдохновенье...»: Письма Д.С. Мережковского к П.Б. Струве // Литературный факт. 2019. № 3 (13). С. 109–123.
9. Рябова Т.И. Спор о Великой России (П.Б. Струве, Д.С. Мережковский, Е.Н. Трубецкой) // Проблемы славяноведения: сб. научных статей и материалов. Брянск : Изд-во БГУ, 2003. Вып. 5. С. 121–126.
10. Струве П.Б. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества /// Русская мысль. 1908. Кн. 1. С. 143–157.
11. Мережковский Д. Свобода больше родины // Последние новости. 1908. № 41. 8 марта. Из печати. С. 3.
12. Струве П. Ответ Д.С. Мережковскому // Речь. 1908. № 47. 24 февраля (8 марта). С. 2–3.
13. Мережковский Д. Еще о «Великой России» // Речь. 1908. № 65. 16 (29) марта. С. 2.
14. Струве П. Кто из нас «максималист»? (Некоторые итоги спора) // Речь. 1908. № 66. 18 (31) марта. С. 2.
15. Мережковский Д. Христианство и государство (Ответ кн. Е. Трубецкому) // Образование. 1908. № 7. Июль. С. 107–113.
16. Трубецкой Евгений, кн. Великая Россия (По поводу спора П.Б. Струве и Д.С. Мережковского) // Московский еженедельник. 1908. № 11. 11 марта. С. 3–13.
17. Котляревский С. Два мирозерцания (По поводу статей Д.С. Мережковского и П.Б. Струве) // Московский еженедельник. 1908. № 11. 11 марта. С. 42–46.
18. Андрущенко Е.А. Уловка Д.С. Мережковского: какую статью критик писал для А.Г. Достоевской // Неизвестный Достоевский. 2021. № 8 (2). С. 222–239.

19. Трубецкой Е., кн. Митинговая религия и митинговые приемы (Ответ Д.С. Мережковскому) // Московский еженедельник. 1908. № 46. 11 ноября. С. 33–38.

References

1. Fedotova, S.V. (2021) "Lyubopytnyy malyy": pis'ma Z.N. Gippius i D.S. Merezhkovskogo k K.I. Chukovskomu (1907–1920) ["The Curious Fellow": Letters from Z.N. Gippius and D.S. Merezhkovsky to K.I. Chukovsky (1907–1920)]. *Literaturnyy fakt*. 1(19). pp. 46–47.
2. Merezhkovskiy, D. (1908) Krasnaya shapochka [Little Red Riding Hood]. *Rech'*. 47. 24th February (8th March). p. 2.
3. Merezhkovskiy, D.S. (n.d.) *Pis'ma D.S. Merezhkovskogo v redaktsiyu gazety "Rech'"* [Letters from D.S. Merezhkovsky to the Editorial Office of the Newspaper "Rech'"]. The Russian State Archive of Literature and Arts (RGALI). Fund 1666. List 1. File 561.
4. Merezhkovskiy, D.S. (1993) Zapisnye knizhki i pis'ma D.S. Merezhkovskogo. Pis'ma [Notebooks and Letters of D.S. Merezhkovsky. Letters]. Translated by E. Andrushchenko, L. Frizman. *Russkaya rech'*. 5. pp. 25–40.
5. Sobolev, A.L. (1992) Merezhkovskie v Parizhe (1906–1908) [The Merezhkovskys in Paris (1906–1908)]. In: Lavrov, A.V. (ed.) *Litsa. Biograficheskiy al'manakh* [Faces. A Biographical Almanac]. Vol. 1. St. Petersburg; Moscow: Feniks: Atheneum. pp. 319–371.
6. Kolerov, M.A. (1996) *Ne mir, no mech. Russkaya religiozno-filosofskaya pechat' ot "problem idealizma" do "vekh". 1902–1909* [Not Peace, but a Sword. The Russian Religious-Philosophical Press from "Problems of Idealism" to "Vekhi". 1902–1909]. St. Petersburg: Aleteyya.
7. Kantor, V.K. (2010) Petr Struve: Velikaya Rossiya, ili Utopiya, tak i ne stavshaya real'nost'yu [Petr Struve: Great Russia, or the Utopia That Never Became Reality]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*. 11(4). pp. 161–178.
8. Lavrov, A.V. (2019) "Ne prodaetsya vdokhnoven'e...": Pis'ma D.S. Merezhkovskogo k P.B. Struve ["Inspiration Is Not for Sale...": Letters from D.S. Merezhkovsky to P.B. Struve]. *Literaturnyy fakt*. 3(13). pp. 109–123.
9. Ryabova, T.I. (2003) Spor o Velikoy Rossii (P.B. Struve, D.S. Merezhkovskiy, E.N. Trubetskoy) [The Debate about Great Russia (P.B. Struve, D.S. Merezhkovsky, E.N. Trubetskoy)]. In: Mikhailchenko, S.I. (ed.) *Problemy slavyanovedeniya* [Problems of Slavic Studies]. Vol. 5. Bryansk: Bryansk State University. pp. 121–126.
10. Struve, P.B. (1908) Velikaya Rossiya. Iz razmyshleniy o probleme russkogo mogushchestva [Great Russia. From Reflections on the Problem of Russian Power]. *Russkaya mys'l'*. 1. pp. 143–157.
11. Merezhkovskiy, D. (1908) Svoboda bol'she rodiny [Freedom is Greater than the Motherland]. *Poslednie novosti*. 41. 8th March. p. 3.
12. Struve, P. (1908) Otvet D.S. Merezhkovskomu [A Reply to D.S. Merezhkovsky]. *Rech'*. 47. 24th February (8th March). pp. 2–3.
13. Merezhkovskiy, D. (1908) Eshche o "Velikoy Rossii" [More about "Great Russia"]. *Rech'*. 65. 16th (29th) March. p. 2.

14. Struve, P. (1908) Kto iz nas "maksimalist"? (Nekotorye itogi spora) [Which of Us is a "Maximalist"? (Some Results of the Debate)]. *Rech'*. 66. 18th (31st) March. p. 2.
15. Merezhkovskiy, D. (1908) Khristianstvo i gosudarstvo (Otvet kn. E. Trubetskoyu) [Christianity and the State (A Reply to Prince E. Trubetskoy)]. *Obrazovanie*. 7. pp. 107–113.
16. Trubetskoy, E. (1908) Velikaya Rossiya (Po povodu spora P.B. Struve i D.S. Merezhkovskogo) [Great Russia (Regarding the Debate between P.B. Struve and D.S. Merezhkovsky)]. *Moskovskiy ezhenedel'nik*. 11. pp. 3–13.
17. Kotlyarevskiy, S. (1908) Dva mirosozertsaniya (Po povodu statey D.S. Merezhkovskogo i P.B. Struve) [Two Worldviews (Regarding the Articles by D.S. Merezhkovsky and P.B. Struve)]. *Moskovskiy ezhenedel'nik*. 11. pp. 42–46.
18. Andrushchenko, E.A. (2021) Ulovka D.S. Merezhkovskogo: kakuyu stat'yu kritik pisal dlya A.G. Dostoevskoy [D.S. Merezhkovsky's Trick: Which Article the Critic Was Writing for A.G. Dostoevskaya]. *Neizvestnyy Dostoevskiy*. 8(2). pp. 222–239.
19. Trubetskoy, E. (1908) Mitingovaya religiya i mitingovye priemy (Otvet D.S. Merezhkovskoyu) [Rally Religion and Rally Tactics (A Reply to D.S. Merezhkovsky)]. *Moskovskiy ezhenedel'nik*. 46. pp. 33–38.

Сведения об авторе:

Андрущенко Елена Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИМЛИ им. А.М. Горького РАН (Москва, Россия).
E-mail: Andrushenko2013@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Elena A. Andrushchenko, Dr. Sci. (Philology), professor, chief research fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: Andrushenko2013@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.03.2022;
одобрена после рецензирования 29.01.2023; принята к публикации 01.10.2025

The article was submitted 14.03.2022;
approved after reviewing 29.01.2023; accepted for publication 01.10.2025

Научная статья
УДК 002.2 : 316.77
doi: 10.17223/23062061/39/6

КНИГОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИЯ КНИГИ: ЭТНОМЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Виктор Алексеевич Мутьев¹

¹ Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
Санкт-Петербург, Россия, victor.mutyev@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены современные научные подходы исследования книги и чтения, выделены их лакуны. В качестве перспективной модели анализа книжных коммуникаций предложен этнометодологический подход. Охарактеризованы генезис и эволюция этнометодологии, раскрыты ее базовые категории: постижимость, рефлексивность, документальность, текстуальность, индексичность. Обоснован тематический спектр микросоциальных книговедческих исследований и разработаны основные положения этнометодологического подхода применительно к теории книги: анализ речи, текста и носителя информации как единой знаковой системы; примирение уровней содержания и материальной формы книжных коммуникаций; изучение книжных форм как социального процесса преобразования читательских биографий в конкретные культурные практики.

Ключевые слова: книговедение, методология книговедения, теория книги, теория чтения, научные подходы, книжные коммуникации, медиакommunikation, микросоциальные исследования, этнометодология

Благодарности. Статья подготовлена при выполнении научного проекта «Книга, читатель, библиотека в современной медийной среде: динамика социальных, культурных и педагогических практик» в рамках реализации мероприятий программы развития ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры» на 2022–2026 годы.

Для цитирования: Мутьев В.А. Книговедение и история книги: этнометодологический подход // Текст. Книга. Книгоиздание. 2025. № 39. С. 89–103. doi: 10.17223/23062061/39/6

Original article

BOOK SCIENCE AND HISTORY OF THE BOOK: THE ETHNOMETHODOLOGICAL APPROACH

Viktor A. Mutev¹

¹ Saint Petersburg State Institute of Culture, Saint Petersburg, Russian Federation,
victor.mutev@gmail.com

Abstract. Transformations in the communication space, driven by the rapid development of technological means for encoding, recording, disseminating, and consuming information, exert significant influence on the social and cultural practices of readers' interaction with texts. The contemporary mediatized environment necessitates an updating of the research approaches used in studying traditional and electronic communication media. The aim of this research is to analyze the heuristic potential of the ethnomethodological approach in book studies and to formulate key principles, objectives, and directions for studying books and reading using ethnomethodology's toolkit. The article examines contemporary scientific approaches to studying books and reading: functional, system-typological, historical, semiotic, and mediological. It concludes that there are gaps in the theoretical understanding and generalization of micro-social book studies research. As a promising paradigmatic model for analyzing book communications, the ethnomethodological approach developed in the works of H. Garfinkel, E. Livingston, A. McHoul, and R. Watson is proposed. The genesis and evolution of ethnomethodology are characterized, and its fundamental analytical categories (accountability, reflexivity, documentary method, texture, indexicality) and scientific methods (participant observation, breaching experiments, conversation analysis, analysis of social interaction context) are explained. A thematic spectrum of potential book studies research within the ethnomethodological framework is proposed: the role of books and reading in the formation of local identities; text-mediated communication within specific communities and diasporas; analysis of commemorative practices, samizdat (self-publishing), etc. Core principles of the ethnomethodological approach as applied to book theory have been developed: the post-non-classical stage of scientific development and the "collage-like" organization of experience for individuals, communities, and societies necessitate creating a map of historical-book discourses rather than a linear hierarchical typology or classification; the analysis of speech, text, and information carrier as a unified sign system; reconciling the level of content with the level of material form in book communications; studying book forms not as social facts, but as a social process of transforming reader biographies into specific cultural practices; understanding reading-as-a-social-phenomenon and text-as-a-social-thing, which find their embodiment in a prospective-retrospective model of reading.

Keywords: book science, book science methodology, book theory, reading theory, scientific approaches, book communications, media communications, microsocial research, ethnomethodology

Acknowledgments. The article was prepared as part of the scientific project "Book, Reader, Library in the Modern Media Environment: The Dynamics of Social, Cultural and Pedagogical Practices" during the implementation of the development program activities of Saint Petersburg State Institute of Culture for 2022–2026.

For citation: Mutev, V.A. (2025) Book science and history of the book: The ethnomethodological approach. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 39. pp. 89–103. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/39/6

Введение. Плюрализм научных подходов в книговедении

Современные книговедческие исследования характеризуются множественностью разрабатываемых и реализуемых научных подходов. К числу получивших наибольшее распространение в профессиональной среде относят функциональный, системно-типологический, исторический, семиотический, культурологический, медиалогический и др. [1].

Фокус функционального подхода [2] сосредоточен на анализе книги с точки зрения ее общественного назначения и в контексте многообразных читательских практик. Разработки, предпринятые в русле системно-типологического подхода [3], позволили выстроить логически выверенную иерархическую структуру общего (теоретического) книговедения, обозначить его объект, предмет, междисциплинарные связи, методологический инструментарий, в основу которого положен типологический метод. Однако, исходя из позиций современной постнеклассической парадигмы развития научного знания, одной из фундаментальных категорий которого стала кросс-дисциплинарность, а также интенсификация профессионального взаимодействия и обмена данными между различными отраслями, главным недостатком обоих подходов является их попытка обособить книговедение от широкого гуманитарного дискурса, сконцентрировать внимание на книжно-библиотечной тематике как автономизирующемся проблемном поле исследований.

Этот недостаток преодолевается в рамках исторического подхода [4–6], органично сочетающего книговедческое исследование различных способов фиксации, распространения и сохранения идей, каждый из которых обладает специфической социальной агентностью с ретроспективным анализом общественных преобразований.

В основе семиотического подхода [7] лежит анализ знаков, символов и мифов, конструирующих многоголосие смыслов и читательских интерпретаций в пространстве книжных коммуникаций. В последние несколько лет в книговедении активно разрабатывается медиалогический подход [8–10]. Мы рассматриваем его дальнейшее развитие сквозь приз-

му динамического объекта книговедения как шестиэлементной системы «автор – письмо – текст – книга (книжная форма) – чтение – читатель», позволяющей уделить особое внимание медийным характеристикам различных носителей информации и их влиянию на последовательно сменяющие друг друга информационные революции, модели мировосприятия и, как следствие, социальной организации.

Обозначенные подходы, безусловно, не исчерпывают полностью концептуальные основания книговедческих исследований. В научной периодике получили профессиональную поддержку документологический [11], культурологический [12], ценностный [13] и ряд других подходов. Но, несмотря на их сущностную и методологическую вариативность, они преимущественно оперируют понятиями и категориями, адекватными для изучения макроструктур в системе книжных коммуникаций и генерализации выдвигаемых научно-практических положений.

Вместе с тем анализ документального потока свидетельствует о наличии в нем и микрокниговедческих исследований, посвященных кругу чтения отдельных личностей, индивидуальным читательским биографиям, практикам чтения одной книги и т. д. Одной из возможных гносеологических основ которых, с нашей точки зрения, может выступить этнометодологический подход.

Этнометодология: генезис и эволюция

Этнометодология как самостоятельное научное направление в рамках социологических исследований обязано своим рождением трудам Гарольда Гарфинкеля [14], которые, в свою очередь, стали результатом радикального переосмысления идей его учителей – Эмиля Дюркгейма [15], Альфреда Шюца [16] и Толкотта Парсонса [17].

Социология, конструируемая в их трудах, описывала и признавала социальные факты как «вещи» или некую данность, предопределяющую развитие конкретных сценариев действий на различных уровнях принятия решений. Иными словами, социальные факты трактовались (и продолжают их последователями) как системообразующие элементы, порождающие ценности, нормы и правила, разделяемые большинством членов общества и ограничивающие пространство индивидуального действия. За границами этого ясно очерченного пространства любой акт маркируется девиантным и требующим корректировки. Следовательно, социальные факты довлеют над индивидом.

Одной из причин критики данной теории является требование следовать сформулированным правилам, встраивать новое знание в уже су-

ществующие структуры, не взирая на адекватность их отражения социальной действительности. Поэтому, если структурно-функциональная парадигма Э. Дюркгейма, А. Шюца, Т. Парсонса описывала идеализированные универсальные научные модели и рассматривала общество сквозь их призму, то этнометодологический подход подвергает анализу конкретные практики действий здесь и сейчас, предлагая модель локальной объяснимости и рациональности.

Это методологическое противоречие представляет собой проблемную зону, требующую осмысления и в рамках современного теоретического книговедения, зачастую стремящегося следовать привычным дисциплинарным границам и представлениям о книге и чтении, сформированным в доцифровую эпоху со свойственной ей тенденцией к специализации и, следовательно, обособлению отраслевых научно-исследовательских практик.

Слепое следование канонам структурно-функциональной теории в книговедческом дискурсе приводит к тому, что реальный социальный порядок ускользает за удобством аналитических конструкций, связанных с формально-хронологической периодизацией истории книги, социально-демографическим сегментированием читательской аудитории, типологией книги, типизацией моделей чтения и т. д. Это ограничивает эвристический потенциал социально-гуманитарных наук, а в особенности наук, объект и предмет которых изначально тяготеет к автономности, самостийности, поиску сущностей в самом себе. К таким наукам относятся как книговедение, библиотековедение, библиографоведение, так и некоторые технические науки, например информатика, уже осознавшая потребность в преодолении закрытости дисциплинарных границ, что находит свое отражение в изучении многообразных аспектов человеко-машинного взаимодействия (юзабилити, UX-аналитика, глубинное обучение). Отметим, что взаимодействие социального и материального, естественного и искусственного также входит в перечень приоритетных тем этнометодологии.

Уже упоминавшийся нами Г. Гарфинкель, а также Э. Ливингстон [18], А. Макхоул [19], Р. Уотсон [20] противостоят дюркгеймовско-парсоновской традиции и выдвигают тезис о конструировании социальных фактов непосредственными участниками событий в процессе каждодневных рутинных операций. Так формулируется главная задача этнометодолога – изучать не свершившиеся факты, а процесс и причины их возникновения.

Задача осталась неизменной, а этнометодология за прошедшие полвека сформировалась в самостоятельное научное направление (на стыке

микросоциологии, «понимающей» социологии, антропологии и этнографии), в рамках которого изучаются алгоритмы и технологии формирования социального порядка в каждодневных ситуациях, возникающих в процессе жизнедеятельности человека. Этнометодологи исходят из того, что все действия и ситуации повседневны, организованы, имеют свою логику упорядочивания, воспроизводства норм и должны анализироваться как конкретные «действия в контексте» [21].

Этнометодологический подход: базовые категории анализа и методологический аппарат

Каждому осуществляемому действию присущи определенные формальные свойства, представляющие собой базовые категории этнометодологического анализа, к ним относятся:

1. Постижимость (accountability), то есть потенциальная объяснимость и закономерность реализации определенных практик.

2. Рефлексивность (reflexivity) – описание действий посредством речевых высказываний, которые приобретают смысл только через призму обстоятельств их производства. Такие отношения взаимозависимости можно назвать рефлексивностью речевых ситуаций.

3. Документальность и текстуальность (the documentary method of interpretation), поскольку «практически любая известная в нашем обществе деятельность имеет текстуальные аспекты» [20. С. 91] и, следовательно, материализуется посредством письма в различных книжных формах. Они, в свою очередь, являются результатом процесса капитализации всех ресурсов обстановки их создания (биография автора, конкретная исторически обусловленная ситуация авторской, редакторской, издательской деятельности, текущие потребности аудитории и т. д.). То есть фокус этнометодологического подхода должен быть сконцентрирован на способах, методах, алгоритмах придания значений (означивания) в локализованных повседневных практиках и обстоятельствах осуществления книжных коммуникаций.

Тексты, позволяющие конструировать значение в одной ситуации, в другой будут звучать иронично, враждебно или вообще непонятно. Какая из множества потенциально возможных интерпретаций, какое из прочтений окажется релевантным конкретной рассматриваемой ситуации? Для ответа на этот вопрос необходимо эксплицировать процедуры, при помощи которых акторы определяют соответствие или несоответствие интернализованных (усвоенных ими) правил и норм сложившимся обстоятельствам. Иными словами, одной из задач этнометодологичес-

кого подхода является установление логических и ассоциативных отношений между индивидуальной биографией читателя и конкретными осуществляемыми им действиями – чтением, интерпретацией, трансляцией смыслов.

4. Индексичность (*indexicality*) проявляется посредством связи между речью (устной или письменной) и ситуацией, в которой осуществляется коммуникация, позволяет соотнести зависимость значений и производимого смысла от места, времени, обстоятельств речевых высказываний. Мы, продолжая разработки А. Макхоула и Э. Ливингстона, акцентируем внимание на материально фиксируемых речевых ситуациях, то есть книжных формах во всем многообразии их проявлений. Индексичность, как одно из ключевых анализируемых свойств, роднит этнометодологию с практикой дискурс-анализа, только проецируя исследовательскую программу на микроуровень (интра/интергрупповую коммуникацию), в отличие от дискурс-анализа, ориентированного преимущественно на коммуникацию массовую.

Это свойство порождает один из концептуальных принципов этнометодологии. Он заключается в том, что любое взаимодействие, реализуемое через опосредованное (медиатизированное) или непосредственное (немедиатизированное, устное) общение, по своей природе контекстуально. Однако значение этого контекста доступно только тем, кто находится внутри коммуникативной ситуации, извне оно непостижимо и внешним акторам не объясняется, так как они исключены из цепочки взаимодействия. Реализация этого принципа предполагает физическую и интеллектуальную включенность ученого-этнометодолога в исследуемое коммуникационное пространство. Отметим, что анализ контекста имеет, в том числе, сугубо практическую ценность с точки зрения формирования навыков критического прочтения, медиапотребления и осознанного информационного поведения.

Принцип контекстуального действия объясняет предрасположенность этнометодологии к качественным методам научного познания, среди которых наиболее широко используются:

- (гипер)включенное наблюдение – погружение исследователя в пространство социальных интеракций, не являющееся для него рутинным, в том числе, преодоление себя, освоение новых компетенций, адаптация к конкретным условиям и т. д.;

- кризисные эксперименты (конструирование аномалий) предполагают работу, искусственным образом нарушающую традиционный ход событий, позволяют нарушить привычные принципы, процедуры и фо-

новые ожидания участников эксперимента, чтобы наблюдать за их последующим построением вне рамок сложившихся фреймов; такая работа требует больших интерпретационных усилий, приложение которых и позволяет выявить этнометоды;

– конверсационный анализ – изучение речевого поведения акторов с акцентом на механике коммуникационного процесса (формат, структура, жанр, логика повествования, способы аргументации, подбор лексических единиц). Задачи этнометодологического конверсационного анализа очень точно коррелируют с книговедческой проблематикой, фокус которой неразрывно связан с объектом и предметом науки о книге и направлен не столько на анализ содержания передаваемых сообщений, сколько на способы его кодирования, воплощения, презентации, дистрибуции.

Кроме того, этнометодологический подход предполагает активное применение таких методов, как анализ фоновых ожиданий, анализ контекста социальных интеракций, глубинные интервью, кейс-стадис, некоторые из которых уже достаточно успешно интегрированы в библиотечно-информационные науки [22].

Говоря о научном инструментарии этнометодологического подхода, уместно провести аналогию с программированием (computer programming) и зафиксировать, что он до сих пор существует и развивается с «открытым кодом», позволяющим моделировать теоретико-методологические основания под конкретные научные направления и задачи, в нашем случае – книговедческие.

Этнометодологический подход в книговедении: проблемное поле и ключевые положения

Проведенное исследование позволило установить научные проблемы, которые могут быть частью этнометодологического подхода к изучению книги и чтения, а также разработать его основные положения. К тематическому спектру этнометодологических исследований книги могут быть отнесены:

- роль книжных коммуникаций в процессе формирования локальных идентичностей;
- изучение этнических особенностей книжной коммуникации отдельных сообществ, в том числе издательских практик диаспор;
- практики самиздата и их организация, в том числе в цифровой среде;

– бытование отдельных книжных форм в современном постиндустриальном обществе, их встраивание в прагматику коммуникаций, культурные индустрии;

– анализ коммеморативных практик локальных сообществ и др.

К конкретным примерам исследований, в значительной степени соотносящихся с обозначенным тематическим спектром и выполненным в методологическом ключе, весьма близком к рассматриваемому в настоящей статье, относится многолетнее литературно-книговедческое и историко-культурологическое изучение личной библиотеки В.А. Жуковского [23–30]. Тщательный анализ помет на сочинениях общественных мыслителей [26] и в рукописных материалах личного собрания [27], осмысление круга чтения поэта как динамично развивающейся системы [28], реконструкция читателеведческой проблематики по материалам литературной критики [29], а также исследование эпистолярного наследия В.А. Жуковского [30] наглядно демонстрируют возможности реализации ряда положений, созвучных этнометодологическому подходу при проведении историко-книжных изысканий.

Исследования цифровой книги и специфических моделей чтения электронных текстов имеют еще больший потенциал с точки зрения реконструкции контекстов, организации кризисных экспериментов и применения конверсационного анализа, например, в процессе изучения книжных блогов, онлайн-критики и т. д.

Вне зависимости от эмпирического массива анализируемых данных, принципиальными для этнометодологического исследования книги и чтения положениями являются следующие:

1. Постнеклассический этап развития науки и «коллажная» организация опыта индивидов, сообществ и обществ обуславливают необходимость создания карты историко-книжных дискурсов, а не линейной иерархической типологии или классификации. В первую очередь, речь идет о включении этнокультурного, точнее – локального этнокультурного (ограниченного определенной территорией) фактора в книговедческие исследования. Это предполагает отход от поиска общих закономерностей у децентрализованной структуры книжного производства и потребления в сторону изучения распределенных точек и связей текст-опосредованной коммуникации, а на основании этого построение культурной матрицы историко-книжных дискурсов, которые находятся в постоянном взаимодействии, но не являются единым целым. Стремление к унификации и гомогенизации [31], необходимое, например, при систематизации документов и ряде других прикладных процедур в рамках библиотечно-информационной деятельности, рискует обернуться редук-

цией смыслов в общегуманитарных научных исследованиях, в том числе книговедческих.

2. Нарушение соединенности речи и носителя с точки зрения знаковой системы невозможно (лишь умозрительно – для реализации отдельных аналитических процедур). Этнометодологические исследования трактуют речь и ее носитель как неразделимый канал, как взаимосвязанную знаковую систему. Из этого следует, что книговеда, изучающего читателя и чтение должны интересовать механизмы означивания, без которых эта социальная практика (чтение) немыслима и, более того, не имеет никакого смысла. В данном случае книговедение выступает в качестве одного из ресурсов формирования интеллектуальной истории человечества, истории идей, социальной истории медиа.

Филология, социология, юриспруденция, исторические науки акцентируют внимание на содержании различных текстовых форм во всем их жанрово-стилистическом разнообразии – романах, повестях, рейтингах, интервью, декларациях, нормативно-правовых актах; книговедение – на способах, методах и формах производства, передачи и сохранения материально фиксированных форм во времени и пространстве, а также их означивании в процессе прочтения и последующей интерпретации.

3. Этнометодология создает предпосылки для аналитического примирения двух уровней книжных коммуникаций – уровня содержания (литература, информационная аналитика, управление знаниями) и уровня материальной формы, способов ее производства, диссеминации и потребления (книговедение, библиография, социология текстов). Такой синтез ориентирует на изучение книги не как статичного материального артефакта, а как динамичного, но целостного семиотического единства.

4. Бытование книжных форм не есть свершившийся социальный факт, а процесс преобразования индивидуальных читательских траекторий в правила, нормы, ценности. Традиционная социология, а вслед за ней и книговедение в процессе исследований рассматривают окружающий их мир как состоящий из уже совершенных фактов и способный быть разложенным на четкие категории, нормы, статусы, позиции. Тексты воспринимаются как данность, как нечто само собой разумеющееся, законченное, считанное действие, а механизмы, при помощи которых факты становятся как таковыми, объективно существующими остаются вне поля зрения.

С нашей точки зрения, такой подход имеет право на существование, например, в рамках корпуса текстологических и лингвистических исследований, ориентированных на изучение законов развития языка, но неприемлем для наук, изучающих различные этапы и формы социокуль-

турного развития. Их общественная роль состоит в накоплении интеллектуального капитала, воссоздающего объективные причинно-следственные связи совершаемых микросоциальных действий и новаций при помощи различных интерпретационных стратегий. Именно к таким наукам относится книговедение и, строго говоря, все библиотечно-информационные науки.

Таким образом, история и теория книги создают предпосылки для описания и понимания социально-культурных закономерностей в исторической ретроспективе и перспективе. Эти закономерности, в свою очередь, проявляются не как данность во всей ее фатальности, а как совокупность многообразных частных, пребывающих в движении текстопосредованных взаимодействий, то есть как система обмена символическими формами посредством книжных (шире – медиатизированных) коммуникаций.

5. Понимание чтения как социального феномена (*reading as a social-phenomenon*) [19], а также текста как социальной вещи находит свое воплощение в перспективно-ретроспективной модели чтения. Она проявляется в том, что индивидуальные значения формируются не только благодаря уже прочитанному (ретроспективная фаза), но и с учетом медиаэффектов, полагаемых к возникновению в контексте меняющихся фоновых ожиданий и личного опыта (перспективная фаза).

Выводы

Проведенное исследование позволяет заключить, что этнометодологический подход актуален и релевантен для исследования книги и чтения на микросоциальном уровне. В первую очередь, при изучении механизмы взаимодействия различных субъектов книжного процесса; способов кодирования, декодирования, интерпретации и формирования смыслов; последующей интеграции означенных текстов в рутинизированные практики.

Магистральной целью этнометодологических исследований книги и чтения должно стать описание устойчивых смысловых структур (фреймов), определяющих логику и алгоритмы коммуникативного действия. Решение этой задачи будет способствовать переосмыслению истории идей, технологий их социального воплощения, а также логики конкретных тактических действий в современном медийном пространстве.

Таким образом, возможности этнометодологического подхода могут, с одной стороны, расширить представления о карте историко-книжных дискурсов и стимулировать дальнейшее развитие теории книги, с дру-

гой – быть интегрированы в процесс моделирования прикладных книгоиздательских и книгораспространительских стратегий, ориентированных на нишевые сегменты книжного рынка и удовлетворение спроса малых адресных групп. Эти перспективы связаны с тем, что подход фокусируется на ситуативности и контекстуальности взаимодействия с медиа, то есть может быть положен в основу информационно-библиографического проектирования интерактивных траекторий читательского развития.

Список источников

1. Эльяшевич Д.А., Мутьев В.А. Зарубежное книговедение: анализ исследовательских подходов (на примере переведенных монографий) // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. № 4. С. 180–186. doi: 10.30725/2619-0303-2020-4-180-186
2. Баренбаум И.Е. Основы книговедения : учеб. пособие по курсу «Книговедение и история книги». Л. : Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н.К. Крупской, 1988. 91 с.
3. Беловицкая А.А. Книговедение. Общее книговедение : учебник. М. : Моск. гос. ун-т печати, 2007. 393 с.
4. Барбье Ф. Европа Гутенберга: книга и изобретение западного модерна (XIII–XVI вв.) / пер. с фр. И. Кушнаревой; под науч. ред. А. Марковой. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. 491 с.
5. Febvre L., Martin H.-J. The coming of the book: The impact of printing 1450–1800. London ; New York : Verso, 1990. 378 p.
6. Eisenstein E.L. The printing press as an agent of change: Communications and cultural transformations in early-modern Europe. Cambridge : Cambridge University Press, 1979. 794 p.
7. Червинский М., Зберский Т. Система книги. Семиотика книги. М. : Книга, 1981. 128 с.
8. Лизунова И.В., Павленко С.В. Трансформация книги в условиях медийных революций // Библиосфера. 2020. № 1. С. 12–23. doi: 10.20913/1815-3186-2020-1-12-23
9. Маркова В.А. Книга в социально-коммуникативном пространстве: прошлое, настоящее, будущее. СПб. : Профессия, 2019. 343 с.
10. Мутьев В.А., Эльяшевич Д.А. Теория медиа М. Маклюэна и современный книговедческий дискурс: точки пересечения // Библиосфера. 2021. № 4. С. 3–13. doi: 10.20913/1815-3186-2021-4-3-13
11. Столяров Ю.Н. Документология: причины появления, этапы развития // Научные и технические библиотеки. 2021. № 1. С. 15–26.
12. Лютов С.Н. Методологические основания междисциплинарных исследований современной книжной культуры // Научные и технические библиотеки. 2019. № 9. С. 56–70.
13. Соколов А.В., Тургаев А.С. Традиционные ценности и книжная культура // Научные и технические библиотеки. 2022. № 7. С. 116–128. doi: 10.33186/1027-3689-2022-7-116-128.
14. Garfinkel G. Studies in ethnomethodology. New Jersey : Prentice Hall Inc., Englewood Cliffs, 1967. 288+xvi p.
15. Дюркгейм Э. Самоубийство / пер. с фр. А. Ильинского. М. : N : АСТ, 2020. 512 с.
16. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М. : РОССПЭН, 2004. 1055 с.

17. Parsons T. The structure of social action. New York : Free Press, 1967. 817 p.
18. Livingston E. An anthropology of reading. Bloomington : Indiana University Press, 1995. 161 p.
19. McHoul A. Ethnomethodology and literature: Preliminaries to a sociology of reading // Poetics. 1978. Vol. 7, iss. 1. P. 113–120.
20. Уотсон Р. Этнометодологический анализ текстов и чтения // Социологический журнал. 2006. № 1/2. С. 91–128.
21. Гарфинкель Г., Корбут А. Что такое этнометодология? // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3, № 4. С. 3–25.
22. Варганова Г.В. Научные исследования в библиотечно-информационной сфере: отечественные и зарубежные практики. СПб. : С.-Петербург. гос. ин-т культуры, 2018. 208 с.
23. Библиотека В.А. Жуковского в Томске: в 3 ч. / отв. ред. Ф.З. Канунова. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1978–1988.
24. Айзикова И.А. Педагогическая проза М.Н. Муравьева и В.А. Жуковского: к вопросу о преемственных связях (на материале сочинений на исторические темы). Статья 1 // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 461. С. 5–12. doi: 10.17223/15617793/461/1
25. Айзикова И.А. Педагогическая проза М.Н. Муравьева и В.А. Жуковского: к вопросу о преемственных связях (на материале сочинений на исторические темы). Статья 2 // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471. С. 5–13. doi: 10.17223/15617793/471/1
26. Янушкевич А.С. В мире Жуковского. М. : Наука, 2006. 523 с.
27. Жиликова Э.М., Киселев В.С. «План учения наследника... цесаревича Александра Николаевича» в контексте педагогического наследия В.А. Жуковского // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 6. С. 125–136.
28. Канунова Ф.З., Янушкевич А.С. В.А. Жуковский в современном мире: итоги и перспективы изучения наследия поэта в Томском университете // Вестник Томского государственного университета. Гуманитарный специальный выпуск. 1998. Т. 266. С. 47–53.
29. Айзикова И.А. Проблема читателя в литературной критике В.А. Жуковского // Текст. Книга. Книгоиздание. 2015. № 2 (9). С. 44–58. doi: 10.17223/23062061/9/4
30. Айзикова И.А. В.А. Жуковский – идеолог и практик образования и воспитания великого князя Александра Николаевича (на материале писем к К.К. Мёрдеру) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 5–15. doi: 10.17223/15617793/448/1
31. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. 2-е изд. М. : Гиперборей : Кучково поле, 2007. 462 с.

References

1. Elyashevich, D.A. & Mutev, V.A. (2020) Zarubezhnoe knigovedenie: analiz issledovatel'skikh podkhodov (na primere perevedennykh monografiy) [Foreign Book Studies: Analysis of Research Approaches (Based on Translated Monographs)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 4. pp. 180–186. doi: 10.30725/2619-0303-2020-4-180-186
2. Barenbaum, I.E. (1988) *Osnovy knigovedeniya* [Fundamentals of Book Studies]. Leningrad: Leningrad State Institute of Culture.
3. Belovitskaya, A.A. (2007) *Knigovedenie. Obshchee knigovedenie* [Book Studies. General Book Studies]. Moscow: Moscow State University of Printing Arts.

4. Barbier, F. (2018) *Evropa Gutenberga: kniga i izobretenie zapadnogo moderna (XIII–XVI vv.)* [Gutenberg's Europe: The Book and the Invention of the Modern West (13th–16th Centuries)]. Translated from French by I. Kushnareva. Moscow: The Gaydar Institute.
5. Febvre, L. & Martin, H.-J. (1990) *The Coming of the Book: The Impact of Printing 1450–1800*. London; New York: Verso.
6. Eisenstein, E.L. (1979) *The Printing Press as an Agent of Change: Communications and Cultural Transformations in Early-Modern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Chervinskiy, M. & Zberskiy, T. (1981) *Sistema knigi. Semiotika knigi* [The System of the Book. The Semiotics of the Book]. Moscow: Kniga.
8. Lizunova, I.V. & Pavlenko, S.V. (2020) Transformatsiya knigi v usloviyakh mediynykh revolyutsiy [Transformation of the Book in the Context of Media Revolutions]. *Bibliosfera*. 1. pp. 12–23. doi: 10.20913/1815-3186-2020-1-12-23
9. Markova, V.A. (2019) *Kniga v sotsial'no-kommunikativnom prostranstve: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [The Book in the Social and Communicative Space: Past, Present, Future]. St. Petersburg: Professiya.
10. Mutev, V.A. & Elyashevich, D.A. (2021) Teoriya media M. Maklyuena i sovremennyy knigovedcheskiy diskurs: tochki peresecheniya [M. McLuhan's Media Theory and Contemporary Book Studies Discourse: Points of Intersection]. *Bibliosfera*. 4. pp. 3–13. doi: 10.20913/1815-3186-2021-4-3-13
11. Stolyarov, Yu.N. (2021) Dokumentologiya: prichiny poyavleniya, etapy razvitiya [Documentology: Reasons for Emergence and Stages of Development]. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki*. 1. pp. 15–26.
12. Lyutov, S.N. (2019) Metodologicheskie osnovaniya mezhdistsiplinarnykh issledovaniy sovremennoy knizhnoy kul'tury [Methodological Foundations of Interdisciplinary Research of Modern Book Culture]. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki*. 9. pp. 56–70.
13. Sokolov, A.V. & Turgaev, A.S. (2022) Traditsionnye tsennosti i knizhnaya kul'tura [Traditional Values and Book Culture]. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki*. 7. pp. 116–128. doi: 10.33186/1027-3689-2022-7-116-128
14. Garfinkel, H. (1967) *Studies in Ethnomethodology*. New Jersey: Prentice Hall Inc., Englewood Cliffs.
15. Durkheim, É. (2020) *Samoubiystvo* [Suicide]. Translated from French by A. Ilinskiy. Moscow: N: AST.
16. Schütz, A. (2004) *Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom* [Collected Works: The World Illuminated by Meaning]. Translated from German. Moscow: ROSSPEN.
17. Parsons, T. (1967) *The Structure of Social Action*. New York: Free Press.
18. Livingston, E. (1995) *An Anthropology of Reading*. Bloomington: Indiana University Press.
19. McHoul, A. (1978) Ethnomethodology and Literature: Preliminaries to a Sociology of Reading. *Poetics*. 7(1). pp. 113–120.
20. Watson, R. (2006) Etnometodologicheskiy analiz tekstov i chteniya [Ethnomethodological Analysis of Texts and Reading]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 1/2. pp. 91–128.
21. Garfinkel, H. & Korbut, A. (2003) Chto takoe etnometodologiya? [What is Ethnomethodology?]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 3(4). pp. 3–25.
22. Varganova, G.V. (2018) *Nauchnye issledovaniya v bibliotечно-informatsionnoy sfere: otechestvennye i zarubezhnye praktiki* [Scientific Research in the Library and Information Sphere: Domestic and Foreign Practices]. St. Petersburg: St. Petersburg State Institute of Culture.
23. Kanunova, F.Z. (ed.) (1978–1988) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo v Tomske: v 3 ch.* [The Library of V.A. Zhukovsky in Tomsk: in 3 parts]. Tomsk: Tomsk State University.
24. Ayzikova, I.A. (2020) Mikhail Muravev's and Vasily Zhukovsky's Pedagogical Prose: On the Relations of Succession (Based on Essays on Historical Topics). Article One. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 461. pp. 5–12. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/461/1

25. Ayzikova, I.A. (2021) Mikhail Muravev's and Vasily Zhukovsky's Pedagogical Prose: On the Relations of Succession (Based on Essays on Historical Topics). Article One. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 471. pp. 5–13. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/471/1
26. Yanushkevich, A.S. (2006) *V mire Zhukovskogo* [In the World of Zhukovsky]. Moscow: Nauka.
27. Zhilyakova, E.M. & Kiselev, V.S. (2014) "Plan of the education... of Tsarevich Alexander Nikolaevich" in the context of V.A. Zhukovsky's pedagogical legacy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 6. pp. 125–136. (In Russian).
28. Kanunova, F.Z. & Yanushkevich, A.S. (1998) V.A. Zhukovskiy v sovremennom mire: itogi i perspektivy izucheniya naslediya poeta v Tomskom universitete [V.A. Zhukovsky in the Modern World: Results and Prospects of Studying the Poet's Legacy at Tomsk University]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyy spetsial'nyy vypusk*. 266. pp. 47–53.
29. Ayzikova, I.A. (2015) The Problem of the Reader in V.A. Zhukovsky's Literary Criticism. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 2(9). pp. 44–58. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/9/4
30. Ayzikova, I.A. (2019) Vasily Zhukovsky as an Ideologist and Practitioner of Education and Bringing-Up of Grand Prince Alexander Nikolaevich (Based on the Letters to Karl Merder). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 448. pp. 5–15. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/448/1
31. McLuhan, M. (2007) *Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. 2nd ed. Translated from English. Moscow: Giperboreya : Kuchkovo pole.

Сведения об авторе:

Мутьев Виктор Алексеевич – кандидат педагогических наук, доцент, проректор по научной и творческой работе, доцент кафедры медиалогии и литературы Санкт-Петербургского государственного института культуры (Санкт-Петербург, Россия).
E-mail: victor.mutyev@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Viktor A. Mutev, Cand. Sci. (Pedagogy), vice-rector, associate professor, Saint Petersburg State Institute of Culture (Saint Petersburg, Russian Federation).
E-mail: victor.mutyev@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.10.2023;
одобрена после рецензирования 27.10.2023; принята к публикации 01.10.2025*

*The article was submitted 05.10.2023;
approved after reviewing 27.10.2023; accepted for publication 01.10.2025*

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

Научная статья

УДК 821

doi: 10.17223/23062061/39/7

МОНГОЛЬСКИЕ ТЕКСТЫ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Наталья Алексеевна Дровалёва¹

¹ *Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия,
n.drovalova@mail.ru*

Аннотация. На материале неопубликованных протоколов заседаний издательства «Всемирная литература», хранящихся в Архиве А.М. Горького Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН и СПбФ АРАН, определяется круг ученых-переводчиков, занимавшихся монгольской линией в рамках издательства «Всемирная литература», среди которых Б.Я. Владимирцов, В.Л. Котвич, Н.Н. Поппе, Ю.К. Щуцкий, выявляются подготовленные переводы художественных произведений и фольклорных текстов с монгольского, а также неосуществленные замыслы сотрудников издательства. Восстанавливается хронология работы над переводами, вышедшими отдельными книгами, преамбулами, теоретическими и историко-литературными статьями в составе сборников и на страницах журнала «Восток», которые стали заметным явлением в истории отечественного монголоведения.

Ключевые слова: «Всемирная литература», монгольская литература, тибетская литература, фольклор, перевод, Б.Я. Владимирцов

Благодарности. Статья выполнена в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-78-10046 «Восточные литературы в издательских и культурно-просветительских проектах А.М. Горького 1920-х гг. (по рукописным источникам издательства “Всемирная литература”, журнала “Восток” и “Секции исторических картин”)), <https://rscf.ru/project/24-78-10046/>.

Для цитирования: Дровалёва Н.А. Монгольские тексты в издательстве «Всемирная литература» // Текст. Книга. Книгоиздание. 2025. № 39. С. 104–119. doi: 10.17223/23062061/39/7

BOOK PUBLISHING

Original article

MONGOLIAN TEXTS BY THE VSEMIRNAYA LITERATURA PUBLISHING HOUSE

Natalia A. Drovaleva¹

¹ A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, n.drovaleva@mail.ru

Abstract. This article analyzes the study of Mongolian literature and the work on translations within the framework of the Vsemirnaya Literatura (World Literature) publishing house (1918–1925). Generally, this period is not taken into account by researchers when reconstructing the chronology of understanding the Mongolian literature and folklore by Russian scholars. A surge in Mongolian studies is observed after 1921, initiated by the revolution in Mongolia and the signing of a diplomatic agreement between the RSFSR and the People's Government of Mongolia. However, the records of the meeting of the Eastern Board of the Vsemirnaya Literatura publishing house, stored in the A.M. Gorky Archive of the IWL RAS and the St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS, indicate that the understanding of Mongolian sources and the work on translations for the general public had been carried out before the creation of special bodies for collaborative work in this direction. The article identifies the list of scholars and translators that worked in this field within the framework of the Vsemirnaya Literatura publishing house, based on the unpublished records of the publishing house meetings. It includes B.Ya. Vladimirtsov, V.L. Kotvich, N.N. Poppe and Yu.K. Shchutskiy. The article also sheds light on the published ("The Mongol-Oirat Heroic Epic" and "The Magical Dead Man. Fairy Tales") and finished translations of Mongolian fiction and folklore texts, as well as unfulfilled plans of the publishing house employees, and restores the chronology of work on translations, published individual books, historical, literary and theoretical articles, as well as preambles in collections and on the pages of the *Vostok* journal. The plans for the publication of Mongolian texts can be evaluated based on the extensive list of works published in the Vsemirnaya Literatura's catalogue *Literature of the East*. Some of the works were published; a large corpus of texts was left out of the work process, and several completed but unpublished translations were stored in the archive of the Academia publishing house. It is noted that during the translation and editing work there arose a need for historical and literary articles, which later became textbook works of Soviet Mongolian studies (the "Mongolian Literature" article by B.Ya. Vladimirtsov, and the "Preface" to the publication "Mongol-Oirat Heroic Epic"), as well as articles on the Mongolian heritage that introduced the topic of literary connections and influences ("Tibetan Literature" by B.Ya. Vladimirtsov). The interests of Mongolian scholars

of Vsemirnaya Literatura also included modern academic works of the 1920s, and even works of art, which was reflected in reviews for the *Vostok* periodical.

Keywords: Vsemirnaya Literatura, Mongolian literature, Tibetan literature, folklore, translations, B.Ya. Vladimirtsov

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-78-10046, <https://rscf.ru/project/24-78-10046/>.

For citation: Drovaleva, N.A. (2025) Mongolian texts by the Vsemirnaya Literatura publishing house. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 39. pp. 104–119. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/39/7

Изучение монгольских текстов и подготовки переводов в рамках издательства «Всемирная литература» (1918–1925) представляет собой период, который, как правило, не учитывается исследователями при установлении хронологии изучения монгольского наследия отечественными учеными в XIX – первой половине XX в. [1–4 и др.]. Как отмечает И.В. Кульганек, «к первой трети XX в. исследование монгольского поэтического народного творчества превратилось в самостоятельную отрасль знания с собственными методами анализа, богатой информационной базой и кругом научных вопросов. Сформировалась отечественная монголоведная фольклористика, подошедшая к решению глубоких теоретических проблем» [4. С. 29]. Традиционно историками отмечается новый всплеск тематических исследований после 1921 г., ознаменованного революцией в Монголии и подписанием соглашения об установлении дружеских отношений между РСФСР и Народным правительством Монголии. Следующей вехой считается 1925 г. – год образования специальной Монгольской комиссии Академии наук СССР [5. С. 114]. Однако данные протоколов заседания Восточной коллегии издательства «Всемирная литература», хранящиеся в Архиве А.М. Горького ИМЛИ РАН и СПбФ АРАН, свидетельствуют о том, что осмысление монгольских источников и подготовка переводов для широкого читателя велись и до создания специальных органов в рамках АН СССР.

Ученые-исследователи представляли тексты для многотиражных изданий уже в рамках «Всемирной литературы» (так, например, Б.Я. Владимирцов поместил в книге «Монголо-ойратский героический эпос» (1923) [6] переводы шести ойратских былин, которые были записаны им во время экспедиций в Северо-Западную Монголию в 1911, 1913–1915 гг. [3. С. 5]). Цель нашей работы – определить круг лиц, занимавшихся монгольской линией в рамках издательства «Всемирная литература», а также выявить подготовленные переводы и неосуществленные замыслы.

В апреле 1919 г. внутри издательства начала работу «Восточная коллегия» (С.Ф. Ольденбург – председатель Коллегии Восточного отдела; В.М. Алексеев – секретарь Восточного отдела (с 1919 г. по апрель 1920 г.); Б.Я. Владимирцов – секретарь Восточного отдела (с апреля 1920 г.), заведующий Отделом тибетской и монгольской литератур; И.Ю. Крачковский – член Коллегии Восточного и Западного отделов), в рамках которой обсуждались готовящиеся к публикации тексты произведений и переводческие преамбулы. О планах издания монгольских текстов можно судить по списку произведений, опубликованному в каталоге «Литература Востока» [7]. Под заголовком «Монголы» дан внушительный перечень, состоящий из следующих разделов: произведения народной словесности (героические поэмы, сказки, песни), образцы повествовательной литературы («Сказания цикла царя Викрамадитья», «Роман о богине Тара», «Сказание о царевне Дюрсюн Наран», «Рассказы волшебного трупа», «Джи-Дян Хушан – роман китайского происхождения»), жития буддийских святителей Монголии [7. С. 42].

На этой же странице помещены планы по переводу и публикации словесности «манджурско-тунгусских племен» («образцы народной словесности манджурско-тунгусских племен и письменной литературы манджур – шаманской и дидактической»). Вероятно, при составлении каталога издательства по литературе Востока была проделана большая исследовательская работа (вряд ли это свидетельствует о простой экономии места при печати с учетом свободного размещения списков других литератур). Современные специалисты говорят об этнокультурном сближении монголов и маньчжуров [8–10] на разных исторических этапах. Недаром, на наш взгляд, до списка с монгольскими текстами помещены и планы по изданию тибетской литературы. Так, например, во «Всемирной литературе» планировались к печати произведения Миларайбы (1040–1123) [7. С. 41], известного тибетского поэта-отшельника. В период распространения буддизма в Монголии в конце XVI – начале XVII в. его произведения в числе наиболее важных сочинений тибетской религиозной литературы были переведены на монгольский язык Гуши Цорджи, что способствовало повсеместному распространению в Монголии «Жизнеописания» поэта [11]. Именно поэтому тибетские «планы» целесообразно рассматривать в контексте монгольских изданий и подготовки вступительных статей сотрудниками «Всемирной литературы».

В начале июня 1919 г. руководство «Всемирной литературы» подало записку в Народный Комиссариат по просвещению о деятельности издательства, где было указано, что «за последнее время рамки Издательства раздвинулись еще более. В программу включен новый цикл, обнимаю-

ций Литературы Востока в их совокупности» [11. Ед. хр. 490. Л. 2]. Среди прочих литератур – литература монгольская, к работе над которой в рамках Отдела привлечены следующие специалисты-монголоведы: «проф. Б.Я. Владимирцов», «проф. В.Л. Котвич», что было оглашено еще на заседании 28 апреля 1919 г. [11. Ед. хр. 242. Л. 1.]. К этому времени В.Л. Котвич – видный востоковед, преподаватель монгольского, калмыцкого и маньчжурского языков, заведующий кафедрой монгольской филологии. Он активно включился в работу во «Всемирной литературе» несколько позднее. Владимирцов же немедленно приступил к переводу монголо-ойратской былины «Бум-Эрдени», чтобы уже через несколько месяцев представить перевод на заседании Коллегии. В протоколе от 8 августа 1919 г. отмечается, что кроме самого текста былины, обсуждался и состав вступительной статьи ко всем переводам серии эпосов монгольского народа. В.М. Алексеев указал на дословность перевода Владимирцова, что, по его мнению, однако не влияет на качество:

Как видно из прочитанного на заседании, сохраняет свою образцовую литературность и следы величавого ритма эпоса, которая живет и даже творится в настоящее время среди монгольского народа, былины которого принадлежат зачастую к наиболее интеллигентным классам, и даже к правящей аристократии. Монгольская эпоса несет на себе историю монгольского народа от самого Чингиса, и ученые уже приступили к внимательному использованию ее данных для реконструкции истории монголов, которая доселе рассказывалась по сообщениям и анналам иностранцев /китайцев, персов/ [11. Ед. хр. 257. Л. 2].

Переводчику было предложено отразить в предисловии все трудности, с которыми ему пришлось столкнуться при переводе терминологии и передаче «совершенно несвойственных наблюдению и восприятию русского читателя подробностей степной жизни с ее своеобразной сложностью» [11. Ед. хр. 257. Л. 2]. Работа над переводами велась в течение трех лет: протоколы от 22 августа и 3 октября 1919 г. фиксировали правку первой былины и предисловия. Далее Владимирцов приступил к подготовке остальных переводов: «Дайни-Кюрюль», «Кийгин-Кийтун-Кэкэ-Тэмюр-Зеве», «Егиль-Мерген», «Ергиль-Тюргюль», «Шара-Бодон» (оригиналы первых двух былин хранятся в СПбФ ИВ РАН, оригинал последней былины опубликован не был). В ноябре 1921 г. Алексеев докладывал о просмотренном им переводе и указывал на необходимость подготовки примечаний [11. Ед. хр. 335. Л. 1]. В 1922 г. Владимирцова просили подготовить текст к печати, после чего он объявил о представлении готового тома. Книга под названием «Монголо-ойратский героический эпос» [6] вышла через год, примечания к которому автор так и не подготовил, но в конце сборника поместил краткий словарь – «гlossарий» [6.

С. 253–254]. Предисловие к переводам стало хрестоматийным исследованием, посвященным не только публикуемым былинам и ойратскому эпосу, но и эпосу монгольских народов вообще. В нем Владимирцов «высказывает интересные суждения о бурятских улигерах, калмыцком “Джангаре”, халхаских былинах и былинах внутренних монголов, популярной “Тэсериаде”» [3. С. 5], классифицирует ойратские былины по типам.

Параллельно с работой по переводу монголо-ойратских героических былин в ноябре 1919 г. началась подготовка заявленных в каталоге «Сказаний цикла царя Викрамадитья». Владимирцов подготовил вводную статью к рассказам цикла о царе Викрамадитья – редким монгольским рукописям. В рамках обсуждений на заседаниях Алексеев указал на то, что предисловие и переводы должны пролить совершенно новый свет на темы, затронутые еще А.Н. Веселовским. В приложении к протоколу от 18 ноября 1919 г. читаем обоснование для публикации «Сказаний»:

1. Монгольские сказания цикла царя Бикармиджида-Викрамадитья являются не переводами соответствующих индийских, а оригинальной переработкой.

2. Монгольская версия имеет совершенно особый, исключительный интерес потому, что представляет многое, совершенно утраченное в Индии, она их дополняет и объясняет. Благодаря монг<ольской> версии акад<емику> Веселовскому удалось объяснить различные черты этого мирового литературного произведения, известного почти всем культурным народам /сказания о Соломоне, Морльфе и Мерлине/.

3. Для настоящего издания приготовлен перевод всей трилогии, на которую распадается сказание, причем надо отметить, что акад<емику> Веселовскому, как и вообще ученому миру<,> раньше была известна лишь 1/4 первой части трилогии. Перевод всей трилогии должен пролить совершенно новый свет на этот международный литературный сюжет.

4. В<о> введении сделана попытка выяснить, что дают нового неизвестные части этого сказания и как теперь вырисовывается первоначальная редакция [11. Ед. хр. 269. Л. 18].

В монгольской литературе получили широкое распространение пришедшие из Индии сказки «Панчатантра», «Волшебный мертвец», сказания о царе Викрамадитья. Цикл сказаний о царе Викрамадитья проник из Индии в монгольскую литературу при посредстве тибетской литературы (см. подробнее: [12]). Необходимость перевода, по мнению Алексеева, обуславливалась оригинальностью монгольских текстов этой тематики. Более того, публикация всей трилогии позволила бы продолжить изыскания Веселовского, изложенные в работе «Из истории литературного общения Востока и Запада. Славянские сказания. Соломон и

Китоврас и западные легенды Мерольф и Мерлин», где он осмыслял известные ему рассказы о троне Викрамадитьи, проникшие к монголам вместе с буддизмом [13]. Однако к обсуждению трилогии в связи с переводами Владимирцова члены коллегии больше не возвращались. Для публикации был выбран «Волшебный мертвец», о ценности которого Владимирцов писал в предисловии к изданию, где дал историю сборника индийских сказок, известных под названием «Двадцати пяти рассказов Ветала» [14. С. 230]:

Несмотря на то, что монголы – кочевники, они имеют свою национальную грамоту и литературу на своем языке, причем западная ветвь монгольского племени, ойраты или калмыки, пользуются, сверх того, своей несколько отличающейся письменностью. И вот среди этого монгольского мира особенно распространена и любима книжка, известная под названием “Сидди-Кюр” – “Волшебный мертвец”, которая представляет близкую родственную связь с “Двадцатью пятью рассказами Ветала” [14. С. 231].

На итоговом заседании за 1919 г., состоявшемся 30 декабря, сообщалось о поступлении готового перевода Владимирцова [11. Ед. хр. 274. Л. 1]. Спустя полгода С.Ф. Ольденбург сделал доклад о переводе «Сидди-Кюра» и вступительной статье к этому переводу Владимирцова: с учетом некоторых поправок он посчитал перевод и статью приемлемыми [15. Ед. хр. 5. Л. 26]. Издание вышло в 1923 г., снабженное библиографией существующих переводов текста [16. С. 117–118].

При подготовке вступительных статей Владимирцов столкнулся с необходимостью наметить пути развития монгольской литературы, указать на ее самобытность. Результатом стал очерк монгольской литературы [11. Ед. хр. 386], который Алексеев на заседании 20 апреля 1920 г. признал интересным и содержательным:

В.М. Алексеев<, прочитав очерк монгольской литературы Б.Я. Владимирцова, находит его, особенно в виду неудачных предшественников по теме, в высшей степени интересным, содержательным, полным, идейным и поучительным. Однако очерк проникнут пессимистическим настроением, что, конечно, в читателе не преминет вызвать соответствующий же отклик, а это вряд ли входит в задачи данной серии статей. Кроме того, автор свои равномерные обозначения и характеристики распространил даже на первоклассные произведения, волнующие степняка особенно сильно, как, напр<имер>, Гесер-хан. Следовало бы распространить соответственные места [11. Ед. хр. 289. Л. 1].

Исправленную версию И.Ю. Крачковский нашел интересной и содержательной, «ставя лишь автору до некоторой степени в упрек слегка сгущенные краски в отрицательных характеристиках литературных явлений, которые, впрочем, в дальнейшем самим же автором реабилитируются» [11. Ед. хр. 290. Л. 1]. Подготовленный материал под названием

«Монгольская литература» был помещен во втором выпуске сборника «Литература Востока» в том же году [17].

Вероятно, в 1920 г. Владимирцов приступил к переводу большого романа «Джи-Дян Хушан» (роман китайского происхождения), и уже в конце 1921 г. Алексеев докладывал на заседании о просмотренной им части готового текста, отмечая стилистические промахи и указывая на то, что перевод должен быть в обязательном порядке снабжен «обильными примечаниями» [11. Ед. хр. 333. Л. 1]. Далее ход перевода романа в протоколах не отражен (текст частично сохранившегося перевода отложился в РГАЛИ) [18. Ед. хр. 514].

С 1922 г. на установочных заседаниях «по делам журнала “Восток”» (организован под эгидой «Всемирной литературы») вносились предложения по подготовке небольших материалов журнального типа – аналитических статей или переводов с преамбулой. Владимирцову было предложено представить любую статью на выбор: «Два типа современной Монголии», «Монгольский эпос», заметку о Миларайбе [11. Ед. хр. 342. Л. 1]. Во втором номере журнала «Восток» опубликован «Рассказ о волшебстве» в переводе Владимирцова. Сказка, по мнению переводчика, «может служить показательным примером того, как догматы и философские воззрения буддизма распространялись среди широких народных масс, чуждых специальной схоластической подготовки. Сходные мотивы, почти те же, что встречаются в рассматриваемой тибетско-монгольской сказке, проникли и в переднюю Азию в средние века, в Европу и получили литературную обработку, напр<имер>, в итальянском сборнике новелл «Новеллино» начала XIV века» [19. С. 55]. Для журнала он подготовил рецензию «Монголия и Амдо и мертвый город Харакото» [20].

В первых трех номерах Владимирцов активно выступал в роли автора рецензий и коротких заметок, однако интересы ученого постепенно смещались в сторону тибетской литературы. Он подготовил два стихотворения «Из лирики Миларайбы» (тибетского поэта), опубликованные в первом номере журнала «Восток» [21], а также статью «Тибетская литература», которую, вероятно, планировалось поместить в несостоявшийся третий сборник «Литература Востока». В статье, рукопись которой отложилась в РГАЛИ, отмечается сложность такого феномена, как тибетская литература, которая стала и вовсе, по мнению Владимирцова, «литературой монгольского народа»:

При обзоре тибетской литературы в целом нельзя забывать еще одного обстоятельства тоже указующего на сложность рассматриваемого процесса. Дело в том, что тибетская литература обязана своим развитием не одним только тибет-

цам. В ее создании принимали участие не только представители племен, родственных тибетцам – лимбу, лепча на Гималаях, тангутские поколения на северо-восточной окраине – но и писатели из среды монголов, бурят и калмыков, которые, хотя и писали по-тибетски, но, тем не менее, всегда сознавали свою принадлежность к отличному от Тибета национальному миру. Благодаря различным обстоятельствам, тибетская литература, тибетская письменность оказывается широко распространенной за пределами собственно Тибета, распространенной везде, куда только ни проник буддизм в форме “ламаизма”, какой бы то ни было секты или церкви. Так, кроме собственно Тибета, тибетская литература живет, а иногда и процветает еще в следующих странах: в Ладаке, в Бутане, Сикиме, отчасти в Непале, в Монголии, в Манджурии; на тибетско-китайской окраине, в собственно китайских провинциях, в Пекине, среди наших бурят, а также и калмыков, живущих по Волге, Дону и в Ставропольской губернии. В Монголии тибетская литература приобрела такую силу, что именно она и является настоящей литературой монгольского народа, указуя литературным произведениям на монгольском языке второстепенное место [18. Ед. хр. 515].

Отметим, что к работам, выполненным для издательства «Всемирная литература», где поднимается вопрос о глубокой связи монгольской литературы с Индией и Тибетом, примыкает и книга Владимирцова «Монгольский сборник рассказов из Pancatantra» (1921), на которую была дана развернутая рецензия Ольденбурга, раскрывающая взгляды Владимирцова относительно монгольской и тибетской литератур.

Ценнейшими выводами исследования Б.Я. Владимирцова мы считаем, в первых, установление факта большого вероятия существования тибетского сборника Панчатантры примерно того же типа, как и некоторые индийские сборники, откинувшие рамку основного рассказа, которая придавала книге слишком светский характер, книги наставления царям. Несомненно, теперь доказанный трудами Потанина и Владимирцова факт существования тибетского сборника рассказов «Волшебного трупa» в полном его составе 25 рассказов позволяет надеяться на то, что и указанная Владимирцовым тибетская версия Панчатантры найдется. Вместе с тем открытие Владимирцова позволяет определенно сказать, что эта тибетская редакция породила и монгольские рассказы, и м<ожет> б<быть>, и монгольскую редакцию, которую еще надо найти, ибо монгольский перевод, сделанный в XIII веке с одной из мусульманских редакций Калилы и Димны и о котором до нас дошли сведения из мусульманских источников, не имеет отношения к буддийской редакции Панчатантры, попавшей к монголам через Тибет: монгольская книга XIII в. носила, несомненно, характер книги наставлений царям, и маловероятно, чтобы рассказы из нее могли составить монгольский буддийский сборник, минуя Тибет. Это не значит, конечно, что отдельные рассказы этой редакции не смогли сохраниться у монголов и распространиться в народе [22. С. 113].

В последних же двух номерах журнала «Восток» работы Владимирцова не появлялись, что позволяет сделать вывод о том, что он отошел от авторской работы, но продолжил, вероятно, быть редактором изда-

ния. По времени это совпало с постепенной приостановкой деятельности издательства (подробнее см.: [23]).

В рамках издательства над переводами работал и Н.Н. Поппе, ученик Владимирцова, ставший впоследствии видным востоковедом и главой советской монголистики. Ему поручили подготовить «Гесерхан» («Гэ-сэр-хан») [11. Ед. хр. 274. Л. 1] (редактором назначили Владимирцова). Поппе работал быстро, и уже через две недели перевод зачитали на очередном заседании, где Алексеев высказался против его принятия и определил как «абсолютно не литературный» [11. Ед. хр. 275. Л. 1]. Переводчику и редактору поручили представить рукопись после доработки. Поппе работал над «Гесерханом» в течение 1920–1921 гг., параллельно переводя «Сказания о Бигермеджиде» («Сказания о Викрамадитье»), о чем 15 апреля 1921 г. Владимирцов сделал сообщение, находя перевод вполне удовлетворительным [11. Ед. хр. 316. Л. 1]. Далее текст передали на прочтение Ольденбургу, который признавая его приемлемым, отметил, что тот «требует известного просмотра для исправления стиля, затем должен быть заново составлен указатель, а также, по возможности, должны быть восстановлены в классической форме санскритские собственные имена и слова, встречающиеся в тексте часто в очень искаженном виде» [11. Ед. хр. 325. Л. 1]. Как соотносятся переводы Поппе с переводами Владимирцова сказаний о царе Викрамадитье, установить не удалось. Ничего из текстов, переводимых Поппе, не было подготовлено к печати в издательстве, а его научные интересы очень быстро сместились в сторону лингвистики.

К работе над монгольскими переводами был привлечен и Ю.К. Щуцкий, который занимался во «Всемирной литературе» преимущественно китайским направлением. Материалы протоколов от 29 июня и 13 июля 1920 г. содержат сведения о его попытках подступить к переводам с монгольского «Субхашиты» (сличительно с тибетским) [11. Ед. хр. 298, Л. 1; 13. Ед. хр. 5. Л. 3]. В записке секретаря издательства В.А. Сутугиной Владимирцову от 2 августа 1920 г. содержалась просьба «подписать договоры на следующие вещи»: «Попе – Гесер-Хан (пер.) ред. 1. Владимирцов. Щуцкий – Суб’ашиты (пер.) 2. Владимирцов» [13. Ед. хр. 5. Л. 18]. 7 июля 1921 г. Владимирцов с сожалением докладывал о загруженности Щуцкого работой:

В настоящее время сотр<удник> Щуцкий, занятый работой по китайскому отделу, не в состоянии продолжать перевод “Субхашиты” с тибетско-монгольского текста, но он не отказывается подвергнуть поэтической обработке, строго сохраняя размеры подлинника, прозаический перевод оставшейся части “Субхашиты” [11. Ед. хр. 323. Л. 1].

Коллегия приняла решение заказать перевод оставшейся части «Субхашиты», оставшейся неизданной в рамках работы «Всемирной литературы» (тексты отложились в РГАЛИ, опубликованы фрагментами К.В. Львовым в 2024 г. [24]).

Позднее к работе во «Всемирной литературе» приступил монголовед В.Л. Котвич, который, как уже говорилось, еще в 1919 г. был включен в состав сотрудников Отдела русских востоковедов. Его имя в протоколах возникло лишь в 1922 г. в связи с написанием статей и заметок для журнала «Восток». Так, например, он подготовил обзор «Востоковедение во Владивостоке», который представил на заседании 17 октября 1922 г. [11. Ед. хр. 395. Л. 1]. В конце года рассматривалась его статья о Монголии, преамбула к тексту и перевод отрывка поучения Чингисхана:

Статья г<осподина> Котвича о Монголии очень интересна и полна, но необходимо ее пересмотреть и вычеркнуть ряд мест недопустимых в цензурном отношении. <...> Статью г<осподина> Котвича “О Монголии” передать автору для пересмотра, его же статью “Почтения Чингисхана” передать на просмотр С.Ф. Ольденбургу [11. Ед. хр. 403. Л. 1].

«Из поучений Чингисхана», как и статья «Среди монгольских племен» вышли в третьем номере журнала «Восток» в 1923 г. [25, 26]. Котвич занимался и подготовкой рецензий, которые были помещены в том же номере. Одна из них – на работы Л. Турунова «Прошлое бурят-монгольской народности», другая – на «Очерк истории Калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России» Н. Пальмова [27]. Небольшую заметку Котвич составил о сборнике стихотворений современного ему бурятского писателя Солбонэ Туя «Цветостепь» [28]. В поле научного интереса попало издание и И. Майского «Современная Монголия. Отчет Монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всероссийского Центрального Союза Потребительных Товариществ “Центросоюз”» [29], подвергшееся критике Котвича.

Результатом пятилетней работы с монгольскими материалами в рамках «Всемирной литературы» стали издания, подготовленные Б.Я. Владимирцовым – «Монголо-ойратский героический эпос» и «Волшебный мертвец», при переводе которых возникла необходимость в написании историко-литературных статей, определявших впоследствии в качестве хрестоматийных текстов отечественного монголоведения («Монгольская литература», «Предисловие» к изданию «Монголо-ойратский героический эпос» и др.). Кроме того, в сфере интересов монголоведов издательства оказались как современные научные работы 1920-х г., так и художественные произведения, что отразилось в рецензиях, подготовленных для журнала «Восток». Таким образом, подготовка переводов, науч-

ных статей, рецензий соответствующей тематики в рамках «Всемирной литературы» стала заметным импульсом в истории отечественного монголоведения первой половины XX века, способствовавшим расширению научных взглядов на исследуемый и публикуемый материал, а также способы работы с ним.

Список источников

1. Кульганек И.В. Особенности научного вклада российских исследователей в изучение монгольского поэтического фольклора в контексте мирового монголоведного литературоведения (XIX – начало XX в.) // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. Т. 149, № 4. С. 18–31.
2. Юсупова Т.И. Российско-монгольское научное сотрудничество в 1920–1960-е годы: особенности, контексты. Персоналии к 100-летию Учёного комитета Монголии // Вестник Российской академии наук. 2022. Т. 92, № 3. С. 275–286.
3. Михайлов Г.И. Литературоведческие и фольклористические труды Б.Я. Владимирцова // Владимирцов Б.Я. Работы по литературе монгольских народов. М. : Восточная литература, 2003. С. 5–17.
4. Носов Д.А. Б.Я. Владимирцов как основоположник современной монголоведной фольклористики // Б.Я. Владимирцов – выдающийся монголовец XX века : материалы российско-монгольской научн. конф. СПб., 2014. С. 137–143.
5. Митин В.В. Из истории деятельности Монгольской комиссии АН СССР в 1920-е годы // Метаморфозы истории. 2002. № 2. С. 106–128;
6. Монголо-ойратский героический эпос / пер., вступ. ст. и примеч. Б.Я. Владимирцова. Пб. ; М. : Государственное издательство, 1923. 254 с.
7. Литература Востока : каталог издательства Всемирная литература при Народном комиссариате по просвещению. Пб. : [б. и.], 1919. 54 с.
8. Дашибалов Э.Б. Древние и ранние монголоязычные народы и их связи с населением Маньчжурии и Корейского полуострова : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2011. 23 с.
9. Батоева Д.Б. Инкорпорация монгольских этнических групп в состав маньчжуров в XVII в. // Россия и монгольский мир: вектор на сближение (Егуновские чтения-VII) : сб. ст. науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 2017. С. 6–9.
10. Дугаров Б.С. «Намтар» Миларайбы в Монголии и Бурятии // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 5. С. 152–158.
11. ИМЛИ РАН. Архив А.М. Горького. Ф. А.Н. Тихонова. Оп. 2.
12. Менкенова К.В., Эрдниева Е.А. Буддийские элементы в сказке «Арджи-Бурджи хан» // Вестник КалмГУ. 2018. № 4 (40). С. 79–84.
13. Веселовский А.Н. Из истории литературного общения Востока и Запада. Славянские сказания. Соломон и Китоврас и западные легенды. Мерольф и Мерлин. СПб. : Тип. В. Демакова, 1872. 350 с.
14. Владимирцов Б.Я. Предисловие [Волшебный мертвец] // Владимирцов Б.Я. Работы по литературе монгольских народов. М. : Восточная литература, 2003. С. 229–232.

15. СПбФ АРАН. Ф. 780 (Владимирцов Б.Я). Оп. 2.
16. Волшебный мертвец: сказки / пер., вступ. статья и примеч. Б.Я. Владимирцова. Пб. ; М. : Государственное издательство, 1923. 118 с.
17. Владимирцов Б.Я. Монгольская литература // Литература Востока : сб. ст.: в 2 вып. Вып. 2. Пб., 1920. С. 90–115.
18. РГАЛИ. Ф. 629 (Издательство «Academia»). Оп. 1.
19. Рассказ о волшебстве. Сказка / пер. с монг. Б. Владимирцова // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. Кн. вторая. 1923. С. 55–57.
20. Владимирцов Б.Я. [Рец.:] Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. Кн. третья. 1923. С. 171–175.
21. Из лирики Миларайбы – два стихотворения / пер. и вступ. ст. Б. Владимирцова // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. Кн. первая. 1922. С. 45–47.
22. Ольденбург С.Ф. [рец. на кн.: Владимирцов Б.Я. Монгольский сборник рассказов из Pancatantra. Пг., 1920] // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. Кн. первая. 1922. С. 113–114.
23. Иванова Е.В., Чечнёв Я.Д. Как и почему было закрыто издательство «Всемирная литература» (по материалам из Архива А.М. Горького ИМЛИ РАН) // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7, № 2. С. 366–391.
24. Субхашита – сокровищница прекрасных изречений: фрагменты / пер. со старомонг. Ю.К. Щуцкого; подг. текста и вступ. К.В. Львова // *Иностранная литература*. 2024. № 9. С. 185–196.
25. Котвич В.Л. Из поучений Чингис-хана // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. Кн. третья. 1923. С. 94–96.
26. Котвич В.Л. Среди монгольских племен // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. Кн. вторая. 1923. С. 118–125.
27. Котвич В.Л. [рец.:] Л. Турунов. Прошлые бурят-монгольской народности; Н. Пальмов. Очерк истории Калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. Кн. третья. 1923. С. 175–177.
28. Котвич В.Л. [рец.:] Солбонэ туя (П. Д.). Цветостепь // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. Кн. третья. 1923. С. 181.
29. Котвич В.Л. [рец.:] Современная Монголия. Отчет Монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всероссийского Центрального Союза Потребительных Товариществ «Центросоюз». Иркутск, 1921 // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. Кн. вторая. 1923. С. 148–149.

References

1. Kulganek, I.V. (2007) Osobennosti nauchnogo vклада rossiyskikh issledovateley v izuchenie mongol'skogo poeticheskogo fol'klora v kontekste mirovogo mongolovednogo literaturovedeniya (XIX – nachalo XX vv.) [Characteristics of the Academic Contribution of Russian Researchers to the Study of Mongolian Poetic Folklore in the Context of the International Mongolian Literary Studies (19th – Early 20th Centuries)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 149(4). pp. 18–31.

2. Yusupova, T.I. (2022) Rossiysko-mongol'skoe nauchnoe sotrudnichestvo. Osobennosti, konteksty, Personalii k 100-letiyu Uchenogo komiteta Mongolii [Russian-Mongolian Academic Cooperation: Characteristics, Contexts. Personalities for the 100th Anniversary of the Scientific Committee of Mongolia]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 92(3). pp. 275–286.
3. Mikhaylov, G.I. (2003) Literaturovedcheskie i fol'kloristicheskie trudy B.Ya. Vladimirtsova [Literary and Folkloristic Works by B. Ya. Vladimirtsov] In: Vladimirtsov, B.Ya. *Raboty po literature mongol'skikh narodov* [Works on the Literature of the Mongolians]. Moscow: Vostochnaya literature. pp. 5–17.
4. Nosov, D.A. (2014) B.Ya. Vladimirtsov kak osnovopolozhnik sovremennoy mongolovednoy fol'kloristiki [B.Ya. Vladimirtsov as the Founder of Modern Mongolian Folklore Studies]. In: Kulganek, I.V. (ed.) *B.Ya. Vladimirtsov – vydayushchiysya mongoloved XX veka* [B.Ya. Vladimirtsov: Outstanding Mongolian Scholar of the 20th Century]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 137–143.
5. Mitin, V.V. (2002) Iz istorii deyatel'nosti Mongol'skoy komissii AN SSSR v 1920-e gody [From the History of the Work of the Mongolian Commission of the USSR Academy of Sciences in the 1920s]. *Metamorfozy istorii*. 2. pp. 106–128;
6. Vladimirtsov, B.Ya. (ed.) (1923) *Mongolo-oyratskiy geroicheskiy epos* [The Oirat-Mongolian Heroic Epic]. Petersburg, Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
7. Vsemirnaya literatura. (1919) *Literatura Vostoka: katalog izdatel'stva Vsemirnaya literatura pri Narodnom kommissariate po prosveshcheniyu* [Literature of the East: Catalogue of the World Literature Publishing House under the People's Commissariat for Education]. Petersburg: Vsemirnaya literatura.
8. Dashibalov, E.B. (2011) *Drevnie i rannie mongoloyazychnye narody i ikh svyazi s naseleniem Man'chzhurii i Koreyskogo poluoostrova* [Ancient and Early Mongol-Speaking Peoples and Their Relations with the Population of Manchuria and the Korean Peninsula]. Abstract of History Cand. Diss. Ulan-Ude.
9. Batoeva, D.B. (2017) Inkorporatsiya mongol'skikh etnicheskikh grupp v sostav man'chzhurov v XVII v. [Incorporation of Mongolian Ethnic Groups into the Manchus in the 17th Century]. In: *Rossiya i mongol'skiy mir: vektor na sblizhenie (Egunovskie chteniya – VII)* [Russia and the Mongolian World: Vector of Convergence (Egunov Readings-VII)]. Ulan-Ude. pp. 6–9.
10. Dugarov, B.S. (2019) "Namtar" Milarayby v Mongolii i Buryatii [The "Namtar" of Milaraiba in Mongolia and Buryatia]. *Gumanitarnyy vektor*. 14(5). pp. 152–158.
11. A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (IWL RAS). A.M. Gorky Archive. Fund of A.N. Tikhonov. List 2.
12. Menkenova, K.V. & Erdnieva, E.A. (2018) Buddiyskie elementy v skazke "Ardzhi-Burdzhi khan" [Buddhist Elements in the "Ardzhi-Burdzhi Khan" Folk Tale]. *Vestnik KalmGU*. 4. pp. 79–84.
13. Veselovskiy, A.N. (1872) *Iz istorii literaturnogo obshcheniya Vostoka i Zapada. Slavyanskije skazaniya. Solomon i Kitovras i zapadnye legendy Merol'f i Merlin* [From the History of Literary Communication between East and West. Slavic Legends. Solomon and Kitovras and Western Legends of Merolf and Merlin]

- omon and Kitovras and Western Legends. Merolf and Merlin.]. St. Petersburg: V. Demakov.
14. Vladimirtsov, B.Ya. (2003) *Raboty po literature mongol'skikh narodov* [Works on the Literature of the Mongolians]. Moscow: Vostochnaya literatura. pp. 229–232.
15. St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPbF ARAN). Fund 780 (Vladimirtsov B.Ya). List 2.
16. Vladimirtsov, B.Ya. (ed.) (1923) *Volshebnyy mertvets: skazki* [The Magic Deadman: Fairy Tales]. Petersburg, Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
17. Vladimirtsov, B.Ya. (1920) Mongol'skaya literature [Mongolian Literature]. In: *Literatura Vostoka* [Literature of the East]. Vol. 2. Petersburg: [s.n.]. pp. 90–115.
18. The Russian State Archive of Literature and Arts (RGALI). Fund 629. List 1. ("Academia" Publ.).
19. Vladimirtsov, B.Ya. (ed.) (1923) Rasskaz o volshebstve. Skazka [A Story about Magic. Fairy Tale]. *Vostok. Zhurnal literatury, nauki i iskusstva*. 2. pp. 55–57.
20. Vladimirtsov, B.Ya. (1923) Book review: Mongoliya i Amdo i mertvyi gorod Khara-khoto [Mongolia and Amdo and the Dead City of Khara-khoto]. *Vostok. Zhurnal literatury, nauki i iskusstva*. 3. pp. 171–175.
21. Vladimirtsov, B.Ya. (ed.) (1922) Iz liriki Milarayby – dva stikhotvoreniya [From Milaraiba's Lyrics – Two Poems]. *Vostok. Zhurnal literatury, nauki i iskusstva*. 1. pp. 45–47.
22. Oldenburg, S.F. (1922) Book review: Vladimirtsov B.Ya. Mongol'skiy sbornik rasskazov iz Pancatantra. Pg., 1920 [Vladimirtsov B.Ya. Mongolian Short Stories from Pancatantra]. *Vostok. Zhurnal literatury, nauki i iskusstva*. 1. pp. 113–114.
23. Ivanova, E.V. & Chechnev, Ya.D. (2022) Kak i pochemu bylo zakryto izdatel'stvo "Vsemirnaya literatura" (po materialam iz Arkhiva A.M. Gorkogo IMLI RAN) [How and why the "World Literature" Publishing House Was Closed (on the Materials from A.M. Gorky Archive of IWL RAS)]. *Studia Litterarum*. 7(2). pp. 366–391.
24. Lvov, K.V. (ed.) (2024) Subkhashita – sokrovishchnitsa prekrasnykh izrecheniy: fragment [Subhashita – A Treasury of Beautiful Sayings]. *Inostrannaya literatura*. 9. pp. 185–196.
25. Kotvich, V.L. (1923a) Iz poucheniy Chingis-khana [From the Teachings of Genghis Khan]. *Vostok. Zhurnal literatury, nauki i iskusstva*. 3. pp. 94–96.
26. Kotvich, V.L. (1923b) Sredi mongol'skikh plemen [Among the Mongolian Tribes]. *Vostok. Zhurnal literatury, nauki i iskusstva*. 2. pp. 118–125.
27. Kotvich, V.L. (1923c) Book review: L. Turunov. Proshloe buryat-mongol'skoy narodnosti; N. Palmov. Ocherk istorii Kalmytskogo naroda za vremya ego prebyvaniya v predelakh Rossii [L. Turunov. The Past of the Buryat-Mongolian People; N. Palmov. An Essay on the History of the Kalmyk People During Their Stay within the Borders of Russia]. *Vostok. Zhurnal literatury, nauki i iskusstva*. 3. pp. 175–177.
28. Kotvich, V.L. (1923d) Book review: Solbone Tuya (P.D.). Tsvetostep' [Solbone Thuya (P.D.). The Flower Steppe]. *Vostok. Zhurnal literatury, nauki i iskusstva*. 3. pp. 181.

29. Kotvich, V.L. (1923e) Book review: *Sovremennaya Mongoliya. Otchet Mongol'skoy ekspeditsii, snaryazhennoy Irkutskoy kontoroy Vserossiyskogo Tsentral'nogo Soyuza Potrebitel'nykh Tovarishchestv "Tsentosoyuz"*. Irkutsk, 1921 [Modern Mongolia. The Report of the Mongolian expedition, Organized by the Irkutsk Office of the All-Russian Central Union of Consumer Partnerships "Tsentosoyuz". Irkutsk, 1921]. *Vostok. Zhurnal literatury, nauki i iskusstva*. 2. pp. 148–149.

Сведения об авторе:

Дровалёва Наталия Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела русской литературы конца XIX - начала XX века, Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: n.drovaleva@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Natalia A. Drovaleva, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: n.drovaleva@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.09.2025;
одобрена после рецензирования 28.09.2025; принята к публикации 01.10.2025*

*The article was submitted 05.09.2025;
approved after reviewing 28.09.2025; accepted for publication 01.10.2025*

Научная статья

УДК 821:0041

doi: 10.17223/23062061/39/8

ФОРМАТЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И СОЗДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В ЛИТЕРАТУРНОМ РУНЕТЕ (1990-е – НАЧАЛО 2020-х гг.)

Иван Иванович Назаренко¹, Вера Юрьевна Баль²

*^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ Nazarenko42@yandex.ru

² balverbal@gmail.com

Аннотация. Анализируются интернет-проекты и творческие эксперименты в цифровой среде в литературном Рунете, начиная с 1990-х гг. и заканчивая настоящим временем. Предложена периодизация развития литературного Рунета, в хронологических рамках каждого периода выявлены и проанализированы форматы представления и создания в цифровой среде художественных текстов разных типов, профессиональных и непрофессиональных. Доказано, что динамика развития форматов представления связана с созданием инфраструктуры интернет-среды, которая является одновременно механизмом и результатом формирования цифровой читательской культуры. Развитие форматов создания художественных текстов полностью зависит от функциональных возможностей цифровых инструментов, которые меняются от периода к периоду.

Ключевые слова: литературный Рунет, формат представления, формат создания, цифровые художественные практики

Благодарности. Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект No. FSWM-2025-0016.

Для цитирования: Назаренко И.И., Баль В.Ю. Форматы представления и создания художественного текста в литературном Рунете (1990-е – начало 2020-х гг.) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2025. № 39. С. 120–139. doi: 10.17223/23062061/39/8

Original article

FORMATS OF PRESENTATION AND CREATION OF LITERARY TEXTS IN LITERARY RUNET (1990S – EARLY 2020S)

Ivan I. Nazarenko¹, Vera Yu. Bal²

^{1, 2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *Nazarenko42@yandex.ru*

² *balverbal@gmail.com*

Abstract. Digital Humanities is one of the most promising fields in contemporary science. Studying the influence of the digital environment on humans, particularly on their activities in the intellectual sphere, is not only relevant but also essential. The significance of these studies lies in the need to reconstruct and comprehend the rapid and intense interaction and mutual influence between the digital environment and humans. By creating a digital environment that is as convenient and efficient as possible, humans delegate many tasks that they previously performed themselves. In this process of task delegation, an inevitable blurring of boundaries occurs between digital technologies and humans, where technologies begin to acquire human-like traits, while humans themselves become more technological. The issue of shifting boundaries becomes particularly important in the realm of creative activity related to the cultural production of objects possessing aesthetic, moral, and spiritual value. One of the key questions in this field is studying the influence of the digital environment on the principles of existence, functioning, and creation of literary texts. Currently, to explore this question, it is necessary not merely to analyze isolated examples but to apply a longitudinal approach. Examining the phenomenon within its historical dynamics over an extended period will reveal patterns of its development, as well as its core and peripheral characteristics. This article analyzes internet projects and creative experiments within the digital environment of the literary Runet from the 1990s to the present. A periodization of the development of the literary Runet is proposed, comprising three stages: 1) the 1990s – early 2000s; 2) early 2000s – 2010s; 3) early 2020s. For each of these periods, the formats of presenting literary texts in the digital environment and the formats of their creation are examined. The appropriateness of using the term "format" to describe this phenomenon is also substantiated. The dynamics of the development of presentation formats are linked to the creation of internet infrastructure, which simultaneously serves as both a mechanism and a result of the formation of digital reading culture. The main trend among internet projects aimed at exploring new formats for presenting literary texts during the studied period is a shift from non-commercial initiatives, whose goal was the creation, storage, and dissemination of information, to commercial subscription-based aggregators distributing literary content in digital and audio formats. The development of formats

for creating literary texts is entirely dependent on the functional capabilities of digital tools, which change from period to period. Digital tools refer both to software products specifically designed for creating texts (e.g., ChatGPT, Alisa, Amazon Alexa, and others) and to communication platforms (such as LiveJournal, Facebook, VKontakte, Telegram) where literary works are created, published, and discussed. Both types of digital tools influence changes in the poetics of works created with their assistance. Reviewing the history of literature in the Runet, we conclude that the early 2000s – 2010s represent the most experimental period for literature in the Runet. During this stage, new creation formats gave rise to new genres: the blog-novel and LitRPG novel, "pirozhki"/"poroshki" and video poetry, and "network drama." By the early 2020s, despite the dramatically increased role of digital reality in human life, interest in constructing new formats has waned; the most notable phenomena are the media migration of writers to Telegram and experiments in creating literature in collaboration with AI.

Keywords: literary Runet, presentation format, creation format, digital artistic practices

Acknowledgments. This research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project No. FSWM-2025-0016.

For citation: Nazarenko, I.I. & Bal, V.Yu. (2025) Formats of presentation and creation of literary texts in literary Runet (1990s – early 2020s). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 39. pp. 120–139. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/39/8

Цифровая гуманитаристика является одним из наиболее перспективных направлений в современных науках. Актуальным является изучение влияния цифровой среды на человека, особенно на его деятельность в интеллектуальной сфере. Актуальность этих исследований заключается в необходимости реконструкции и понимания быстрого и интенсивного взаимодействия и взаимовлияния между цифровой средой и человеком. Человек, создавая цифровую среду максимально удобной и эффективной, отдает ей многие задачи, которые ранее выполнял сам. В этом процессе делегирования задач происходит неизбежное размывание границ между цифровыми технологиями и человеком, при котором технологии начинают приобретать человеческие черты, а сам человек становится более технологичным. Проблема смещения границ становится особенно важной в области творческой деятельности, связанной с культурным производством объектов, обладающих эстетической и нравственно-духовной ценностью. Одним из ключевых вопросов в этой сфере является исследование влияния цифровой среды на принципы существования, функционирования и создания художественных текстов [1–4]. Ход и результаты изучения этих процессов представлены в предлагаемой статье.

Постановка обозначенной проблемы в рамках нашей статьи требует ряда предварительных замечаний.

Первое замечание касается обоснования национальных границ осмысляемого материала. Эта проблема может быть рассмотрена с разных точек зрения. С одной стороны, в международном контексте, учитывая глобальные процессы цифровизации как в сфере культурного производства, так и потребления. С другой стороны, в национальном контексте, поскольку мировые тенденции адаптируются по-разному в условиях национальных культур [2]. В нашей статье основное внимание будет уделено влиянию цифровых технологий на форматы представления и создания художественных текстов разных типов, профессиональных и непрофессиональных, в пространстве Рунета¹. Уникальный путь развития русскоязычного Интернета, который отличает его от других языковых культур и подчеркивается исследователями, служит обоснованием выбранного подхода. Одно из ключевых наблюдений заключается в том, что на начальном этапе своего развития Рунет отличался ярко выраженной литературоцентричностью, что подтверждает продуктивность выбранного контекста [5, 6].

Второе замечание связано с хронологическими рамками исследуемого материала и внутренней периодизацией. Обширный массив собранных эмпирических данных позволяет проследить и понять, как цифровая среда влияет на художественную литературу в диахроническом аспекте, начиная с середины 1990-х гг., когда возник Рунет, и до настоящего времени. Выбранный временной промежуток можно разделить на три периода: 1) 1990-е – начало 2000-х; 2) начало 2000-х – 2010-е; 3) начало 2020-х.

Мы используем два критерия для выделения периодов. Они не связаны с литературно-художественными аспектами, а основаны на изменениях в инфраструктуре и архитектуре цифровой среды. Первый критерий касается развития цифровой инфраструктуры, что создает условия для почти повсеместного и безлимитного доступа к Интернету. Это, в свою очередь, существенно меняет характер взаимодействия между оф-

¹ Название «Рунет» (ru – код России, русского языка или имени домена + net – «сеть») вошло в употребление стихийно в конце 1990-х гг. В 2000 г. слово с заглавной буквы с формулировкой «Рунёт, -а (российский Интернет)» вошло в орфографический словарь РАН под редакцией В.В. Лопатина – основной словарь государственного языкового портала «Грамота.ру». В 2005 г. оно вошло в орфографический словарь Д.Э. Розенталя.

лайн- и онлайн-мирами. В рамках выбранной хронологии наблюдается переход от четкого противопоставления этих двух реальностей к их слиянию и неразличимости. Начиная со второго периода, цифровые инструменты активно используются как в личной, так и в профессиональной сферах. Третий период определяется ситуацией с COVID-19, которая привела к трансформации коммуникационных процессов в цифровом пространстве, значительно увеличив их интенсивность.

Второй критерий основывается на динамике изменений платформ для онлайн-коммуникаций [7]. На первом этапе социальные сети были предназначены для обеспечения удаленного общения между людьми. Примером такой платформы является ICQ – бесплатная кроссплатформенная система мгновенного обмена сообщениями. На втором этапе социальные сети начинают приобретать новые функции и используются для различных целей: общение (Facebook, VK, OK), распространение медиа-контента (Instagram, YouTube, Flickr), сбор и создание отзывов (Отзовик, Яндекс.Маркет, TripAdvisor, Uber), обсуждения (Digg, Reddit, Quora), ведение блогов и размещение авторских статей (Livejournal, Tumblr, Twitter), а также поиск единомышленников по интересам и деловым партнерам (Goodreads, Last.fm). На третьем этапе мессенджеры начинают занимать лидирующие позиции в интернет-общении, вступая в прямую конкуренцию с социальными сетями, поскольку большинство пользователей предпочитают их [7].

Третье замечание касается выбранного аспекта исследования художественных текстов. В статье внимание сосредоточено не на имманентном анализе художественных текстов, а на способах их бытования, функционирования и создания в цифровой среде. Обычно это явление описывается в научной литературе терминами: сетература, цифровая литература, дигитальная литература. Термины применяются для обозначения как художественных текстов, размещенных в Интернете, так и тех, которые созданы с помощью цифровых инструментов. Исследуемые результаты контактного взаимодействия художественного текста с цифровой средой описываются в статье с помощью термина **формат**. Слово формат происходит от лат. *formātum* «оформленное». В последующем во всех языках романской группы семантика этого слова была связана с идеей «придания формы чему-либо». Оно приобретает статус профессионального термина в области книгопечатания. На настоящий момент оно также активно используется в нескольких профессиональных сферах: полиграфия, теле- и радиовещание, программирование, педагогика

и т. д. Во всех перечисленных контекстах использование термина формат сигнализирует о ситуации структурирования и представления информации. Говоря иначе, он используется для подчеркивания того, что одна и та же информация может быть представлена по-разному исходя из коммуникативного замысла. На этих основаниях представляется уместным использовать термин формат и для осмысления ситуаций, когда художественный текст в цифровой среде одновременно тот же и другой.

В рамках статьи выдвигается гипотеза, что контактное взаимодействие художественного текста с цифровой средой может привести к двум типам форматов. Первый тип – это **формат представления**. Он описывает новые способы взаимодействия между художественными текстами и читателями, которые возникли в условиях цифровой среды и определили появление и распространение практик цифрового чтения. Второй тип формата – это **формат создания**. Он раскрывает принципы формирования новой поэтики художественных произведений, порожденных с использованием инструментов цифровой среды. Выделенные форматы можно наблюдать в каждом периоде в рамках хронологических границ изучаемого материала.

1990-е – начало 2000-х: начало и становление Рунета

Первый рассматриваемый период является начальным этапом формирования русскоязычного Интернета. Он характеризуется пилотными интернет-проектами и экспериментами, которые отражают процесс развития инфраструктуры интернет-среды и определения объема функций её инструментов. Фактологический материал, в полном объеме описывающий этот процесс, собран в книге Е. Горного «Летопись русского Интернета: 1990–1999» [8]. Факты и кейсы, которые собраны исследователем, дают примеры как **форматов представления** художественных текстов, так и **форматов создания**.

Интернет-проекты, которые будут проанализированы ниже, являются иллюстрацией возникших и закрепившихся в дальнейшем **форматов представления** художественных текстов в цифровой среде. Три ключевых проекта в этот период стали одновременно механизмом и базой для создания новой коммуникативной модели между читателем и художественными текстами в пространстве Рунета. Первым масштабным проектом стало появление в 1994 г. первой полнотекстовой электронной рус-

скоязычной библиотеки, создателем которой выступил Максим Машков [9]. Изначально в центре внимания проекта оказались профессиональные художественные тексты, обладающие признанной эстетической ценностью, в большинстве своем входящие в мировой фонд художественной литературы². Это определило основную функцию Библиотеки Машкова – обеспечить свободный доступ читателей к литературному наследию в цифровой среде. Значение проекта впоследствии было отмечено двумя премиями. В 2003 г. он получил Национальную интернет-премию, а в 2004 г. – Премию Рунета. В основание Библиотеки изначально был положен и сохранен в последующем принцип комплектации, опирающийся на инициативу пользователей, присылающих в библиотеку оцифрованные ими тексты. В дальнейшем были выявлены уязвимые места этого способа формирования библиотечного фонда – качество текстов (технические и орфографические недостатки) и авторские права, но это не стало основанием для закрытия проекта. Проект задумывался как некоммерческий и по сей день сохраняет этот статус.

Вторым крупным проектом стал «Журнальный зал» [10], открытый в 1996 г. Менеджером проекта выступила Татьяна Тихонова, литературным куратором – Сергей Костырко. Проект также был открыт как некоммерческий и остается таким до настоящего времени. Свою миссию создатели проекта видели в «представлении деятельности русских толстых литературно-художественных и гуманитарных журналов, выходящих в России и за рубежом» [11]. Контент этого проекта составило содержание авторитетных отечественных литературно-художественных журналов, таких как «Арион», «Дружба народов», «Знамя», «Иностранная литература», «НЛО», «Новая Юность», «Новый мир», «Октябрь». Иными словами, проект стал механизмом организации свободного доступа к профессиональным художественным текстам, литературно-критическим и публицистическим, прошедшим редакционную экспертизу журналов. Е.С. Лейнвебер и И.М. Удлер подчеркивают, что «Журнальный зал» стал значимой литературной платформой и ориентиром в российском литературном медиа-пространстве. Исследователями были выделены три главные функции «Журнального зала»: 1) агрегаторная – создание списка толстожурнальной периодики, структурирующей совре-

² Небольшое отклонение от этой концепции произошло в результате открытия на площадке библиотеки следующих разделов: «Журнал „Самиздат“», аналогичный проект для публикации музыкальных произведений «Музыкальный хостинг», проект «Заграница» для путевых заметок и впечатлений о жизни за пределами России, проект «Военная литература» и несколько других специальных проектов.

менный литературный процесс; 2) архивная – документирование литературной жизни на протяжении длительного периода, которое становится основой для создания «виртуального музея» литературного процесса в сети; 3) социокультурная – пропаганда традиций толстожурнальной литературы, сформированной в эпоху бумажного книгоиздания, в цифровой среде [12].

Третьим резонансным проектом стали запущенные в 2000 г. сайты самопубликации Стихи.ру [13] и Проза.ру [14]. Их появление выделило русскоязычное интернет-пространство на фоне других, так как их аналогов не существовало. Эти сайты изначально были задуманы как площадки, создающие условия для организации независимого литературного процесса, который включает и обмен рецензиями, и вхождение в различные рейтинги, и номинирование на самостоятельно организуемые премии. Этот проект, в отличие от двух предыдущих, был и остается сосредоточенным на непрофессиональных художественных текстах, итогах «профанных» (Ф.А. Катаев) творческих практик, которые не прошли профессиональную экспертизу. Пишущий человек, который ищет возможности для публикации своих произведений в обход сложившихся литературных кланов и коммерчески ориентированных издательств, оказался в центре этого интернет-проекта. Это стало основным отличием данного проекта от двух предыдущих, в которых в центре внимания находился читатель и его потребность в свободном доступе к информации в цифровом пространстве. Но проект сфокусирован не на отдельном пишущем человеке, а на создании коммуникативной площадки для людей, занимающихся литературным творчеством. Сайты Стихи.ру и Проза.ру, выполняя функцию консолидации и организации творчества независимых писателей, демонстрируют также возможности цифровых инструментов для создания альтернативной литературной или окололитературной реальности.

Таким образом, рассмотренные интернет-проекты стали как первыми механизмами, так и результатами формирования литературного Рунета на первом этапе. Принципы работы каждого из проектов были согласованы с основными правилами интернет-культуры, которые регулируют использование сетей для создания, хранения и передачи информации между пользователями. В итоге они стали основой для формирования цифровой читательской культуры, которая невозможна без упомянутых **форматов представления** художественных текстов различных типов.

Рассматриваемый период предлагает также интересные примеры **новых форматов создания** художественных текстов с использованием цифровых инструментов. Иными словами, это творческие эксперимен-

тальные проекты, которые определяют появление новой поэтики художественных произведений. Этот сегмент литературного Рунета достаточно подробно и основательно изучен в работе М.П. Абашевой, Ф.А. Катаева «Русская проза в эпоху Интернета» [15]. Исследователями проанализированы два показательных сетературных произведения: гиперроман «РОМАН» (1995–1997) и роман-проект «Геннадий Марпл» (1999–2002). Принципы создания обоих романов определили сдвиги в романной поэтике и, как следствие, логику восприятия художественных текстов в цифровой среде. Новые романы были созданы благодаря сотрудничеству писателей со специалистами, обладающими навыками работы с цифровыми инструментами. Первый проект показывает возможности созданных цифровых инструментов для организации нелинейного повествования. Второй проект иллюстрирует их возможности для конструирования гипертекстового, интерактивного и мультимедийного измерений художественного текста. Оба проекта приглашают читателя к активному сотворчеству, что определяет их экспериментальную новизну на тот момент. Представленные проекты демонстрируют стремление авторов к новой поэтике и эстетике цифровой литературы, формируемой как совместными усилиями соавторов, так и активным участием пользователей сетей. Стоит отметить, что создатели этих проектов были включены в теоретическую дискуссию о цифровой литературе, которая развернулась в интернет-сообществе «Сетевая словесность» [16].

Завершая разговор о первом этапе развития литературного Рунета, можно также остановиться на примере, который находится в пограничной зоне между *форматом создания и форматом представления* художественного текста. Речь идет о романе-комментарии Д. Галковского «Бесконечный тупик». Роман основан на обширной и разветвленной сети примечаний – 946. Он был закончен автором в 1988 г., который в логике нашей статьи относится к «досетературному периоду». В начале 90-х отрывки произведений публиковались в бумажном формате в различных периодических изданиях: «Новом мире», «Смене», «Континенте», «Нашем современнике», «Литературной газете», «Независимой газете», «Москве» и т. д. Иными словами, гипертекстовая структура романа была продемонстрирована читателю еще до вхождения в писательский обиход цифровых технологий создания текста. Получается, что тип творческого текстопорождения Галковского оказался созвучен цифровым инструментам, которые вошли в практику активного использования

уже после созданного романа. Примечательно, что роман при наличии электронной версии, книги-сайта [17], был переиздан в 2024 г.

Начало 2000-х–2010-е: новые форматы создания

Перейдем к рассмотрению второго периода развития литературы в Рунете – начала 2000-х–2010-е. В это время Рунет создаёт иной вариант вхождения писателя в большую литературу, минуя издательства (см. творческую историю романа «Метро» Дм. Глуховского³). Хотя новый литературный самиздат, давая начинающим авторам возможность продвижения своих текстов и незначительного заработка, создает и замкнутую «графоманскую» среду (Author.Today, Литрес Самиздат и др.), значимую только для своих, «фанатов» (фанфикш на Фикбук).

Происходит развитие *форматов представления*, заданное на предыдущем этапе. Наблюдается бум аудиокниг, связанный с массовым распространением МР3-формата и компакт-дисков [18. С. 93]. Параллельно начинают активно использоваться электронные книги. В 2010-е годы широко распространяются смартфоны и планшеты, появляются новые цифровые многофункциональные сервисы, постепенно становящиеся монополистами в своей сфере (ЛитРес, МуBook, Букмейт (ныне – Яндекс книги) и др.). С одной стороны, в цифровом пространстве окончательно размываются границы между толстыми журналами «Журнального зала» (современный читатель читает номер не как целое, а фрагментарно, отдельными текстами, не наблюдая концептуальной разницы между разными журналами), с другой – появляются новые литературные журналы, изначально ориентированные на существование в сети (могут выходить и в печати), новые литературные медиа, адресованные вдумчивому читателю («Литература», «Prosodia», «Arzamas», «Горький» и др.).

Большой интерес на данном этапе представляют *новые форматы создания*. В числе новых гибридных прозаических жанров исследователи выделяют блог-литературу, блог-роман, созданный на основе личного сетевого дневника автора (в ЖЖ, на Facebook) или имитирующий поэтику блога. Как подчеркивает М.П. Абашева, «сетевое бытование текстов писателя – не черновик, но одна из возможных версий его творчества, дающая дополнительные возможности» [19. С. 274]. М.П. Абашева и Ф.А. Катаев выделяют два варианта взаимодействия блога и литературы: «издания продукции известных блогеров в книжном формате и об-

³ Включён в реестр иностранных агентов.

ращение авторов бумажной литературы к “жанру” сетевого блога» [13. С. 82]. Первая тенденция менее интересна (назовем для примера М. Кетро, пришедшую из сетературы в Союз писателей). Более интересна вторая тенденция, в которой можно выделить два полюса: 1) тяготение к документальности и нон-фикшн: «ЖЖ»-романы Е. Гришковца и Б. Акунина⁴, «Повесть журнала Живаго» Н. Горлановой (2009–2010); 2) тяготение к фикшн, когда имитация блога становится одним из приемов или организующим принципом повествования: «Побег куманики» (2005) Е. Элтанг, «Ангелы на первом месте» (2004) Д. Бавильского.

В.Л. Шуников перечисляет новые аспекты поэтики блог-литературы: «виртуальность личности автора и любого субъекта речи» (мистификации, свобода в отношении ответственности за сказанное); «ризомность и фрагментарность текста»; «способность автора (а также его готовность) напрямую коммуницировать с читателями»; «проблематизация границ между нехудожественным <...> и литературным высказыванием»; «нивелирование различий между устной и письменной речью» [20. С. 108]. Стоит отметить, что в традиционном «бумажном» формате блог-роман может утрачивать все формальные показатели блога.

Другая тенденция в современной прозе – «усвоение словесностью собственно компьютерных технологий и их использование в качестве художественных приемов» [21. С. 49]. Это могут быть «введение специальной лексики и элементов компьютерной программы» [21. С. 51] («Принц Госплана» (1991) В. Пелевина), имитация сценария видеоигры на сюжетно-композиционном уровне («Принц Госплана» (1991), «Т» (2009) В. Пелевина, «Номер Один, или В садах других возможностей» (2004) Л. Петрушевской, массовые романы ЛитРПГ), построение наррации как чата («Акико» (2003), «Шлем ужаса. Креатифф о Тесее и Минотавре» (2005) В. Пелевина).

Более всего влияние компьютерных технологий проявилось в возникновении нового жанра массовой литературы – литРПГ-романа – синергии компьютерной игры в жанре РПГ и литературы, научной фантастики и фэнтези. Черты литРПГ: двоемирие, «мир будущего, мир технической более совершенный» и «виртуальный мир» [22. С. 122]; игра как главный сюжетообразующий элемент, «наличие игрового интерфейса и свойственного геймерам сленга, прокачка персонажа, прохождение квестов, общение с неигровыми персонажами» [22. С. 111]. Истоки жанра обнаруживают в романе С. Лукьяненко «Лабиринт отражений» (1997), а первым российским литРПГ называют роман Д. Михайлова «Господство

⁴ Включён в реестр иностранных агентов.

кланов» (2012). Популярность жанр получил благодаря книжной серии, запущенной издательством «Эксмо». Важно, что, несмотря на свою компьютерную генеалогию, жанр литРПГ существует прежде всего в традиционных книжных форматах.

В поэзии можно выделить два главных *новых формата создания*. Первый связан с тенденцией к компактности текста в цифровом пространстве – появление новых сверхмалых поэтических жанров, так называемых «пирожков», близких жанрам японского хокку и русской частушки, то есть находящихся на границе между литературой и интернет-фольклором (автор «пирожка», как правило, анонимен). Поэтика «пирожка» (появились в 2002 или 2003 г.): «иронические стихи в форме катрена, написанные четырехстопным ямбом, количество слогов которого по строкам составляет 9-8-9-8, причем рифма здесь не приветствуется. Весь текст набирается строчными буквами, без каких бы то ни было знаков препинания <...>. Это своеобразная имитация устной речи, характерная для коммуникативного языка членов интернет-сообщества» [23. С. 130]. Приемы комизма «пирожки» заимствуют из традиционных поэтических жанров: тавтология, нонсенс, парафраз прецедентных текстов и др. Тематический диапазон «пирожков» широк: от юмора до философии. В 2009 г. была напечатана книга «пирожков» «НЕПОЭЗИЯ: избранные стихи». Вслед за «пирожками» в Сети появились «порошки», отличающиеся рифмовкой второй и четвертой строк и «неровным» размером 9-8-9-2. Ю. Ракита объясняет сверхкраткость поэтического текста в Сети форматом «экрана», то есть количеством текста, помещающегося на страницу без прокрутки: «идеальным жанром художественного литературного произведения для распространения в сети является короткое стихотворение размером в две-три, максимум – четыре строфы. Оно целиком помещается на экран и в то же время является вполне законченным и содержательным текстом со всеми своими эстетическими и прочими достоинствами и недостатками» (цит. по: [23. С. 129]).

Другой поэтический *формат создания* связан с интермедийностью и визуализацией современной литературы в цифровом пространстве. Видеопоэзия в России появляется ещё в 1990-х гг. (эксперименты К. Кедрова, Дм. Пригова, А. Вознесенского и др.), но популярность это явление обретает скорее в начале XXI в. (см. фестивали видеопоэзии: «ЗРЯ», «Вентилятор», «101» и др.; основное пространство бытования видеопоэзии – не телевидение, а интернет-пространство). В российской культуре видеопоэзия впервые заявила о себе в мультимедийном альманахе рижской группы «Орбита» (2005). По определению А. Житенева,

видеопоззия – «не просто соположение текста и видео, но поиск разноплановых параллелей между ними», среди которых наиболее значима «тропеическая связь между текстом и видео, “точно” связывающая текст и визуальный ряд» [24. С. 79]. Видеопоззия соединяет видеоряд и звучащий текст, иногда – музыкальное сопровождение. При этом акцент может ставиться автором на любой составляющей, не только на тексте. По сути, видеопоззия может быть и **форматом представления** (когда происходит лишь визуальная репрезентация текста), и **форматом создания** (когда вербальный и визуальный ряды создаются вместе и не существуют один без другого). Л.Н. Пога перечисляет явления, близкие видеопоззии: «Возрастает интерес к перформансу, поэтическому слэму, поэтическому видеоклипу, поэтическим саундтрекам, визуально-смысловым инсталляциям (например, машине пишущей и читающей стихи) и т. д. А также к особому роду исполнителя – медиаартисту, медиапоэту, медиахудожнику» [25. С. 39]. На современном этапе остаются как сложные эксперименты в видеопоззии в личных каналах и группах поэтов (VK, Telegram), так и форматом видеопоззии можно назвать авторское прочтение стихотворения, записанное в видео-«кружок» и выложенное в личном Telegram-канале (если дополнительные смыслы несут авторская мимика, голос и др.).

Вероятно, на форматы создания драматургических произведений цифровая реальность влияет в меньшей степени, однако и в драматургии 2000-х можно увидеть прецедент создания «сетевой драмы» – «Сентябрь.doc» (2005) М. Угарова и Е. Греминой, поэтика которой детерминирована принципами интернет-коммуникации (интернет-комментариями). В.Л. Шуников убедительно показывает трансформацию основных драматургических категорий в «сетевой драме»: невозможность коммуникации, диалога (в основном персонажи «говорят», то есть оставляют «комментарий», единожды), движение сюжета не взаимодействием, а раскрытием диапазона мнений о предмете дискуссии, роль автора как собирателя «аутентичных» комментариев (иллюзия подлинности, как и в блог-литературе [26]).

Таким образом, в рассматриваемый период многие жанры, имеющие разный родовой литературный генезис, оказываются вовлечены в эксперименты по использованию новых форматов создания художественных текстов. Стоит также подчеркнуть, что поэтика каждого жанра трансформируется под влиянием цифровых инструментов и практик, которые могут трактоваться как органичные и адекватные их природе. Результаты творческих экспериментов происходят в зоне как профессиональной

литературы, которая подвергается экспертизе, так и непрофессиональной, связанной с практиками самопубликации и самиздата.

Начало 2020-х: «медиаисход» в Telegram и нейросети

Кратко обозначим гипотетические особенности следующего, «ковидного»/«постковидного» периода – первой половины 2020-х гг. Он видится нам как окончательное разрушение представления об Интернете как другой реальности, куда можно уйти из реальности материальной: исчезновение прежней анонимности, введение новых законов, заставляющих нести ответственность за написанное (то есть слово, написанное в Интернете, приравнивается к действию), замыкание на Интернете сложных бизнес-процессов и т. д. С 2022 г. параллельно с геополитическими катаклизмами происходит деглобализация и фрагментация мирового Интернета, в России – блокировки популярных сайтов и мессенджеров, в том числе Facebook, Twitter и Instagram⁵, и взлёт Telegram, созданного ещё в 2013 г. Собственно, это первая тенденция, которую стоит обозначить: «медиаисход» в Telegram. Хотя современная литература начинает осваивать Telegram ещё со второй половины 2010-х, с 2022 г. появляется огромное количество новых Telegram-каналов (микроблогов) писателей, поэтов и литературных критиков или происходит активизация ведения литераторами каналов, созданных ранее, но прежде воспринимавшихся как второстепенные, по сравнению с иными платформами. **Форматы представления** художественных текстов в Telegram – проблема, которую ещё только предстоит отразить. Хотя Telegram имеет редактор статей «Telegraph», где нет ограничения на количество символов, выделяется прежде всего не проза, а поэзия в Telegram. В конце 2024 г. на платформе «syg.ma» вышло «большое медиатехническое обследование» современной поэзии – «Сад расходящихся телеграм-каналов» А. Войтовского. Автор выделяет такие уникальные механики мессенджера, влияющие на формат стихотворений: «“блюр” (“спойлер”, скрытие текста) и сквозная сеть ссылок, объединяющих фрагменты поэтического цикла» [27]. Также автор рассматривает различные эксперименты, паратексты (то, что окружает стихотворение в Telegram-канале), поэтическую медиарефлексию, однако на материале достаточно нишевых и малоизвестных телеграм-каналов, в то время как в каналах более извест-

⁵ Организация Мета, а также её продукты, на которые мы ссылаемся в этой статье, признаны экстремистскими на территории РФ.

ных поэтов (Дм. Воденников, А. Пелевин, А. Долгарева и др.) новое медиа становится скорее лишь **новым форматом представления**, а не **создания**.

Вторая тенденция – это развитие искусственного интеллекта – нейросетей и чат-ботов (ChatGPT, Алиса, Amazon Alexa и др.) – и их влияние на литературу. В конце 2010-х – начале 2020-х гг. состоялись первые попытки создания художественных текстов нейросетями на основе изучения ими стилей писателей-классиков или современных писателей: «Нейрогоголь», «АИ да Пушкин», сборник рассказов «Пытаясь проснуться» (2022), написанный П. Пепперштейном в соавторстве с нейросетью – Нейро-Пепперштейном. Причем в последнем примере имитация стиля происходила обоюдная – «живой» Пепперштейн имитировал стиль нейросети и основная загадка сборника – где рассказ, написанный человеком, а где – нейросетью. Как заключает А. Арефьева: «Если поначалу игра в угадывание авторства захватывает, хочется анализировать выражения и думать, соответствует ли ход мыслей человеческому, то с каждым новым рассказом абсурда и психоделики становится больше, поэтому поиск автора отходит на второй план, уступая место поиску подтекстов, аллюзий и смыслов» [28. С. 61]. Однако очевидно, что пока нейросеть остаётся инструментом человека, а не творцом; она способна создавать лишь вторичный продукт на основе текстов, созданных человеком, она не имеет индивидуального стиля, а лишь подражает чужим. Вероятно, о настоящем создании художественного текста ИИ можно будет говорить только тогда, когда (и если) у ИИ возникнет *потребность* его создать. Остаются вопросы, можно ли считать художественный текст, созданный при помощи ИИ, новым форматом создания и есть ли особенности поэтики такого текста, поскольку экспериментальная книга Пепперштейна была опубликована на традиционном бумажном носителе.

Таким образом, динамика развития **форматов представления** связана с созданием инфраструктуры интернет-среды, которая является одновременно механизмом и результатом формирования цифровой читательской культуры. Основная тенденция развития интернет-проектов, связанных с **форматами представления** художественных текстов в исследуемые периоды, заключается в переходе от некоммерческих инициатив, целью которых было создание, хранение и передача информации, к коммерческим подписным агрегаторам, распространяющим художественный контент в цифровом и аудиоформатах.

Развитие **форматов создания** художественных текстов полностью зависит от функциональных возможностей цифровых инструментов, которые меняются от периода к периоду. Под цифровыми инструментами подразумеваются как программные продукты, разработанные специально для создания любых текстов (например, ChatGPT, Алиса и др.), так и платформы для общения (такие как Живой Журнал, Facebook, ВКонтакте, Telegram), на которых создаются, размещаются и обсуждаются художественные произведения. Первый период можно определить как экспериментальный. Произведения, созданные в этот период, и технологии их создания не получили массового распространения. Период начала 2000-х–2010-х гг., как показал собранный и проанализированный материал, является самым плодотворным для развития **форматов создания** художественных текстов в литературном Рунете. Появляются новые жанры в результате использования **цифровых форматов создания**: роман-блог и литРПГ-роман, «пирожки»/«порошки» и видеопэзия, «сетевая драма». К началу 2020-х гг. интерес к конструированию **новых форматов создания** стихает. ИИ как инструмент не создает новой поэтику, так как он имитирует процесс создания текстов, Telegram встраивается в историю развития форматов представления.

Список источников

1. Regards croises: Perspectives on digital literature / ed. by P. Bootz, S. Baldwin. Morgantown : West Virginia University Press, 2010. 128 p.
2. Абашева М.П. Новые стратегии письма и чтения в эпоху социальных сетей // Филологический класс. 2018. № 2 (52). С. 43–48.
3. Абросимова Е.А. Современная гипертекстовая поэзия: аспекты взаимодействия авторского текста и интернет-медиа // Научный диалог. 2020. № 8. С. 9–28.
4. O'Sullivan J. Towards a digital poetics: Electronic literature and literary games. Cham, Switzerland : Palgrave Macmillan, 2019. p. 342.
5. Костырко С. Русский литературный Интернет: начало // Новый журнал. 2011. № 263 (июнь). URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2011/263/russkij-literaturnyj-internet-nachalo.html> (дата обращения 20.06.2025).
6. Долгополов А. Дискуссия о сетературе в Рунете. Научно-культурологический журнал. № 02 [104]. 07.02.2005. URL: <https://relga.ru/articles/320/> (дата обращения 20.06.2025).
7. Начарова Л.И. Мессенджеры: новые медиа или эволюционный этап развития социальных сетей? // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 2 (105). С. 497–499.
8. Горный Е. Летопись русского Интернета: 1990–1999. URL: <https://www.netslova.ru/gorny/rule/> (дата обращения 20.06.2025).

9. Библиотека Машкова. URL: <https://lib.ru/> (дата обращения 20.06.2025).
10. Журнальный зал URL: <https://magazines.gorky.media/index.html> (дата обращения 20.06.2025).
11. О проекте. URL: <https://web.archive.org/web/20231201172621/https://magazines.gorky.media/page/about-us> (дата обращения 20.06.2025).
12. Лейнвебер Е.С., Удлер И.М. Функции портала «Журнальный зал» в литературном Интернете // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 2 (36). С. 111–116.
13. Сайт Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru> (дата обращения 20.06.2025).
14. Сайт Проза.ру. URL: <https://proza.ru/> (дата обращения 20.06.2025).
15. Абашева М.П., Катаев Ф.А. Русская проза в эпоху Интернета: трансформации в поэтике и авторская идентичность. Пермь : ПГГПУ, 2013. 167 с.
16. Сетевая словесность. URL: <https://www.netslova.ru/?hl> (дата обращения 20.06.2025).
17. Галковский Д. Бесконечный тупик. URL: <https://galkovsky.ru/bt/> (дата обращения 20.06.2025).
18. Баль В.Ю. «Звучащие книги» в современной издательской индустрии // Текст. Книга. Книгоиздание. 2018. № 17. С. 91–101.
19. Абашева М.П. Глава 8. Литература на территории Интернета: возможность новой поэтики // Закс Л.А. и др. Между автономией и протеизмом: формы/способы социокультурного бытия и границы современного искусства : монография. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2020. С. 269–286.
20. Шуников В.Л. Русская литература в цифровую эпоху // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2021. № 3. С. 102–114.
21. Маркова Т.Н. Жанровые трансформации в современной русской прозе // Современная русская литература : учеб. пособие. Челябинск : Изд-во Южно-Урал. гос. гуман.-пед. ун-та, 2019. С. 45–74.
22. Солопина Г.А., Абрамова Е.М. История возникновения и развития литРПГ // Филология и человек. 2020. № 3. С. 111–124.
23. Петренко С.Н. Пирожки и Порошки: сетевая поэзия между фольклором и литературой // Известия ВГПУ. 2014. С. 129–135.
24. Житенев А.А. Современная литература в контексте медиа: феномен видеопоззии // Русская и белорусская литературы на рубеже XX и XXI веков : сб. научных статей. Белорусский государственный университет. Минск: РИВШ, 2010. С. 78–83.
25. Пога Л.Н. Видеопоззия как способ репрезентации поэтического высказывания в условиях современной художественной культуры // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2018. С. 33–41.
26. Шуников В.Л. Прецедент сетевой драмы: «Сентябрь. Йос» М. Угарова и Е. Греминой // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 1. Том I (Гуманитарные науки). С. 256–260.
27. Войтовский А. Сад расходящихся телеграм-каналов // URL: <https://syg.ma/@voytovsky/sad-rashodyashchih-sya-telegram-kanalov> (дата обращения: 21.06.2025).
28. Арефьева А. Будущее литературы в эпоху нейросетей: НейроГоголь, Нейро-Пепперштейни AI да Пушкин // Новая русистика. 2023. № 16. С. 58–62.

References

1. Bootz, P. & Baldwin, S. (eds.) (2010) *Regards croises: Perspectives on digital literature*. Morgantown: West Virginia University Press.
2. Abasheva, M.P. (2018) Novye strategii pis'ma i chteniya v epokhu sotsial'nykh setey [New Strategies of Writing and Reading in the Era of Social Networks]. *Filologicheskii klass*. 2(52). pp. 43–48.
3. Abrosimova, E.A. (2020) Sovremennaya gipertekstovaya poeziya: aspekty vzaimodeystviya avtorskogo teksta i internet-media [Modern Hypertext Poetry: Aspects of Interaction Between Authorial Text and Internet Media]. *Nauchnyi dialog*. 8. pp. 9–28.
4. O'Sullivan, J. (2019) *Towards a Digital Poetics: Electronic Literature and Literary Games*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan. 342 pp.
5. Kostyrko, S. (2011) Russkiiy literaturnyy internet: nachalo [The Russian Literary Internet: The Beginning]. *Novyy zhurnal*. 263. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/nj/2011/263/russkij-literaturnyj-internet-nachalo.html> (Accessed: 20th June 2025).
6. Dolgoplov, A. (2005) Diskussiya o seterature v Runete [Discussion on "Set-erature" in the Runet]. *Nauchno-kul'turologicheskii zhurnal Rel'ga*. 02[104]. 7th February. [Online] Available from: <https://relga.ru/articles/320/> (Accessed: 20th June 2025).
7. Nacharova, L.I. (2024) Messendzhery: novye media ili evolyutsionnyy etap razvitiya sotsial'nykh setey? [Messengers: New Media or an Evolutionary Stage in the Development of Social Networks?]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2(105). pp. 497–499.
8. Gornyy, E. (n.d.) *Letopis' russkogo Interneta: 1990–1999* [A Chronicle of the Russian Internet: 1990–1999]. [Online] Available from: <https://www.netslova.ru/gornyy/rulet/> (Accessed: 20th June 2025).
9. *Biblioteka Mashkova* [Mashkov Library]. [Online] Available from: <https://lib.ru/> (Accessed: 20th June 2025).
10. *Zhurnal'nyy zal* [The Journal Hall]. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/index.html> (Accessed: 20th June 2025).
11. Gorky.media. (n.d.) *O proekte* [About the Project] [Online] Available from: <https://web.archive.org/web/20231201172621/https://magazines.gorky.media/page/about-us> (Accessed: 20th June 2025).
12. Leynveber, E.S. & Udler, I.M. (2020) Funktsii portala "Zhurnal'nyy zal" v literaturnom internete [Functions of the "Journal Hall" Portal in the Literary Internet]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. 2(36). pp. 111–116.
13. *Stikhi.ru*. [Online] Available from: <https://stihi.ru> (Accessed: 20th June 2025).
14. *Proza.ru*. [Online] Available from: <https://proza.ru/> (Accessed: 20th June 2025).
15. Abasheva, M.P. & Kataev, F.A. (2013) *Russkaya proza v epokhu Interneta: transformatsii v poetike i avtorskaya identichnost'* [Russian Prose in the Internet Era: Transformations in Poetics and Authorial Identity]. Perm: PGGPU.
16. *Setevaya slovesnost'*. [Online] Available from: <https://www.netslova.ru/?hl> (Accessed: 20th June 2025).

17. Galkovskiy, D. (n.d.) *Beskonechnyy tupik* [The Endless Dead End] [Online] Available from: <https://galkovsky.ru/bt/> (Accessed: 20th June 2025).
18. Bal, V.Yu. (2018) Sound books in the modern publishing industry. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 17. pp. 91–101. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/17/7
19. Abasheva, M.P. (2020) Glava 8. Literatura na territorii Interneta: vozmozhnost' novoy poetiki [Chapter 8. Literature in the Territory of the Internet: The Possibility of a New Poetics]. In: Zaks, L.A. et al. *Mezhdru avtonomiei i proteizmom: formy/sposoby sotsiokul'turnogo bytiya i granitsy sovremennogo iskusstva* [Between Autonomy and Proteism: Forms/Ways of Sociocultural Existence and Boundaries of Contemporary Art]. Yekaterinburg: Gumanitarnyy universitet. pp. 269–286.
20. Shunikov, V.L. (2021) Russkaya literatura v tsifrovuyu epokhu [Russian Literature in the Digital Age]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*. 3. pp. 102–114.
21. Markova, T.N. (2019) Zhanrove transformatsii v sovremennoy russkoy proze [Genre Transformations in Modern Russian Prose]. In: *Sovremennaya russkaya literatura* [Contemporary Russian Literature]. Chelyabinsk: South Ural State Humanitarian Pedagogical University. pp. 45–74.
22. Solopina, G.A. & Abramova, E.M. (2020) Istoriya vozniknoveniya i razvitiya litRPG [History of the Emergence and Development of LitRPG]. *Filologiya i chelovek*. 3. pp. 111–124.
23. Petrenko, S.N. (2014) Pirozhki i Poroshki: setevaya poeziya mezhdru fol'klorom i literaturoy [Pies and Powders: Network Poetry Between Folklore and Literature]. *Izvestiya VGPU*. pp. 129–135.
24. Zhitenev, A.A. (2010) Sovremennaya literatura v kontekste media: fenomen video-poezii [Contemporary Literature in the Context of Media: The Phenomenon of Video Poetry]. In: *Russkaya i belorusskaya literatury na rubezhe XX i XXI vekov* [Russian and Belarusian Literatures at the Turn of the 20th and 21st Centuries]. Minsk: RIVSh. pp. 78–83.
25. Poga, L.N. (2018) Videopoeziya kak sposob reprezentatsii poeticheskogo vyskazyvaniya v usloviyakh sovremennoy khudozhestvennoy kul'tury [Video Poetry as a Way of Representing Poetic Utterance in the Context of Contemporary Artistic Culture]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 44. pp. 33–41.
26. Shunikov, V.L. (2012) Pretsedent setevoy dramy: "Sentyabr. Yos" M. Ugarova i E. Greminoy [A Precedent for Network Drama: "September. Yos" by M. Ugarov and Ye. Gremina]. *Yaroslavskiy pedagogicheskii Vestnik*. 1(1). pp. 256–260.
27. Voytovskiy, A. (n.d.) *Sad rashodyashchikhsya telegram-kanalov* [The Garden of Forking Telegram-Channels] [Online] Available from: <https://syg.ma/@voytovsky/sad-rashodyashchikhsya-telegram-kanalov> (Accessed: 21st June 2025).
28. Arefyeva, A. (2023) Budushchee literatury v epokhu neyrosetey: NeyroGogol', NeyroPeppershteyn i AI da Pushkin [The Future of Literature in the Era of Neural Networks: NeuroGogol, NeuroPeppershteyn and AI da Pushkin]. *Novaya rusistika*. 16. pp. 58–62.

Сведения об авторах:

Назаренко Иван Иванович – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы XX–XXI веков и литературного творчества Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Nazarenko42@yandex.ru

Баль Вера Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы XX–XXI веков и литературного творчества Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: balverbal@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Ivan I. Nazarenko, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Nazarenko42@yandex.ru

Vera Yu. Bal, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: balverbal@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.07.2025;
одобрена после рецензирования 10.07.2025; принята к публикации 01.10.2025*

*The article was submitted 04.07.2025;
approved after reviewing 10.07.2025; accepted for publication 01.10.2025*

Научная статья

УДК 655.512.3 : 379.823

doi: 10.17223/23062061/39/9

КНИГИ ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКЕ БЕЛАРУСИ

Дина Павловна Зылевич¹

¹ *Белорусский государственный технологический университет, Минск,
Республика Беларусь, zylevichdina@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена теме семейного чтения. Автор отмечает, что с издательской точки зрения феномен семейного чтения практически не изучен. Издатель может «маркировать» свой продукт указанием на семейное чтение в формулировке заголовочного комплекса, в аннотации, в выходных сведениях. Однако такая информация издательствами указывается редко. Объектом редакторской оценки автора статьи стали 10 книг, которые выпущены в Республике Беларусь в период с 2015 по 2024 г. и обозначены издательствами как «книги для семейного чтения». Он привлекает внимание к успешной издательской подготовке книг для семейного чтения и выявляет необходимую теоретическую базу для ее распространения.

Ключевые слова: семейное чтение, предметная область издания, читательский адрес издания, выходные сведения, художественное оформление

Для цитирования: Зылевич Д.П. Книги для семейного чтения в современной издательской практике Беларуси // Текст. Книга. Книгоиздание. 2025. № 39. С. 140–154. doi: 10.17223/23062061/39/9

Original article

BOOKS FOR FAMILY READING IN MODERN PUBLISHING PRACTICE IN BELARUS

Dina P. Zylevich¹

¹ *Belarusian State Technological University, Minsk, Republic of Belarus,
zylevichdina@gmail.com*

Abstract. The article describes the topic of family reading. Its social, pedagogical and psychological significance is undeniable; there are a number of studies that prove this. However, from a publishing point of view, the phenomenon of family

reading has been practically unstudied. The author of the article takes a look into the research of modern scientists and formulates requirements for publications used for these purposes. If a book is recommended for family reading, it means it meets certain requirements for content and design. Firstly, the work must be interesting, understandable and accessible to children of a certain age who will participate in reading. Secondly, the form of the work must be optimal for the child: a relevant genre, a convenient structural division of the text so that one can stop to discuss what he has read; accessible and moderately emotional language so that the text is well perceived by ear. Thirdly, for effective family reading, the publication may include such reference elements as a preface, an introductory article, or some additional text: for example, tips and recommendations for parents. Fourthly, the publication must be well designed and visually attract the child. Thus it is recommended to use a work with dual addressing as a text for implementing the family reading model, which raises issues that are relevant for readers of different ages and involves joint reflection on what has been read. The structure, paratextual formations, artistic and technical design and printing (enlarged format) of the publication are designed to help organize the process of shared reading. The publisher can "label" his product with an indication of family reading in the wording of the title complex, in the abstract, in the imprint. However, in modern practice, such information is rarely indicated by Belarusian publishing houses. The object of the editorial assessment of the author of the article was 10 books that were published in the Republic of Belarus in the period from 2017 to 2024 and are designated by publishers as "books for family reading." In terms of intended purpose, most of them are literary and artistic publications; according to the composition of the main text – collections; Books in Russian predominate. The analysis allows the author to assert that all publications meet the necessary requirements. Information that a book is recommended for family reading can help interested parents to choose from a large array of publications. Thus the author of the article draws attention to the successful publishing practice of preparing books for family reading and identifies the necessary theoretical basis for its dissemination.

Keywords: family reading, subject area of the publication, reader's address of the publication, imprint, artistic design

For citation: Zylevich, D.P. (2025) Books for family reading in modern publishing practice in Belarus. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 39. pp. 140–154. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/39/9

Одной из проблем современного постсоветского общества стало падение престижа чтения, снижение культуры чтения. И если еще маленьким детям читать книги родители считают своим долгом, то подростки часто выбирают иные формы проведения досуга, особенно если в семье редко кого-то можно увидеть с книгой в руке. А ведь на протяжении столетий в наших семьях было привычным и естественным проводить время за семейным чтением. Причем в XIX в. вслух читали, как правило, старшие члены семьи, владеющие грамотой, а в XX в. нередко

всем читали младшие, поскольку дети и молодежь активно учились, а многие представители старшего поколения были безграмотными.

В XXI в. традиция семейного чтения сохранилась далеко не во всех семьях. При этом его социальная, педагогическая и психологическая значимость неоспорима. Семейное чтение — это не столько досуг, сколько «активная совместная эмоциональная и интеллектуальная деятельность членов семьи, способ духовного и нравственного единения поколений» [1. С. 90].

Феномен семейного чтения нередко попадает в поле исследования педагогов, психологов, социологов, филологов. Хороший обзор научных работ, посвященных семейному чтению как социальной практике, дан в статье Т.Д. Подкладовой, А.Н. Габайдуллиной, В.Н. Горенинцевой [2]. Есть ряд интересных исследований, посвященных анализу произведений, находящихся на стыке интересов детей и родителей (Н.В. Барковская [3], О.Н. Мязотс [4]). Некоторые исследователи рассматривают педагогические компетенции родителей, читающих детям (О.П. Максименко [5], М.К. Тимофеева, Е.А. Ефимова, О.Н. Ягодарова [6]); влияние семейного чтения на читательские интересы дошкольников (Е.М. Шастина, О.В. Шатунова, Т.И. Божкова [7], М.А. Забоева [8]); потенциал отдельных книг для семейного чтения (И.В. Даренская [9], Г.А. Мышкина, М.И. Ярославцева [10]). При этом обращает на себя внимание тот факт, что с издательской точки зрения феномен семейного чтения практически не рассматривается. Однако наблюдения перечисленных исследователей могут быть востребованы и специалистами издательского дела при определении требований к книге, рекомендуемой для семейного чтения.

В современной белорусской издательской практике семейное чтение не игнорируется. Например, с 2015 по 2023 г. Белорусский союз женщин с участием депутатов при поддержке министерств информации и образования Республики Беларусь реализовывали социально-творческий проект «Семейное чтение». В рамках проекта были основаны книжные серии «Сямейнае чытанне» (издательство «Мастацкая літаратура») и «Семейное чтение» (издательство «Аверсэв»), а издательство «Народная асвета» выпустило сборник поэзии Янки Купалы и Якуба Коласа «Бацькоўскі дар» (рус. – «Родительский дар»).

Указание на то, что книга предназначена для семейного чтения, может быть не только в названии серии, но и в формулировке заголовочного комплекса, аннотации, выходных сведениях, однако такую информацию мы встречаем редко. Анализ электронного каталога Национальной библиотеки Беларуси позволил выявить лишь 10 книг, выпущенных

в Республике Беларусь с 2015 по 2024 г., имеющих в библиографическом описании указание на то, что они предназначены «для семейного чтения». Данные издания стали объектом нашего редакторского анализа, цель которого – выявить отличительные особенности издания и входящего в него литературного произведения с точки зрения соответствия требованиям к книге, предназначенной для семейного чтения. Требования, или критерии редакторской оценки, сформулированы нами с учетом анализа исследований, указанных выше.

Во-первых, литературное произведение, рекомендованное для семейного чтения, по своему содержанию должно быть доступно, интересно и понятно ребенку конкретного возраста. Если предполагается совместное чтение с ребенком дошкольного и младшего школьного возраста, то предметная область произведения должна быть ориентирована на взаимоотношения в семье, детском саду, школе, на детской площадке; на взаимодействие с животными; на базовые моральные ценности. Если в семейном чтении предполагается участие ребенка среднего или старшего школьного возраста, то в предметную область попадают сложные нравственные конфликты, «вечные» философские вопросы, выбор профессии, работа над собственным имиджем и др.

Семейное чтение предусматривает комментирование, обсуждение прочитанного, обмен мнениями, то есть ребенок не должен оставаться безучастным в процессе чтения, а это возможно лишь в том случае, если произведение будет ему интересно. Не страшно, если что-то в книге покажется ребенку сложным: мама или папа объяснят. Интересное наблюдение по этому поводу сделал шведский писатель Ульф Старк: «Какой смысл читать книгу, если ты все в ней понимаешь? Книга должна быть сложной» [11. С. 155].

Во-вторых, литературное произведение с таким «читательским адресом», как «для семейного чтения», должно быть доступно и интересно ребенку по форме. Основной элемент формы – это жанр, поэтому в приоритете жанры, востребованные в детской литературе: сказки, басни, рассказы, повести.

Другой важнейший элемент формы литературного произведения – это язык и стиль. И в данном случае не так важно, чтобы в тексте совсем не было сложных, незнакомых ребенку слов (взрослые пояснят при необходимости). Важно, чтобы произведение предполагало интонационное богатство, короткие предложения, чтобы ритм текста не был монотонным, чтобы его можно было выразительно прочитать и было интересно слушать.

Важно и верное структурное деление достаточно крупного произведения (на главы, части). Как отмечает Е.В. Никкарева, должна быть возможность «остановить чтение по завершении отдельных сюжетных ситуаций, чтобы ребенок мог задать интересующие его вопросы, в случае необходимости выразить свое эмоциональное состояние» [12. С. 44].

В-третьих, для эффективного семейного чтения в издание могут быть включены такие элементы справочного аппарата, как предисловие, вступительная статья, либо некий дополнительный текст: советы и рекомендации для родителей, например. Эта информация поможет родителям грамотно выстроить беседу с ребенком, найти правильные ответы на сложные вопросы либо самим задать нужные вопросы.

В-четвертых, издание должно быть хорошо оформлено. Особенно актуально это требование, если предполагается совместное чтение с маленьким ребенком, для которого текст выглядит как набор непонятных знаков. Ребенок-слушатель будет с удовольствием рассматривать иллюстрации, комментировать их. Важно, чтобы иллюстрации соответствовали тексту, дополняли его, расширяя предметную область литературного произведения.

«Таким образом, литературно-художественное издание для семейного чтения – это издание для детей и юношества, направленное на реализацию модели “семейного чтения”: в качестве основного текста выбирается художественное произведение с дуальной адресацией, поднимающее актуальные для читателя определенного возраста проблемы и предполагающее совместную рефлексию по поводу прочитанного, а структура, паратекстовые образования, художественно-техническое оформление и полиграфическое исполнение (увеличенный формат) издания призваны организовать процесс совместного чтения» [12. С. 45].

Обратимся к изданиям, обозначенным как книги для семейного чтения. Из десяти выявленных нами книг восемь являются литературно-художественными, две – духовно-просветительскими изданиями. Две книги — это отдельные издания одного произведения, остальные – сборники. Три книги написаны на белорусском языке, семь — на русском. То есть подавляющее количество современных белорусских книг для семейного чтения – это литературно-художественные издания, сборники на русском языке.

Книга «Чароўныя назвы» (рус. – «Волшебные названия») (авторы: Дед Бялын, Аня, Саша и Тетя Оля) представляет собой сборник стихотворений, считалок, басен, загадок и рассказов, оформленный трогательными детскими рисунками и фотографиями соавторов этой книги (рис. 1). Книга написана на белорусском языке. Читательский адрес обо-

значен так: для семейного чтения, для младшего школьного возраста. Все произведения небольшого размера, тематика – семья, друзья, животные, игры, окружающий нас мир. Вот пример загадки:

Шыю мець вышэй за шафу
Хоча доўгая... (*Жырафа*)

В стихах часто встречается игра слов, что очень нравится детям дошкольного и младшего школьного возраста:

Мы размовы размаўлялі,
Казкі пераказвалі,
Мы малюнкi малявалі –
Называлі назвамі.

Книга подготовлена издательством «Ковчег» в 2020 г. Тираж: 130 экземпляров, формат: 60 × 84 1/8.

Это же издательство в 2016 г. уже выпускало поэтический сборник для семейного чтения «Гутатанка» (от слова «гутатá» – так белорусы часто приговаривают, когда качают ребенка на качелях) (рис. 2). Книга (40 стр., формат 70 × 108 1/32) включает в себя стихотворения известных авторов: Алеся Бадака, Нины Галиновской, Михася Позднякова, Виктора Гордея, Ивана Муравейки, Виктора Шнипа, Миколы Чернявского и др.

Рис. 1

Рис. 2

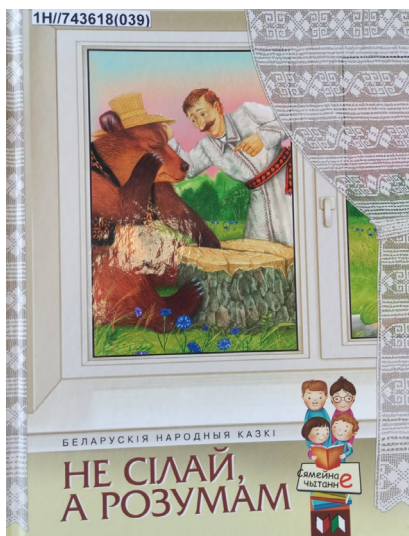

Рис. 3

проекта «Сямейнае чытанне» (рис. 3). Книга открывается предисловием «Слова да бацькоў», где ее создатели обращаются к родителям с призывом читать книги вместе с детьми и привлекают внимание к богатому духовному потенциалу народных сказок.

Оформление издания содержит иллюстрации, изображающие персонажей с элементами национальной одежды; декоративный элемент в оформлении обложки – это национальный белорусский орнамент. То есть издательство делает упор на национально-культурную идентичность белорусского народа.

«...Семейное чтение – это систематическая, добровольная и целенаправленная совместная познавательная-коммуникативная и эмоционально-эстетическая деятельность членов семьи, стоящих на разных ступенях социализации, в которой преобразуются и используются произведения литературы для удовлетворения и развития разнообразных потребностей семьи, в том числе и этнических» [7. С. 154].

Создатели книг для семейного чтения могут сделать акцент не на национальных, а на общечеловеческих ценностях. Например, в издательстве «Ковчег» в 2021 и 2022 г. вышли две книги Нины Мацевило – «Жили-были два кота» (рис. 4) и «Сороки да вороны» (рис. 5). Произведения стали победителями на международных литературных конкурсах

Стихи о детях, их мировосприятии, их взаимоотношениях, их умении удивляться и радоваться жизни. Сборник украшен тематическими рисунками и фотографиями; по содержанию и оформлению он, действительно, может понравиться детям и взрослым, поэтому указание в выходных сведениях на то, что книга подходит для семейного чтения, оправдано.

Еще одна книга на белорусском языке – это сборник из 13 народных сказок «Не сілай, а розумам» (рус. – «Не силой, а умом»), выпущенный издательством «Мастацкая літаратура» в рамках социально-творческого

Рис. 4

Рис. 5

«Open Eurasia» в Стокгольме и «Русский Stil-2019» в Париже. Это рассказы о привычных нам животных, наблюдения городского жителя за доступной ему природой. Вместе с писательницей мы следим за жизнью котиков-горожан, приехавших на лето на дачу; из окна квартиры наблюдаем за взаимоотношениями ворон и сорок. Есть предисловие, где автор рассказывает предысторию книг.

Рассказы интересные, реалистичные, легко читаются. Писательница продолжает традиции, заложенные В. Бианки, К. Паустовским, Н. Сладковым. Читательский адрес указан оправданно: для семейного чтения, для детей младшего школьного возраста. Формат: 70 × 108 1/32, тираж: 99 экземпляров, иллюстрации черно-белые, но качественные и выглядят органично.

Книга Геннадия Давыдько «Звезды седьмого неба», выпущенная издательством «Книжный Дом» в 2015 г. тиражом в 1025 экземпляров, наоборот, привлекает крупным форматом (60 × 84 1/8) и цветными иллюстрациями Венеамина Маршака (рис. 6). Это пьеса-сказка про куклу Элю и кота Мурмота, которые вступили в борьбу с порочными существами, называющими себя «звездами». Из-за них настоящие звезды гаснут, а дети стали злыми:

Почему? Ах, почему же
Дети стали злее, хуже?
Им совсем не интересно
Куклу наряжать невестой
И устраивать венчанье
В белом храме со свечами...

Все играют в перестрелки,
Во «взрывалки», «обгорелки»,
В разных «киборов» и монстров,
В пауков большого роста.

На четвертой странице обложки автор обращается к своим читателям-взрослым: «Попробуйте, пригласив друзей с детьми на чаепитие с мороженым, прочитать по ролям эту сказку. Обещаю вам пару часов очень интересного и веселого времяпрепровождения. Возродим семейные театральные вечера, так популярные в былые времена в просвещенных домах нашего Отечества».

Читательский адрес обозначен так: для детей дошкольного и младшего школьного возраста и для чтения взрослыми детям. Возможно, детей привлекут путешествия героев в космосе, а взрослым покажется актуальным воспитательный аспект произведения.

Очень удачный вариант для семейного чтения в 2015 г. предложил Белорусский республиканский литературный фонд – это книга «Дюймовочка» (рис. 7), представляющая собой балет-сказку (либретто Татьяны Шпартовой). Перед нами краткий вариант либретто с большим количеством фотографий постановки Марины Вежновец. Основная часть книги – это цветные фотографии, текста минимум, и он набран крупным шрифтом. Есть постраничные сноски с пояснением некоторых терминов

Рис. 6

из сферы балета. Есть «Предисловие для мам и пап, а также старших братьев и сестер», где дается правильная установка на семейное чтение. Развороты книги позволяют окунуться в атмосферу сказки, полюбоваться замечательными костюмами юных танцоров и декорациями на сцене.

Балет – это очень красивое искусство, примерно такая мысль возникает у всех, кто держит в руках издание. Книга вышла тиражом в 500 экземпляров, формат: 84 × 90 1/16.

Следующие в перечне выявленных нами изданий для семейного чтения – это книги духовно-просветительской направленности. Анатолий Долгорев предложил книгу с говорящим названием «Семья» (рис. 8). Книга вышла в издательстве «Ковчег» в 2019 г. Формат 60 × 84 1/16, тираж всего 50 экземпляров. Автор рассуждает с точки зрения христианства о таких важных для каждого человека понятиях, как любовь, целомудрие, покаяние, смирение, обида, взаимоотношения членов семьи, обязанности и др. Книга не содержит иллюстративного оформления, только на обложке представлено изображение большой семьи за обеденным столом. Текст явно рассчитан на совместное чтение с ребенком-подростком. Стиль повествования таков, что автор как бы «ведет» читателя за собой, анализируя нашу жизнь с точки зрения сохранения нравственных ценностей.

Рис. 7

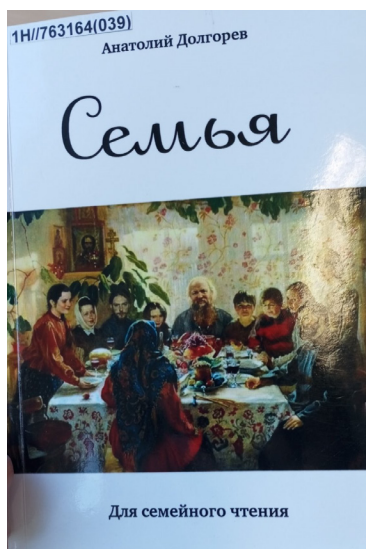

Рис. 8

Сборник духовно-просветительских рассказов «К небесным сокровищам», подготовленный Борисом Ганаго и Зоей Антипович и выпущенный издательством «Медиал» в 2017 г., тоже о вечных ценностях (рис. 9). Но он рассчитан на младшую аудиторию (читательский адрес: для семейного чтения и воскресных школ), поэтому произведения сюжетные, ситуации в них простые, идейное содержание направлено на формирование устойчивой христианской веры. Вот, например, как Полинка из рассказа «Я послушная?» признается: «Знаешь, бабушка, почему я стараюсь слушаться? Потому что когда сделаю то, что нельзя, ангелы добрые улетают, и я остаюсь одна. И болит вот здесь, – с горечью произнесла внучка и приложила ручонку к груди».

На обороте титула издания даны слова Протоиерея Александра Шаргунова: «Для детей эта книга – то, что нужно, потому что у них есть детская чистота. А для взрослых – напоминание о том, что “если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное”».

Книга проиллюстрирована сюжетными рисунками Елены Пономаренко, на обложке – купола храма на фоне голубого неба. Формат – 60 × 84 1/16, тираж – 1000 экземпляров.

Издательство «Хлеб наш насущный» в 2021 г. выпустило книгу с таким же названием (рис. 10). Это сборник переведенных с английского языка статей о Боге. На обложку вынесена цитата (Псалом 70:19): «Правда Твоя, Боже, до вышних; великие дела соделал Ты. Боже, кто подобен Тебе?». Во введении отмечается, что книга нацелена на помощь

Рис. 9

Рис. 10

людям в понимании Слова Божия. Истины библейских текстов раскрываются на примерах из жизни. Издание рекомендовано «для личного и семейного чтения». Содержит тематические указатели и введение. Отпечатано на офсетной бумаге мелким шрифтом, без иллюстраций. Формат – 84×108 1/32. Книга явно не предполагает продолжительного чтения, рассчитана на то, что взрослый или почти взрослый читатель обратится к соответствующим тематическим статьям, чтобы разобраться в сути библейских истин.

Анализ показал, что все книги, предложенные издателями для семейного чтения, соответствуют необходимым требованиям. Темы интересные для детей и взрослых (волшебство и приключения, животные, досуг, искусство, совместное времяпрепровождение детей и родителей, христианские ценности). Жанр произведений ориентирован на предполагаемых читателей и варьируется от сказок до философских статей. Издания представлены сборниками или отдельными произведениями, которые имеют оптимальное структурное членение для того, чтобы можно было приостановить чтение и обсудить прочитанное. Эффективность коммуникации в системе «автор – издатель – читатель-взрослый – читатель-ребенок» подкрепляется элементами паратекста, в первую очередь перспективными (предисловие, введение). Разнообразие форматов, полиграфического исполнения и художественного оформления дает возможность увлечь читателя любого возраста и украсить семейную библиотеку интересной книгой. Тиражи разные, однако, как правило, небольшие и редко бывают больше 1 тыс. экземпляров.

Мы проанализировали книги, которые содержат указание на то, что их рекомендуется использовать в качестве объекта для семейного чтения. Однако есть множество изданий, которые такого указания не содержат, но активно используются в этих целях. Неравнодушные, литературно подготовленные родители всегда найдут, что почитать со своими детьми, и понимают, зачем это нужно. Известный российский педагог, журналист, писатель Марина Аромштан в своей научно-популярной книге «Читать!» так характеризует две основные причины для семейного чтения: «Когда вы читаете ребенку вслух – сложные книжки, которые в данный момент ему еще не под силу одолеть самостоятельно, – ваш ребенок оказывается в зоне ближайшего развития. Тут задается перспектива на будущее: вот какие книжки ты скоро будешь читать сам! Смотри, как интересно» [11. С. 92]. Вторая причина читать ребенку, даже если он уже умеет сам – общение. «Чтение вслух — это уникальная форма общения с ребенком, заведомо содержательная, позволяющая оказаться в общем поле переживаний» [11. С. 92].

И все же не у всех родителей есть достаточный читательский опыт, чтобы самим найти нужную книгу для совместного чтения с детьми, поэтому помощь издателей в этом вопросе всегда востребована. Иными словами, для того чтобы книга могла использоваться в практике семейного чтения, эту информацию в выходных сведениях или на обложке указывать необязательно, однако она значительно помогает читателям сориентироваться в огромном массиве изданий.

Список источников

1. Микрюкова Т.А. Коммуникация в семье: традиции семейного чтения в России // Вестник Вятского государственного университета. 2019. № 4 (134). С. 85–93.
2. Подкладова Т.Д., Губайдуллина А.Н., Горенинцев В.Н. Семейное чтение как социальная практика: постановка проблемы и обзор исследований // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6, № 3 (20). С. 369–373.
3. Барковская Н.В. Роль детской книги в семейном воспитании // Педагогическое образование в России. 2015. Вып. 4. С. 140–148.
4. Мяэотс О.Н. Конфликт «отцов и детей»: для кого пишут детские книги, и кто их читает? / Детские чтения. 2014. № 2 (006). С. 170–183.
5. Максименко О.П. Формирование педагогической компетенции родителей в развитии речевых навыков ребенка в семье. Семейное чтение // Воспитание и обучение детей младшего возраста : сб. материалов ежегодной международной научн.-практ. конференции. 2016. № 5. С. 731–736.
6. Тимофеева М.К., Ефимова Е.А., Ягодарова О.Н. Сотрудничество детей и взрослых // Интерактивное образование. 2019. № 2. С. 37–40.
7. Шастина Е.М., Шатунова О.В., Божкова Т.И. Значение семейного чтения в сохранении этнокультурной идентичности // Научный диалог. 2018. № 8. С. 304–311.
8. Забоева М.А. Семейное чтение как фактор развития культурной идентичности у детей дошкольного возраста // Воспитательный потенциал семейного чтения в эпоху цифровизации и глобализации. Казань : Изд-во Казанского университета. 2019. С. 177–181.
9. Даренская И.В. Книги для семейного чтения и другие творческие проекты по материалам семейных архивов // Вторая мировая война: актуальные вопросы истории исторической памяти в школьном образовании / под ред. О.В. Рожковой. Екатеринбург, 2021. С. 32–38.
10. Мышкина Г.А., Ярославцева М.И. Короленко для семейного чтения // XII Короленковские чтения : материалы международной научн.-практ. конференции, посвященной 170-летию юбилею В.Г. Короленко. Казань, 2023. С. 85–89.
11. Аромштан М. Читать! Минск : Дискурс. 2018. 160 с.
12. Никкарева Е.В. Издание для семейного чтения в системе социальной коммуникации // Человек в информационном пространстве. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2014. С. 40–46.

References

1. Mikryukova, T.A. (2019) Kommunikatsiya v sem'e: traditsii semeynogo chteniya v Rossii [Communication in the Family: Traditions of Family Reading in Russia]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4(134). pp. 85–93.
2. Podkladova, T.D., Gubaydullina, A.N., & Gorenintseva, V.N. (2017) Semeynoe chtenie kak sotsial'naya praktika: postanovka problemy i obzor issledovaniy [Family Reading as a Social Practice: Problem Statement and Research Review]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya*. 6(3(20)). pp. 369–373.
3. Barkovskaya, N.V. (2015) Rol' detskoj knigi v semeynom vospitanii [The Role of Children's Books in Family Education]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 4. pp. 140–148.
4. Myaots, O.N. (2014) Konflikt "ottsov i detey": dlya kogo pishut detskie knigi, i kto ikh chitaet? [The "Conflict of Generations": For Whom Are Children's Books Written, and Who Reads Them?]. *Detskie chteniya*. 2(006). pp. 170–183.
5. Maksimenko, O.P. (2016) Formirovanie pedagogicheskoy kompetentsii roditely v razvitii rechevykh navykov rebenka v sem'e. Semeynoe chtenie [Formation of Parents' Pedagogical Competence in Developing a Child's Speech Skills in the Family. Family Reading]. *Vospitanie i obuchenie detey mladshogo vozrasta*. 5. pp. 731–736.
6. Timofeeva, M.K., Efimova, E.A. & Yagodarova, O.N. (2019) Sotrudnichestvo detey i vzroslykh [Cooperation Between Children and Adults]. *Interaktivnoe obrazovanie*. 2. pp. 37–40.
7. Shastina, E.M., Shatunova, O.V. & Bozhkova, T.I. (2018) Znachenie semeynogo chteniya v sokhranении etnokul'turnoy identichnosti [The Importance of Family Reading in Preserving Ethnocultural Identity]. *Nauchnyy dialog*. 8. pp. 304–311.
8. Zaboeva, M.A. (2019) Semeynoe chtenie kak faktor razvitiya kul'turnoy identichnosti u detey doshkol'nogo vozrasta [Family Reading as a Factor in the Development of Cultural Identity in Preschool Children]. In: *Vospitatel'nyy potentsial semeynogo chteniya v epokhu tsifrovizatsii i globalizatsii* [Educational Potential of Family Reading in the Era of Digitalization and Globalization]. Kazan: Kazan University. pp. 177–181.
9. Darenskaya, I.V. (2021) Knigi dlya semeynogo chteniya i drugie tvorcheskije proekty po materialam semeynykh arkhivov [Books for Family Reading and Other Creative Projects Based on Family Archives]. In: Rozhkova, O.V. (ed.) *Vtoraya mirovaya vojna: aktual'nye voprosy istorii i istoricheskoy pamyati v shkol'nom obrazovanii* [World War II: Current Issues of History and Historical Memory in School Education]. Yekaterinburg: [s.n.]. pp. 32–38.
10. Myshkina, G.A. & Yaroslavtseva, M.I. (2023) Korolenko dlya semeynogo chteniya [Korolenko for Family Reading]. *XII Korolenkovskie chteniya* [The 12th Korolenko Readings]. Proc. of the Conference. Kazan: [s.n.]. pp. 85–89.
11. Aromshtam, M. (2018) *Chita!'* [Read!]. Minsk: Diskurs.
12. Nikkareva, E.V. (2014) Izdanie dlya semeynogo chteniya v sisteme sotsial'noy kommunikatsii [Publications for Family Reading in the System of Social Communication]. In: *Chelovek v informatsionnom prostranstve* [Man in the Information Space]. Yaroslavl: YaSPU. pp. 40–46.

Сведения об авторе:

Зылевич Дина Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры редакционно-издательских технологий Белорусского государственного технологического университета (Минск, Республика Беларусь). E-mail: zylevichdina@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Dina P. Zylevich, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Belarusian State Technological University (Minsk, Republic of Belarus). E-mail: zylevichdina@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.07.2024;
одобрена после рецензирования 11.09.2024; принята к публикации 01.10.2025*

*The article was submitted 25.07.2024;
approved after reviewing 11.09.2024; accepted for publication 01.10.2025*

РЕЦЕНЗИИ

Научная статья

УДК 271 : 861.161.1 : 929

doi: 10.17223/23062061/39/10

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ АРХИМАНДРИТА МАКАРИЯ (ВЕРЕТЕННИКОВА) «ПАТРИАРХ-СХИМНИК» (СЕРГИЕВ ПОСАД: СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГИЕВА ЛАВРА, 2024. 544 с.)

Светлана Климентьевна Севастьянова¹

¹ *Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия, sevask@mail.ru*

Аннотация. Рецензируется новая книга о Патриархе Никоне церковного историка и богослова архимандрита Макария (Веретенникова). Автор рецензии рассматривает издание в контексте сложившихся в отечественном никоноведении подходов к оценке личности и деяний Святейшего Патриарха, отмечает апологетичность взглядов исследователя на персону Московского Первосвященника и в то же время критическую оценку источников. Устанавливается близость авторского осмысления биографии Никона с мнениями о нём ведущих историков XIX в., писавших о Патриархе в период их службы в Московской духовной академии.

Ключевые слова: Патриарх Никон, историческая школа МДА, «Известие» о Патриархе Никоне клирика Иоанна Шушерина, «летопись» жизни и деяний Никона

Для цитирования: Севастьянова С.К. Рецензия на книгу архимандрита Макария (Веретенникова) «Патриарх-схимник» (Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2024. 544 с.) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2025. № 39. С. 155–169. doi: 10.17223/23062061/39/10

REVIEWS

Original article

**BOOK REVIEW: ARCHIMANDRITE MACARIUS
(VERETENNIKOV). (2024) *PATRIARKH-SKHIMNIK*
[PATRIARCH-SCHEMAMONK]. SERGIEV POSAD:
HOLY TRINITY LAVRA OF ST. SERGIUS, 544 p.**

Svetlana K. Sevastyanova¹

¹ *Institute of Philology, SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation, sevask@mail.ru*

Abstract. The personality of Patriarch Nikon (1652–1666; † 1681) and his deeds have attracted the attention of domestic and foreign lovers of Russian history, researchers of various fields of knowledge for three and a half centuries, whose works became the basis for a special direction in Russian humanities called "Nikon studies". The collection of historiographic works and materials dedicated to the sixth Patriarch of the Russian Orthodox Church was recently replenished with a new study by Archimandrite Macarius (Veretennikov) *The Patriarch-Schemamonk* (2024). The book under review continues a series of serious monographic publications by Father Macarius on Russian metropolitans and patriarchs and summarizes his numerous studies on Nikon. The generalization of the previous historical-philological and source-study-factual experience allowed the church historian to conclude that there is no complete monograph about this Primate, his life path and activities in Russian historiography. It is this circumstance that determined the relevance and novelty of the publication and defined its purpose. The author shows the life path of Patriarch Nikon as a great spiritual feat, filled with trials and struggle, active deeds and the deepest humility, Christian love and tolerance, which led the parish priest, the Novgorod bishop, the Patriarch of all Russia, the sacred archimandrite of the patriarchal monasteries, monk Nikon to accept the schema. The reviewer notes the undoubted merits of the study: the detailed structuring of the book, the author's painstaking work with different types of sources, restraint and objectivity in assessing the Old Believer tradition of rejecting Nikon's personality and his deeds on the primatial throne, consistency in expressing the apologetic point of view on the person of His Holiness and a respectful attitude to the interpretations of historical events by representatives of the opposite direction, adherence to the methodology of the historical approach to assessing the complex personality of the Moscow Primate, laid down in the works of religious and secular historians of the 19th century, many of whom worked at the Moscow Theological Academy. At the same time, the reviewer notes that the author of the study underestimated a number of works by famous representatives of both directions. Foreign historiography on Patriarch Nikon is also poorly represented, and there are practically no mentions of historians of the Russian diaspora. But it was they who en-

riched the historiography of Patriarch Nikon with deep research, publications of materials of Nikon's "case", new ideas about liturgical reform and "book research". In conclusion, it is noted that the book is written in good literary language, beautifully illustrated. Archimandrite Macarius's research sets the task of further comprehensive understanding of materials and publications, archival searches and findings for future researchers of the personality and deeds of Patriarch Nikon.

Keywords: Patriarch Nikon, historical school of Moscow Theological Academy, "Notification" about Patriarch Nikon by cleric John Shusherin, "chronicle" of Nikon's life and deeds

For citation: Sevastyanova, S.K. (2025) Book Review: Archimandrite Macarius (Veretennikov). (2024) *Patriarkh-Skhimnik* [Patriarch-Schemamonk]. Sergiev Posad: Holy Trinity Lavra of St. Sergius, 544 p. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 39. pp. 155–169. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/39/10

Издательством Свято-Троицкой Сергиевой Лавры подготовлена новая книга о Патриархе Никоне, написанная церковным историком, доктором богословия архим. Макарием (Веретенниковым) [1]. Это исследование стало продолжением ряда серьёзных монографических публикаций отца Макария о русских митрополитах и Патриархах [2; 3]. Осмысление биографий и деяний всех Первопрестольников русских положено исследователем в основу собственной концепции истории Русской Церкви [4], базирующейся на классическом наследии русской церковно-исторической науки XIX–XXI вв. [5; 6]. Новая книга архим. Макария представляет собой итог его многочисленных исследований об одном из Московских Первосвятителей – о Патриархе Никоне (в 1652–1666; † 1681), выделенном автором из всех досинодальных иерархов [7–9]. Исследование отца Макария отмечает и определённый этап в развитии никоноведения, актуализировавшегося на рубеже XX–XXI вв. [10; 11] и ярко проявившего себя в работах светских и церковных учёных, отечественных и зарубежных авторов, издававших новонайденные материалы о Святейшем Никоне, по-своему осмыслявших и освещавших в специальных исследованиях отдельные аспекты жизни и деятельности шестого Всероссийского Патриарха (А.Г. Авдеев, К.В. Акинин, Л.А. Беляев, А.П. Богданов, Н.С. Борисов, Г.В. Вернадский, Д.М. Володихин, Н.В. Воробьёва, Г.П. Гунн, С.Н. Дорошенко и В.В. Шмидт, Г.М. Зеленская, А.В. Каравашкин, К. Кейн, А.С. Лавров и А.В. Морохин, прот. Лев Лебедев, А.М. Лидов, С.В. Лобачёв, М.Ю. Люстров, Е.Н. Мокшина, М.В. Первушин, В.И. Петрушко, Д.Ф. Полознев, В.С. Румянцева, С.К. Севастьянова, архим. Тихон (Затёкин) и мн. др.).

Однако архим. Макарий не ставит перед собой цель обобщить весь предшествующий историко-филологический и источниковедческо-фактологический опыт, напротив – побуждает к этому других исследователей, обращая внимание на отсутствие до сих пор «полной монографии об этом Первосвятителе, его жизненном пути и деятельности» [1. С. 10]. Отчасти новая книга о Никоне решает эту проблему и с опорой на многочисленную историографию в чёткой хронологической последовательности излагает основные вехи биографии Святейшего, подходя к ключевому, кульминационному её моменту. Потому название книги «Патриарх-схимник» знаково, ведь Патриарх Никон – единственный из русских Первосвятейтелей, кто принял схиму. Изложение историко-биографической канвы и наполнение её конкретными фактами подчинено единственной цели – показать жизненный путь Патриарха Никона как великий духовный подвиг, наполненный испытаниями и борьбой с недругами и оппонентами, активными деяниями и глубочайшим смирением, христианской любовью и терпимостью, которые привели приходского священника, Новгородского митрополита, Патриарха всея России, священноархимандрита патриарших монастырей, монаха Никона к принятию схимы.

Чтобы читатель мог легче воспринять и глубже осмыслить насыщенный событиями жизненный путь Святейшего, автор хорошо структурирует книгу. Он делит время патриаршества Никона на три этапа: «управление Церковью (1652–1658), оставление Патриаршего престола и созидание национальных православных святынь (1658–1666), заточение (1666–1681)». Последний, самый длинный, разбивает ещё на две части: «пребывание в Ферапонтовом монастыре (1666–1676), затем — в Кирилло-Белозерском (1676–1681). Окончание заключения Патриарха и завершение его жизненного пути совпадают» [1. С. 4]. Каждый этап, как и изложение событий, предшествующих патриаршеству Никона, автор дробит на самостоятельные разделы и подразделы, со своими названиями и собственным набором имён, дат, фактов и деталей.

К несомненным достоинствам исследования следует отнести кропотливую работу автора с источниками. Один из наиболее важных – «Известие» о Патриархе Никоне, составленное клириком Иоанном Шушериным († ок. 1689). Уникальность памятника, написанного практически сразу по кончине Святейшего, состоит не только в том, что изложенные биографом сведения получены им от самого Патриарха – и в этом смыс-

ле, как заключал своё издание сочинения Шушерина архим. Леонид (Кавелин), «нѣтъ ни малѣйшаго подозрѣнія относительно фактической стороны “Извѣстія”» [12. С. VII], но и в том, что это произведение свидетельствует о таком развитии в последней четверти XVII в. биографического жанра, когда приёмы агиографического повествования использовались с историографическими целями. Поэтому с момента возникновения шушеринская биография Никона служила ценным историческим источником с богатейшей рукописной (счёт идёт на сотни списков) и печатной (с 1784 г.) традицией.

Для отца Макария произведение Шушерина стало своеобразным каркасом, который дополнялся им сведениями из других источников и критически осмыслялся. Один из ярких примеров такого «несогласия» архим. Макария с жизнеописателем Патриарха Никона – дата рождения Святейшего. Традиционно, вслед за Шушериным принято считать, что будущий Московский Патриарх родился в мае 1605 г. В статьях, лёгших в основу специального раздела рецензируемого издания, отец Макарий, ссылаясь на свидетельство Николааса Витсена (1641–1717), входившего в голландское посольство и посетившего Никона в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре в 1664 г., доказывает, что дата рождения Первосвященителя должна быть сдвинута на пять лет назад, к 1600 г., и выстраивает свою хронологию дальнейшего жизненного пути Патриарха [1. С. 14–24]. На наш взгляд, к этому существенному хронологическому несоответствию двух источников следует относиться как к гипотетическому, по крайней мере, до тех пор, пока не будут найдены документальные свидетельства, указывающие на существование в практике рукоположения в священнический сан исключений при принятии будущим священником иерейской хиротонии до 30 лет, то есть ранее возраста Христа, крещённого Иоанном Крестителем.

Отец Макарий свободно ориентируется как в современных, так и давно освоенных наукой материалах; он анализирует огромный пласт опубликованных и неизданных документов. Их объективная оценка пронизывает всё изложение, что проявляется в опоре автора на отдельные классические работы о Патриархе Никоне как его апологетов – Н.А. Гиббенет, митр. Макарий (Булгаков), архим. Леонид (Кавелин), М.В. Зызыкин, так и их оппонентов – Н.Ф. Каптерев, С.М. Соловьев, Н.И. Костомаров. С последними автор не полемизирует. Напротив, с глубоким ува-

жением относится к оценкам ими исторических событий. Именно эти учёные, многие из которых трудились в стенах Московской духовной академии [13–15], прекрасно владели архивными материалами о Патриархе Никоне и ввели в научный оборот значительное число документов «дела» Никона, заложив методологические основы исторического подхода к оценке непростой личности Московского Первосвятителя [16]. В МДА, согласно описям рукописного фонда и архива академии, под их руководством и с их оппонированием были написаны студенческие рефераты, кандидатские и магистерские диссертации, тематика которых была связана с персоной Святейшего Никона. Каждый из примеров научного обращения в академии к личности и деяниям Патриарха Никона требует отдельного исследования, которое без сомнения обнаружит неизвестные имена молодых учёных, их оригинальные подходы к осмыслению материала¹ и докажет следование автором рецензируемого издания разработанному русскими церковными историками, в том числе профессорами МДА, научному анализу фактологии и семантики документа. Однако заметим: для книги, автор которой занимает устойчивую апологетическую позицию в отношении персоны Святейшего Патриарха и его деяний, всё-таки недостаточно широким выглядит круг сторонников этого подхода. Автором явно недооценены мнения о Патриархе Никоне и его времени митр. Филарета (Гумилевского), А.П. Щапова, Н.И. Субботина, которые, объясняя грандиозность замыслов и масштабность поступков Московского Первосвятителя, демонстрировали положительное отношение к его личности и критически оценивали доступные им источники.

Чёткостью и прямолинейностью, сопряжёнными с научной объективностью, отличается позиция архим. Макария в отношении старообрядческой традиции неприятия личности Патриарха Никона и его деяний на первосвятительской кафедре. Автор отмечает, что до сих пор «в исследованиях о Патриархе Никоне используются материалы раскольников-старообрядцев, которые демонстрируют крайне негативное отношение к святителю» [1. С. 10]. На конкретных примерах (омофор на плечах Ни-

¹ Один из таких малоизученных исследователей – прот. Христофор Константинович Максимов, сначала обучавшийся МДА, а позже – преподаватель академии. Под руководством проф. П.С. Казанского он подготовил кандидатскую диссертацию [17] и планировал продолжить исследование документов «дела» Никона в рамках магистерской работы.

кона, который увидел прп. Елеазар Анзерский († 1656); решение царя о погребении Новгородского митр. Аффония († 6 апреля 1652); Никон как инициатор изменений в богослужебной жизни; взаимоотношения Патриарха Никона с его духовной дочерью царевной Татьяной Михайловной и др.) автор показал отдельные приёмы мифотворчества, с помощью которых старообрядческие авторы продолжают агрессивную риторику в адрес Никона и его сторонников, погружаясь в исторический контекст их противостояния Московскому Патриарху [1. С. 10–12, 38, 68, 212, 366–367, 371–374, 532–533]. Многие клеветы и пасквилы, возведённые на Патриарха Никона старообрядческими авторами и объединённые в «антижитие» как «некий противовес» шушеринской биографии Никона, как справедливо замечено, давно детально изучены и раскрыты В.Н. Перетцем и Н.Ю. Бубновым.

Возможно, потому, что архим. Макарий опирается преимущественно на достижения отечественной церковно-исторической науки, в книге скудно представлена зарубежная историография о Патриархе Никоне. Например, отсутствует апелляция к хорошо известным и объективно принимаемым в отечественном никоноведении исследованиям Кевина Кейна, американского историка и искусствоведа, издавшего для англоязычного читателя уже упоминавшееся «Известие» о Патриархе Никоне [18], а также ряд работ, посвящённых изображениям Святейшего и анализу его биографии.

В стороне остался и горячий почитатель Никона англиканский богослов и историк Уильям Палмер (1810–1878), многократно бывавший в России и издавший на английском языке документы «дела» Никона, его «Возражение» и книгу о церковном Соборе митр. Газы Паисия Лигарида, приложившего немало усилий для организации церковного Собора, осудившего опального Первосвятителю [19]. Эти исследования и публикации нарративных материалов не утратили своего значения по сей день и чрезвычайно востребованы современной исторической наукой. Что же касается произведения Паисия Лигарида о Большом Московском Соборе 1666–1667, где Патриарх Никон был лишен священства и как простой монах сослан в Ферапонтов-Белозерский Богородице-Рождественский монастырь, то оно несомненно должно учитываться при анализе персоны и деяний бывшего Первоиерарха – но объективно и с пониманием пристрастности отзыва митрополита Газы о его оппоненте (что, кстати, совершенно не характерно для многих известных историков XIX в., относившихся к этому произведению как достоверному истори-

ческому источнику). Кроме того, напомним, что русский перевод середины XIX в. первых двух из трёх глав этой «хроники» Собора был сделан скорее всего в стенах МДА, хранится в фонде рукописей этого образовательного учреждения в Российской государственной библиотеке. А русский перевод третьей части книги был сделан по английскому изданию Палмера и единственная рукопись с этим переложением принадлежала уже упомянутому ранее прот. Христофору Максимову [20].

Наконец, не названа великолепная по содержанию и исполнению работа трудившихся за рубежом наших соотечественников, блестящих исследователей Г.В. Вернадского и В.А. Туминс, впервые издавших полный текст «Возражения» Никона на вопросы боярина С.Л. Стрешнева и ответы ему Паисия Лигарида по ленинградскому списку и снабдивших публикацию обширным (около трёх тысяч позиций) комментарием [21]. Как заметил А.С. Лавров, это издание Зарубежья имеет исключительный характер: «Возражение» – «единственное произведение древнерусской литературы, научное издание которого появилось не в России, а в эмиграции» [22. С. 206].

Нельзя сказать, что работы историков Русского зарубежья о Патриархе Никоне не известны отцу Макарию – он обращается к статьям митр. Антония (Храповицкого), архиеп. Серафима (Соболева), к монографиям М.В. Зызыкина и А.В. Карташёва. Однако недооценёнными архимандритом с точки зрения вклада в развитие современного никоневедения остались исследования, например, прот. Георгия Флоровского, отца Павла Мейендорфа, прот. Александра Шмемана, Н.Е. Андреева и С.А. Зеньковского [23. С. 293–298], которые, несмотря на сложности, сопровождавшие их работу с источниками и подлинными архивными материалами, а также субъективное отношение к персоне Никона признавали в нём талантливого творца и строгого администратора. Надо сказать, что такая оценка личности Патриарха Никона и его деяний Русским зарубежьем стала настоящим прорывом в историографии о Московском Первосвятителе, повлиявшим на глубокое осмысление и неоднозначную оценку документов «дела» Никона. В частности, на проблеме «книжной sprawy» и литургической реформы, которая совершенно справедливо освещается архим. Макарием как часть профессиональной деятельности Печатного двора, когда им руководил Патриарх Никон. Автором книги названы приглашённые Первосвятителем Никоном справщики и перечислены подготовленные с их участием издания; подробно охарактеризована напечатанная при Никоне Кормчая книга [1. С. 208–

218]. Но этот богатый источниковый материал, имеющий опору в современных монографических исследованиях о «книжной справе» А.В. Вознесенского, Н.И. Сазоновой, прот. Георгия Крылова, Е.В. Беляковой, Л.В. Мошковой и Т.А. Опариной, А.С. Лаврова и А.В. Морохина, а также в специальных работах Б.А. Успенского, В.Г. Сиромахи, Е.А. Агеевой и мн. др., связавших, как и мыслители Русского зарубежья, преобразования середины XVII в. со взглядами Никона на церковно-государственные отношения, требует, на наш взгляд, более чёткой и принципиальной позиции архим. Макария о содержании политической программы предпринятых при Никоне реформ, которые, как известно, были направлены на укрепление церковной власти. Автор рецензируемого издания, чётко следуя за датами выхода новоисправленных книг 1652–1658 гг., не усматривает к концу патриаршего периода явный отход Никона от книгоиздательской функции Печатного двора и деятельности по проведению церковно-обрядовой реформы в жизнь. А ведь именно М.В. Зызыкин, детально изучая поступки Патриарха Никона и его деяния накануне оставления первосвятительской кафедры, отмечал, что в последние годы на кафедре Святейший сосредоточился на практической работе по управлению государством во время отсутствия царя в столице из-за военных походов, на перестройке Патриарших палат в Кремле и строительстве Ново-Иерусалимского, Иверского Валдайского и Крестного Онежского монастырей. Как раз эта практическая деятельность и стала реализацией политической программы Никона: она претворяла в жизнь идеи симфонии, – писал Зызыкин [24. С. 45].

Не обобщает архим. Макарий богатейший теоретический опыт о судьбе зодчества и иконографии, церковной музыки и художества в период патриаршества Никона. Хотелось бы услышать принципиальную позицию автора рецензируемого издания о вкладе Первосвятителя Никона в развитие этих сфер культуры, об особенностях их реализации, например, в патриарших монастырях. Это мнение церковного историка в новой монографии о Патриархе Никоне имеет важнейшее значение. Занимаясь эпистолярным и литературно-публицистическим творчеством Никона [25], мы пришли к выводу о традиционализме Святейшего в литературной деятельности. По письменному наследию Патриарха Никона как по учебнику можно учиться приёмам работы древнерусского книжника. Консерватор по своим эстетическим воззрениям, противник «латинумудрия», укоренённый в святоотеческую и древнерусскую традицию Никон в то же время был открыт для восприятия западнорусских тен-

дений в церковной культуре, если они соответствовали духу православия [26; 27]. Согласимся с современным историком в том, что Никон «создал своими реформами условия для развития новых течений» и «несовпадение личных взглядов Никона с тем, что явилось реальным результатом инициированных им преобразований, вполне знаменательно» [22. С. 207].

Сочетание в личности Никона и его деяниях традиции и новаторства наделяет её огромным творческим началом, неисчерпаемой энергией и мощной духовной потенцией. Именно таким Патриарх Никон предстает в современных комплексных исследованиях. К сожалению, за рамками историографического интереса архим. Макария остались имеющие междисциплинарный характер работы А.М. Лидова и его соратников по иеротопической «школе» [28], трактующих отдельные деяния и замыслы Патриарха Никона, реализованные в основанных им монастырях, как сакральное пространство, наполненное иконическими и перформативными элементами, где идейная программа заказчика чётко визуализируется и узнаётся. Этот новаторский историко-культурный подход открывает в никоноведении новую страницу.

Высказанные замечания никоим образом не снижают научный уровень работы отца Макария, представляющей читателю многогранную и неординарную личность Патриарха Никона, объективно осмысляющей его некоторые взгляды и отдельные деяния с учётом новейших публикаций и исследований. А авторов «летописи» жизни и деятельности Первосвященителя [29; 30] содержание книги, возможно, подвигнет к следующему этапу работы над составлением хроники событий и биографии Святейшего, к своей оценке накопленных к сегодняшнему дню материалов и публикаций о нём, к новым архивным поискам и находкам.

Напоследок отметим, что книга написана хорошим литературным языком; имеет великолепный иллюстративный ряд и прекрасное внешнее оформление, выполненные профессионально и с тонким художественным вкусом. Надеемся, что знакомство с новой монографией отца Макария станет для читателя и познавательным, и духовно полезным.

Список источников

1. Макарий (Веретенников), архим. Патриарх-схимник. Сергиев Посад : СТСЛ, 2024. 544 с.
2. Макарий (Веретенников), архим. Из истории русской иерархии XVI века. Подворье Троице-Сергиевой Лавры, 2006. 320 с.

3. Макарий (Веретенников), архим. Митрополиты Древней Руси (X–XVI века). Сретенский м-рь, 2016. 1256 с.
4. Макарий (Веретенников), архим. История Русской Церкви. Митрополичий период: 988–1589 гг. Нижний Новгород : Издательский отдел Нижегородской епархии. Вознесенский Печерский м-рь, 2016. 672 с.
5. Сухова Н.Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX в.). М. : Изд-во ПСТГУ, 2006. 658 с.
6. Кузоро К.А. Русская церковная историческая наука в отечественной историографии второй половины XIX – начала XXI вв. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 34. С. 232–251. doi: 10.24412/2224-5391-2021-34-232-251
7. Макарий (Веретенников), архим. Святейший Патриарх Никон // Альфа и Омега. 2006. № 3 (47). С. 77–95.
8. Макарий (Веретенников), архим. О дате рождения Патриарха Никона // Культурное наследие России. 2021. № 4. С. 4–8.
9. Макарий (Веретенников), архим. Святейший Патриарх Никон: начало жизненного пути // Богословский вестник. 2022. № 2 (45). С. 223–240. doi: 10.31802/GB.2022.45.2.013
10. Шмидт В.В. Никоноведение: библиография, историография и историософия // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2008. № 3–4. С. 96–227.
11. Воробьева Н.В. Новейшая историография церковно-государственных воззрений Святейшего Патриарха Никона // XI Кирилло-Мефодиевские чтения : межвуз. сб. научн.-метод. ст. Ишим, 2019. С. 79–87.
12. Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона, Патриарха Московского, написанное клириком его Иоанном Шушериным (с печатного издания 1817 года, сличенного с тремя древнейшими списками). М. : В Университетской тип. (Катков и К^о), 1871. 227 с.
13. Кузоро К.А., Бирюкова Д.А. Формы научной коммуникации профессорско-преподавательского сообщества церковных историков второй половины XIX – первой четверти XX в. (на примере Московской духовной академии) // Вестник Томского гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2019. № 33. С. 76–90. doi: 10.17223/22220836/33/6
14. Дежников Г.С. Научная деятельность преподавателей Московской духовной семинарии в конце XIX – начале XX в. // Вестник Тамбовского ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. № 1 (129). С. 124–129.
15. Мельков А.С. Ректор Московской Духовной академии А.В. Горский и его вклад в развитие русской церковно-исторической науки // Журнал Московской Патриархии. 2002. № 12. С. 47–52.
16. Воробьева Н.В. Личность патриарха Никона в отечественной историографии. Омск : Изд-во ОмЭИ, 2007. 243 с.
17. Севастьянова С.К. Диссертация протоиерея Х.К. Максимова «Патриарх Никон в литературной борьбе с Паисием Лигаридом» и ее вклад в изучение «Возражения» патриарха Никона // Исторический курьер. 2024. № 2 (34). С. 26–37.

18. Kain Kevin and Levintova Katia (trans. and eds). From Peasant to Patriarch. Account of the Birth Upbringing, and Life of His Holiness Nikon, Patriarch of Moscow and All Russia, written by His Cleric Ioann Shusherin. New York : Lexington Books, 2007. 214 p.
19. Palmer W. The Patriarch and the Tsar: in 6 vols. London, 1871–1876.
20. Севастьянова С.К., Рылик П.А., Бондач А.Г. Сочинение Газского митрополита Паисия Лигарида о суде над патриархом Никоном: проблемы исследования и перевода // Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 65–78. doi: 10.17223/18137083/80/7
21. Patriarch Nikon on Church and State: Nikon's «Refutation». Berlin ; New York ; Amsterdam : Walter de Gruyter Publ., 1982. 812 p.
22. Лавров А.С. Рецензия на книгу: Воробьева Н.В. Патриарх Никон: власть, вера, образ. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2019. 343 с. // Вестник Свято-Филаретовского института. 2019. № 32. С. 201–208.
23. Балалыкин Д.А. Обрядовые реформы в Русской православной Церкви XVII века в интерпретации историков Русского зарубежья второй половины XX века // Вестник АГТУ. 2005. № 6 (29). С. 293–298.
24. Полознев Д.Ф. Церковно-государственные отношения в свете реформы патриарха Никона // История и культура Ростовской земли : материалы конференции. Ростов : Изд. ГМЗ «Ростовский Кремль», 1998. С. 40–52.
25. Севастьянова С.К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: исследование и тексты. М. : Индрик, 2007. 776 с.
26. Зеленская Г.М. Новый Иерусалим и Малая Россия // Русский мир в мировом контексте : сб. статей и материалов всерос. заочной науч. конференции с международ. участием «Человек и мир человека». Рубцовск : ИП Пермяков С.А., 2012. С. 178–196.
27. Зеленская Г.М. Духовно-художественные связи монастырей Патриарха Никона с Киевом и Киево-Печерской лаврой в XVII–XVIII вв. // Каптеревские чтения-21. 2023. С. 150–183.
28. Лидов А.М. Иеротопия: создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исследования // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2009. № 52. С. 60–77.
29. Севастьянова С.К. Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности Патриарха Никона». СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. 520 с.
30. Дорошенко С.М. Летопись жизни и деятельности Патриарха Никона на фоне событий церковной и гражданской истории и в окружении разного рода лиц, к нему касательных // Патриарх Никон: стяжание Святой Руси – созидание Государства Российского: в трех частях. Ч. I. М. : Изд-во РАГС ; Саранск : НИИ гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия, 2009. 1200 с.

References

1. Macarius (Veretennikov), archim. (2024) *Patriarkh-Skhimnik* [Patriarch-Schemam Monk]. Sergiev Posad: STSL.

2. Macarius (Veretennikov), archim. (2006a) *Iz istorii russkoy ierarkhii XVI veka* [From the History of the Russian Hierarchy of the 16th Century]. Trinity Lavra of St. Sergius Metochion.
3. Macarius (Veretennikov), archim. (2016a) *Mitropolity Drevney Rusi (X–XVI veka)* [Metropolitans of Old Rus' (10th–16th Centuries)]. Sretensky Monastery.
4. Macarius (Veretennikov), archim. (2016b) *Istoriya Russkoy Tserkvi. Mitropolichiy period: 988–1589 gg.* [History of the Russian Church. Metropolitan Period: 988–1589]. Nizhny Novgorod: Department of the Nizhny Novgorod Diocese; Ascension Pechersky Monastery.
5. Sukhova, N.Yu. (2006) *Vysshaya dukhovnaya shkola: problemy i reformy (vtoraya polovina XIX v.)* [Higher Theological School: Problems and Reforms (Second Half of the 19th Century)]. Moscow: PSTGU.
6. Kuzoro, K.A. (2021) Russkaya tserkovnaya istoricheskaya nauka v otechestvennoy istoriografii vtoroy poloviny XIX – nachala XXI vv. [Russian Church Historical Science in Domestic Historiography of the Second Half of the 19th – Early 21st Centuries]. *Vestnik Ekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii*. 34. pp. 232–251. doi: 10.24412/2224-5391-2021-34-232-251
7. Macarius (Veretennikov), archim. (2006b) Svyateyskiy Patriarkh Nikon [His Holiness Patriarch Nikon]. *Alfa i Omega*. 3(47). pp. 77–95.
8. Macarius (Veretennikov), archim. (2021) O date rozhdeniya Patriarkha Nikona [On the date of birth of Patriarch Nikon]. *Kul'turnoe nasledie Rossii*. 4. pp. 4–8.
9. Macarius (Veretennikov), archim. (2022) Svyateyskiy Patriarkh Nikon: nachalo zhiznennogo puti [His Holiness Patriarch Nikon: The beginning of his life]. *Bogoslovskiy vestnik*. 2(45). pp. 223–240. doi: 10.31802/GB.2022.45.2.013
10. Shmidt, V.V. (2008) Nikonovedenie: bibliografiya, istoriografiya i istoriosofiya [Nikon Studies: Bibliography, Historiography, and Historiosophy]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 3–4. pp. 96–227.
11. Vorobieva, N.V. (2019) Noveyshaya istoriografiya tserkovno-gosudarstvennykh vozzreniy Svyateyshego Patriarkha Nikona [The latest historiography of the church and state views of His Holiness Patriarch Nikon]. In: *XI Kirillo-Mefodievskie chteniya* [The 11th Cyril and Methodius Readings]. Ishim: [s.n.]. pp. 79–87.
12. Shusherin, I. (1871) *Izvestie o rozhdenii i vospitanii i o zhitii Svyateyshego Nikona, Patriarkha Moskovskogo, napisannoe klirikom ego Ioannom Shusherinym (s pechatnogo izdaniya 1817 goda, slichennogo s tremya drevneyshimi spiskami)* [Information about the birth, upbringing, and life of His Holiness Nikon, Patriarch of Moscow, written by his cleric Ioann Shusherin (from the printed edition of 1817, compared with three ancient copies)]. Moscow: V Universitetskoy tip. (Katkov i K^o).
13. Kuzoro, K.A. & Biryukova, D.A. (2019) Forms of scientific communication of the teaching community of church historians of the second half of the 19th – first quarter of the 20th century (on the example of the Moscow Theological Academy). *Vestnik Tomskogo gos. univ-ta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 33. pp. 76–90. (In Russian). doi: 10.17223/22220836/33/6

14. Dezhnikov, G.S. (2014) Nauchnaya deyatel'nost' prepodavateley Moskovskoy dukhovnoy seminarii v kontse XIX – nachale XX v. [Scientific activity of teachers of the Moscow Theological Seminary in the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Tambovskogo univ-ta. Ser.: Gumanitarnye nauki*. 1(129). pp. 124–129.
15. Melkov, A.S. (2002) Rektor Moskovskoy Dukhovnoy akademii A.V. Gorskiy i ego vklad v razvitie russkoy tserkovno-istoricheskoy nauki [Rector of the Moscow Theological Academy A.V. Gorsky and his contribution to the development of Russian church-historical science]. *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii*. 12. pp. 47–52.
16. Vorobieva, N.V. (2007) *Lichnost' patriarkha Nikona v otechestvennoy istoriografii* [The personality of Patriarch Nikon in Russian historiography]. Omsk: OmEI.
17. Sevastyanova, S.K. (2024) Dissertatsiya protoiereya Kh.K. Maksimova "Patriarkh Nikon v literaturnoy bor'be s Paisiem Ligaridom" i ee vklad v izuchenie "Vozrazheniya" patriarkha Nikona [Dissertation of Archpriest H.K. Maksimov "Patriarch Nikon in the Literary Struggle with Paisius Ligarides" and its contribution to the study of Patriarch Nikon's "Objections"]. *Istoricheskiy kur'er*. 2(34). pp. 26–37.
18. Shusherin, I. (2007) *From Peasant to Patriarch. Account of the Birth Upbringing, and Life of His Holiness Nikon, Patriarch of Moscow and All Russia, written by His Cleric Ioann Shusherin*. Translated by K. Kain & K. Levintova. New York: Lexington Books.
19. Palmer, W. (1871–1876) *The Patriarch and the Tsar: in 6 vols*. London: [s.n.].
20. Sevastyanova, S.K., Rylik, P.A. & Bondach, A.G. (2022) The work of Metropolitan Paisius Ligarides of Gaza on the trial of Patriarch Nikon: problems of research and translation. *Sibirskiy filologicheskyy zhurnal – Soberian Journal of Philology*. 3. pp. 65–78. doi: 10.17223/18137083/80/7
21. Patriarch Nikon. (1982) *Patriarch Nikon on Church and State: Nikon's "Refutation."* Berlin; New York; Amsterdam: Walter de Gruyter.
22. Lavrov, A.S. (2019) Retsenziya na knigu: Vorobieva N.V. Patriarkh Nikon: vlast', vera, obraz. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2019. 343 s. [Review of the book: Vorobeva, N.V. Patriarch Nikon: Power, Faith, Image. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2019. 343 p.]. *Vestnik Svyato-Filaretovskogo instituta*. 32. pp. 201–208.
23. Balalykin, D.A. (2005) Obryadovye reformy v Russkoy pravoslavnoy Tserkvi XVII veka v interpretatsii istorikov Russkogo zarubezh'ya vtoroy poloviny XX veka [Ritual reforms in the Russian Orthodox Church of the 17th century in the interpretation of historians of the Russian diaspora in the second half of the 20th century]. *Vestnik AG-TU*. 6(29). pp. 293–298.
24. Poloznev, D.F. (1998) Tserkovno-gosudarstvennyye otnosheniya v svete reformy patriarkha Nikona [Church-state relations in light of the reform of Patriarch Nikon]. *Istoriya i kul'tura Rostovskoy zemli* [History and Culture of the Rostov Land]. Proc. of the Conference. Rostov: Rostovskiy Kreml'. pp. 40–52.
25. Sevastyanova, S.K. (2007) *Epistolyarnoe nasledie patriarkha Nikona. Perepiska s sovremennikami: issledovanie i teksty* [Epistolary legacy of Patriarch Nikon. Correspondence with contemporaries: research and texts]. Moscow: Indrik.

26. Zelenskaya, G.M. (2012) *Novyy Ierusalim i Malaya Rossiya* [New Jerusalem and Little Russia]. In: *Russkiy mir v mirovom kontekste* [The Russian World in the Global Context]. Rubtsovsk: IP Permyakov S.A. pp. 178–196.
27. Zelenskaya, G.M. (2023) *Dukhovno-khudozhestvennye svyazi monastirey Patriarkha Nikona s Kievom i Kiev-Pecherskoy lavroy v XVII–XVIII vv.* [Spiritual and artistic ties of the monasteries of Patriarch Nikon with Kiev and the Kiev-Pechersk Lavra in the 17th-18th centuries]. In: *Kapterevskie chteniya* [The Kapterev Readings]. Vol. 21. pp. 150–183.
28. Lidov, A.M. (2009) *Ierotopiya: sozdanie sakral'nykh prostranstv kak vid tvorchestva i predmet issledovaniya* [Hierotopy: Creation of Sacred Spaces as a Type of Creativity and Subject of Research]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 52. pp. 60–77.
29. Sevastyanova, S.K. (2003) *Materialy k "Letopisi zhizni i literaturnoy deyatel'nosti Patriarkha Nikona"* [Materials for the "Chronicle of the Life and Literary Work of Patriarch Nikon"]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
30. Doroshenko, S.M. (2009) *Patriarkh Nikon: styazhanie Svyatoy Rusi — sozidanie Gosudarstva Rossiyskogo: v trekh chastyakh* [Patriarch Nikon: The Gathering of Holy Rus' and the Building of the Russian State: In Three Parts]. Vol. 1. Moscow: RAGS; Saransk: Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia.

Сведения об авторе:

Севастьянова Светлана Климентьевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: sevask@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Svetlana K. Sevastyanova, Dr. Sci. (Philology), docent, leading research fellow, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: sevask@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.12.2024;
одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 01.10.2025*

*The article was submitted 02.12.2024;
approved after reviewing 05.12.2024; accepted for publication 01.10.2025*

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ «ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ»

Редакция принимает статьи, набранные в текстовом редакторе WinWord. Статьи должны быть представлены в электронном и распечатанном виде (формат А4). Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т. п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах, вложенных в авторскую электронную папку.

Все рисунки выполняются только в черно-белой гамме, полноцветные иллюстрации не допускаются.

В начале статьи указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК), приводятся (каждый раз с новой строки):

- 1) инициалы и фамилия автора;
- 2) название статьи (строчными буквами, например: Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»);
- 3) краткая аннотация (500 знаков), которая выделяется курсивом и отделяется от текста статьи пропуском строки;
- 4) ключевые слова (3–5).

Текст набирается шрифтами Times New Roman, размер шрифта – 14 кеглей, межстрочный интервал – полуторный, поля (все) – 1,5 см, абзацный отступ – 0,5 см.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи такие шрифты должны быть представлены в редакцию в авторской электронной папке.

Нумерация страниц сплошная, с 1-й страницы, внизу по центру.

Ссылки на использованные источники приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например: [1. Т. 2. С. 27]. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера), предваряется словами «Список источников» и оформляется в порядке упоминания или цитирования в тексте статьи (не в алфавитном порядке!). Под одним номером допустимо приводить только один источник. Обязательно указание количества страниц в используемых источниках.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок. Если в примечаниях присутствуют ссылки на используемую литературу, номер этих источников в списке должен быть соотнесен с нумерацией источников в основном тексте статьи, после которых (перед которыми) вставлено примечание со ссылкой на источник. Примеры оформления можно посмотреть на сайте журнала (<http://vestnik.tsu.ru/book/>) в разделе «Архив».

Двумя отдельными файлами (а также в виде распечаток) обязательно предоставляются:

1. Англоязычный блок:
 - английский вариант инициалов и фамилии автора;
 - перевод названия своей организации;
 - перевод названия статьи (например: Ideological context of “Collection of Poems Relating to the Unforgettable 1812”);
 - автореферат статьи на английском языке (2 500–3 000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;
 - перевод ключевых слов на английский язык.

2. Сведения об авторе по форме:

- фамилия, имя, отчество (полностью);
- ученая степень, ученое звание;
- должность и место работы/учебы (кафедра/лаборатория/сектор, факультет/институт, вуз/НИИ и т.д.) без сокращений, например: **Киселев Виталий Сергеевич** – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kv-uliss@mail.ru

Кроме того, отдельно в том же файле указываются:

- Ф.И.О., должность и место работы научного руководителя (для студентов, аспирантов и соискателей);
- специальность (название и номер по классификации ВАК);
- телефоны (рабочий, сотовый).

Статья и сведения об авторе заверяются подписью автора (и научного руководителя – в случае, если автор не имеет ученой степени).

Всего оформляется и подается три электронных и бумажных документа:

- 1) текст статьи с аннотацией на русском языке;
- 2) английский вариант имени и фамилии автора, названия своей организации; перевод названия статьи и ключевых слов; автореферат статьи на английском языке (2 500–3 000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;

- 3) сведения об авторе.

Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, Ivanov1.doc, Ivanov2.doc, Ivanov3.doc) и вложены в папку, названную аналогично (например, Ivanov). При передаче электронной папки обязательно использование архиваторов WinZip или WinRar (например, Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторы должны представить в редакцию заполненный бланк, в котором указывается согласие автора на публикацию статьи и размещение ее в интернете. Письмо должно быть подписано автором и заверено в организации, в которой работает или обучается автор. В случае соавторства каждый из авторов подписывает и заверяет отдельное письмо.

Статьи принимаются по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет (ТГУ), филологический факультет, редакция журнала «Текст. Книга. Книгоиздание», Воробьевой Татьяне Леонидовне¹.

Электронные версии материалов обязательно размещаются в «личном кабинете» автора на сайте журнала <http://vestnik.tsu.ru/book/>

После регистрации и прикрепления статьи авторы имеют возможность отслеживать изменение ее состояния (получение бумажного варианта, результат рецензирования и т. д.).

¹ По желанию автора бумажные варианты могут быть заменены сканированными pdf-файлами и представлены в редакцию в отдельной заархивированной папке посредством прикрепления на сайте параллельно с электронными вариантами материалов.

Научно-практический журнал

ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ

TEXT. BOOK. PUBLISHING

2025. № 39

Редактор *Е.В. Иванова*
Редактор-переводчик *В.В. Кашиур*
Оригинал-макет *Е.В. Ивановой*
Дизайн обложки *Л.Д. Кривцовой*

Подписано в печать 19.12.2025 г. Дата выхода в свет 28.01.2026 г.
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Печ. л. 10,75; усл. печ. л. 10; уч.-изд. л. 10,38.
Тираж 50 экз. Заказ № 6586. Цена свободная

Издание отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. +7 (382-2) 53-15-28, 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>, e-mail: rio.tsu@mail.ru